

Борис Диденко Хищная любовь

Аннотация

Сексуальные маньяки, извращенцы — с точки зрения большинства людей это явно ненормальные субъекты. Но медики зачастую признают их психически совершенно здоровыми. Так кто же они? Новое антропологическое исследование Бориса Диденко посвящено этому вопросу. Проблема сексуальной извращённости рассмотрена с позиций новой концепции антропогенеза, становления Homo Sapiens, согласно которой человечество не является единым видом. Оно состоит из четырёх видов, два из которых — хищные, с ориентацией на людей. Именно эти злокозненные существа приносят в наш мир бесчеловечную жестокость, безнравственность и, в том числе, — сексуальную извращённость.

Борис Диденко

Хищная любовь

Сексуальные маньяки, извращенцы — с точки зрения большинства людей это явно ненормальные субъекты. Но медики зачастую признают их психически совершенно здоровыми. Так кто же они? Новое антропологическое исследование Бориса Диденко посвящено этому вопросу. Проблема сексуальной извращённости рассмотрена с позиций новой концепции антропогенеза, становления Homo Sapiens, согласно которой человечество не является единым видом. Оно состоит из четырёх видов, два из которых — хищные, с ориентацией на людей. Именно эти злокозненные существа приносят в наш мир бесчеловечную жестокость, безнравственность и, в том числе, — сексуальную извращённость.

Для философов, антропологов и всех интересующихся проблемой человека на фоне кризиса культуры и цивилизации.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ НЕЛЮДЕЙ

Опасность, кровь, разврат, обман —

суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошёл все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

А.С.Пушкин, «Братья разбойники»

ОТ АВТОРА

Одним из основных чисто человеческих чувств является, как известно, стыд. Во взаимоотношениях полов человек должен быть в определённом смысле ханжой, но ханжество это понимается в очень хорошем смысле. Человек, таково моё личное мнение, должен быть во многих отношениях неискренним (даже лицемерным), нельзя ни в коем случае выставлять напоказ значительную часть своих чувств. Всегда должна существовать некая недоговоренность. В то же время — «не чуждаться ничего человеческого», было бы неразумно отказывать себе в «невинных людских радостях». Достаточно откровенный диалог, если он необходим, при этом должен вестись как бы в неявной форме (исключение здесь — анамнез: интимные сведения для сугубо врачебных целей). Так, например, прячется от постороннего глаза физиология человека, прямо связанная с процессами метаболизма. Совместный приём пищи, и тот потребовал от людей длительной эволюции этикета и выработки множества церемониалов — трапезы, тризны, банкеты, «чайные церемонии» и т.п. А есть и такие реликтовые племена, в которых считается верхом неприличия на людях принимать пищу. (Положа руку на сердце, нужно сказать, что есть субъекты, так звучно и «зрелищно» принимающие пищу, не говоря уже об их «благородной, дворянской отрыжке», что возникает желание если и не отправить их в подобное «сверхстеснительное» племя, то по крайней мере уговорить их пользоваться специальным запирающимся изнутри помещением, где бы они смогли спокойно «трапезничать»).

Тем более строго и тонко должны обстоять дела с сексуальным аспектом бытия человека. Даже — в первую очередь сексуальным аспектом, ибо это очень хрупкий предмет, и к тому же в необычайной степени важный для человечества. Его следует всячески оберегать. Действительно, секс по своему культурно-психофизиологическому статусу охватывает необычайно огромный диапазон, как бы распростёршийся между утончённостью «чайной церемонии» и отпавлением физиологической потребности. «надобности», причём очень и очень «большой», если даже не самой большой и необходимой. Высокая поэтическая романтика любовного горения необходимо заканчивается реальной — весьма прозаичной — половой физиологией. Эротика и порнография, высокое нежное чувство и чувственность, вплоть до безудержной похоти — всё это справедливо и сосуществует одновременно в сексуальной сфере жизни человека. Здесь невозможно выработать однозначное отношение. Человек сам должен и может выбирать позицию в собственном отношении к сексу. Поэтому когда я слышу распространённое ныне выражение «заниматься любовью», меня коробит и становится стыдно за всех мужчин.

Мне очень трудно было писать эту книгу, я нарушил свои же собственные внутренние запреты. Но в то же время не написать её мне было нельзя: открывается очень страшная, но нужная правда о людях. И пришлось, как говорится, действовать «через не могу».

Сейчас в литературе, искусстве и вообще в СМИ России ведётся страшная, можно сказать, сатанинская кампания против духовности народа. Поток т.н. «чернушной» литературы и порнографии захлестнул книжные прилавки. Не отстаёт и российское телевидение. Чего стоит одна только вечерняя еженедельная передача телеканала НТВ — «Про это», с «не краснеющей» ведущей — прямо-таки символично! — инфернальной внешности. В этом «ток-секс-шоу»

неприкрыто пропагандируются все формы сексуальной извращённости и вседозволенности среди молодёжи. Это не говоря об остальном — уже «обычном» — мутном потоке порнографии и насилия, выплескиваемом с «голубого» экрана, этого основного глашатая «информационной империи», как из помойного ведра. Помнится один из ночных выпусков «Плейбоя», в котором живописался процесс производства в США т.н. «кино для взрослых», проще говоря, снятие на плёнку различных форм доподлинного совокупления. Одна из парочек «актёров» этого кино — молодые супруги, без тени сомнения считающие своё откровенно скотски бесстыдное занятие полноправным «бизнесом» (точно такое же «нравственное оправдание» своего дела имеется у наёмных убийц, угодливо именуемых ныне киллерами: «это моя работа, мне за это платят».) Вся эта мерзопакостность преподносится как желанная, наконец-то, обрётённая свобода личности. Но это не свобода, это — срыв со всех нравственных тормозов. Надеюсь, моя книга явится неким ощутимым ударом по этой «сексуальной бесовщине».

Дело в том, что та видовая концепция, которую я разрабатываю, и согласно которой, человечество делится на хищные и нехищные виды, говорит, что называется, прямым текстом, о вопиющей ситуации, сложившейся во взаимоотношениях людей, в том числе и «на сексуальном фронте». Информация, на которой строится эта концепция, и выводы, которые из неё следуют, очень важны для правильного понимания половой сферы жизни человека, тем более, что в таком ракурсе данная проблема освещения не имела. Пусть это лишь гипотеза, но она претендует на весьма большую достоверность, уж очень всё, как говорится, «ложится в масть», «выходит в цвет». Конечно же, заниматься этими сложнейшими вопросами должны были бы специалисты, в первую очередь — медики — психиатры, генетики, юристы и криминологи. И хочется верить в то, что люди, наконец-то, займутся более глубоким и адекватным исследованием человеческой сексуально-психологической проблематики, и нравственные, абсолютно честные учёные необходимых специальностей для такой работы найдутся. Но пока у них руки не доходят до этого дела, поэтому хочу внести посильный вклад в понимание этой проблемы.

Человечество уже до такой степени «нашкодило» в своей истории, что многие страницы его «досье», в том числе и из раздела «сексуальные преступления», в принципе, являются общедоступными, и поэтому на первых порах можно обойтись без участия — раз уж таких «тяжелых на подъём» — специалистов. Достаточно воспользоваться информацией, содержащейся в медицинских справочниках (руководствах для врачей), в книгах, которые всегда имеются под рукой, да и просто полистать газеты соответствующей направленности, посмотреть ряд передач по ТВ, и этого оказывается вполне достаточно не только для понимания реального положения дел в сексуальной области, но и для того, чтобы почувствовать себя чем-то замаранным — липким и дурно пахнущим. Возможно, что такое же ощущение останется и у иного читателя этой книги, но что поделаешь — нельзя, не имея профессиональной привычки, войти в анатомический театр или чумной барак не содрогнувшись.

Невозможно достаточно полно исследовать человека, не вникая в самые интимные подробности. Именно поэтому все «философские антропологии» и «психологии личности» бесплодны: они не обеспечивают требуемого «крупного плана». Когда-то к такому подробному и доскональному исследованию внутреннего мира человека приступила «старая, добрая» художественная литература серьёзной психологической, интроспективной направленности. Но этому хорошему, честному делу помешал и спутал все карты весьма некстати (?) появившийся психоанализ, со своими «бессознательными» (считай, безосновательными) заморочками. Да и вся психология стала «рыть не в том направлении», точнее, во всех мыслимых, кроме самого главного — поисков истоков человеческой нравственности. Вздорные антропологические «теории» и высокопарные «философии человека» задавили ростки честного исследования человека. Безукоризненные работы А.Шопенгауэра. П.А.Кропоткина о врождённой нравственности, неопределимые антропологические исследования этики детского поведения, проведённые П.Ф.Лесгафтом, оказались «не к месту». Психология (вкуче с психиатрией) стала ещё одним прибежищем шарлатанов. То же самое произошло и с изучением сферы половой жизни человека — и здесь

журльё от науки превратило сексологию в источник псевдонаучных спекуляций и ещё больше — в источник дохода. В результате, человеческая сексуальная извращённость перестала подвергаться осуждению и даже была поднята «научными знахарями» на щит.

Абсолютное большинство людей считают гетеросексуальную форму полового поведения единственно верной и естественной. Но известно, что точно так же большинство всяческого рода извращенцев (гомосексуалисты, педофилы и пр.) считают себя совершенно нормальными и не видят ничего предосудительного и неестественного (хотя и именуют «натуралами» гетеросексуальных людей) в своём сексуальном аномализме, со смехом или негодованием отказываются от лечения (которое, и впрямь, бесполезно). Хотя, по очевидной логике вещей, правда на «гетеросексуальной» стороне, и доказывать её излишне. Разница здесь в том, что гетеросексуальная ориентация — естественна, находится в ладу с Природой. На естественных половых взаимоотношениях мужчины и женщины, можно сказать, мир стоит. Самое ужасное, что на эту тему приходится писать, кого-то убеждать в очень простых вещах, что люди находятся в заблуждении в той области человеческих чувств, в которой уже давным-давно все досужие разговоры (за исключением врачебных) должны быть табуированы, как само собой разумеющееся.

Ситуация здесь во многом совпадает с положением, сложившимся во властно-политических и криминальных структурах. И это вовсе не случайно! Просто напрашивается тот вывод, что и преступники, и извращенцы, и политики, — всё это одного поля ягоды (понятно, что речь идёт не обо всех вышеназванных «деятелях», а лишь о неких «избранных», самых «ядрёных и духовитых»). Это лишь разные формы сублимации человеческой хищности, направленности её энергии в различные русла, впрочем, не имеющих между собой каких-либо чётко означенных разделителей, они, скорее, как беспорядочные сточные канавы, которые отравляют людские колодцы.

Иные преступники оправдывают себя тем, что это общество довело их до жизни такой. Иногда так оно и есть. Но есть и значительная часть «братвы», которая гордится своим асоциальным статусом, такие субъекты считают себя выше («круче») других людей, и именуют себя, и только себя «людьми». Точно так же считают себя «расой господ», «избранниками богов», «сверхчеловеками» иные представители финансово-политических «элит» обществ. Не знаю точно кем именно считают себя сексуальные маньяки — убийцы-некрофилы, но вот среди «рядовых» извращенцев тоже есть «орлы», подобные уголовным «людям» и «богоизбранным» властью имущим, полагающие, что их аномальная сексуальная ориентация есть не что иное, как именно проявление и свидетельство их надчеловечности, наличия у них «голубой крови». Отсюда, видимо, и происходит их кличка «голубые», хотя в США их зовут «геи» (gay), «весёлые», они там, похоже, считают всех нормальных людей «скучными». Так что же представляют собой все эти «весельчаки» такие «голубые», да и остальные сексуальные «оригиналы»?

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Начать придётся издалека, — но это только на первый взгляд кажется далёким, ибо всё, что касается человека, необычайно переплетено и взаимосвязано. Уже много лет я разрабатываю концепцию существования видовых различий в человечестве. Базируется она на антропологическом учении Бориса Фёдоровича Поршнева (1905-1972 гг.). Этому великому русскому учёному удалось совершить действительно казавшееся уже невозможным, перед загадкой происхождения человека учёный мир, расписавшись в собственном бессилии, опустил руки. Б.Ф.Поршнева создал науку палеопсихологию — объединил весь комплекс разрозненных знаний о человеке (от палеоантропологии до патопсихологии и социологии) и выдвинул самую достоверную на сегодняшний день гипотезу происхождения человека (антропогенеза) [1].

Суть её состоит в том, что предки человека — т.н. троглодитиды (от австралопитеков и до палеоантропов) не были никакими охотниками, убийцами. Это были всеядные, в немалой степени растительноядные, но преимущественно плотоядные высшие приматы, пользующиеся обкалываемыми камнями как компенсацией недостающих им анатомических органов для расчленения костяков и разбивания крупных костей животных и для соскрёбывания с них

остатков мяса. Однако для умерщвления животных никаких — ни анатомо-морфологических, ни нейрофизиологических — новообразований у них не было.

Это были некрофаги, падальщики: они лишь выискивали кости крупных травоядных животных, павших или убитых настоящими хищниками, и своими пресловутыми «орудиями труда» — каменными рубилами — раскалывали их и добывали таким образом костный мозг. Отсюда — и прямохождение (нужно было носить или камни или кости), и огонь (при обработке камней сыпались искры), и почти полная потеря волосяного покрова (от постоянного общения с огнём и воздействия солнечной радиации). Итак, прямоходящие бессловесные приматы, использующие камни в качестве орудий, но не для охоты или какого-то там труда.

Непосредственные же предтечи же человека (палеоантроповые гоминиды, или троглодиты) во времена последнего ледникового периода, попав в экстремальные экологические условия, расщепились на два подвида на почве возникновения редчайшего среди млекопитающих феномена — «адельфофагии». что переводится как «поедание собратьев». Все признаки каннибализма у палеоантропов, какие известны антропологии, прямо говорят о посмертном поедании черепного и костного мозга и, вероятно, всего трупа подобных себе существ. Произошёл переход части популяции — «кормимых» — к хищному поведению по отношению к представителям другой части популяции — «кормильцев». Пра-человек из поедаемой, пассивной группы «кормильцев» приобрёл рассудок от страха быть убитым существом внешне очень похожим на него.

В основе человеческого мышления, речи лежит т.н. дипластия, или словесный образ, заменяющий в сознании каждый воспринимаемый объект внешнего мира по принципу тождества «и-и». Ничего подобного нет в знаках животных. Слово одновременно — и тождественно обозначаемому предмету, и полностью отлично от него, что совершенно абсурдно. Логика и синтаксис, практическое и теоретическое мышление есть не что иное, как деабсурдизация. «Я могу быть убит таким же существом как и Я!» От этой жуткой «первомысли» предок человека как бы «сошёл с ума», стал невротиком. Это и явилось первичной дипластией: «Федот, да не тот!» Именно это потрясение и стало первым проблеском гоминизации животного, появления у него само-осознания, т.е. способности посмотреть на себя со стороны, вырваться из рамок конкретно-предметного интеллекта животных. Человек «овладел собой как предметом» [44]. Начался бурный, лавинообразный процесс становления второй сигнальной системы, полностью перестроившей высшую нервную деятельность этого удивительного примата, взорвавшей всю его видовую судьбу, ставшую небезызвестной нам историей человечества.

Одновременно при этом само-осознании (иначе говоря — при рождении рассудка) происходит и неизбежное запечатление, или т.н. «импринтинг» хищного поведения, в результате которого убийства себе подобных предстают перед рассудочным человеком на долгие века как естественные. В этом плане страшный «импринтинг человекоубийства», ставший величайшим трагическим заблуждением человечества, видится как высочайшая цена, уплаченная людьми за приобретение ими рассудка.

Значимость поршневого палеопсихологического открытия состоит ещё и в том, что выводы его теории полностью применимы и к современности, они позволяют объяснить истинные причины существования морального и социального зла в жизни людей. Из этой концепции антропогенеза с очевидностью следует основополагающий вывод о моральной (видовой) неоднородности человечества, по своему поведению (вернее, по его мотивам) разделяющегося на стадных, правильнее будет говорить общественных людей, и хищников, точнее, хищных гоминид. Этих последних нельзя называть людьми в этическом смысле этого понятия. Они, по определению Гегеля, «морально неменяемы», а если что и отличает людей от животных, так это — нравственность, понятие к животному миру неприменимое. Эта мысль уже сотни лет витает в воздухе. Ещё Конфуций утверждал, что для человека существуют понятия «хорошо» и «плохо», а для животного — нет. Чарльз Дарвин как бы подытоживает: «Я вполне согласен с мнением тех писателей, которые утверждают, что из всех различий между человеком и животными самое важное есть нравственное чувство, или совесть. Мы видим в нём благороднейшее из всех свойств человека» [5].

Современные хищные гоминиды — это нелюди — суперанималы (superanimals —

сверхживотные) и псевдолюди — суггесторы (suggest — внушать), манипуляторы-приспособленцы. Хищническая установка включает две зоопсихологические черты: злобность и коварство [54]. Человеческих хищников можно идентифицировать и выявлять уже в детстве, что убедительно продемонстрировал российский педагог, врач Пётр Францевич Лесгафт. Он выявил в своих многолетних исследованиях детского поведения т.н. «школьные типы». «Честолюбивый тип», «лицемерный». «злостно-забитый» — детишки этих типов не имеют и не будут никогда иметь нравственности — таков вердикт учёного в их отношении. «Утром, убив родителей, они вечером заснут сном праведника» [18]. Это и есть подрастающие на горе людям суперанималы и суггесторы. Суггесторов будет точнее всего считать специфическими паразитами, они полностью подпадают в своём поведении под определение зоолога Лейкарта: «являются паразитами в отношении более крупных и сильных организмов, а в отношении равных себе и слабейших они ведут себя как настоящие хищники». Представители всех «элит» обществ ведут себя именно так.

Поэтому столь несхожие существа, какими являются хищные гоминиды и нехищные люди — диффузный вид и неоантропы (у Лесгафта это — «добродушный» и «угнетённый» типы), имеющие различные генотипы, ответственные за диаметрально противоположные поведенческие установки, не могут обладать в то же время хоть как-то совпадающими нравственными параметрами. Отсюда-то и возникает всечеловеческая трагедия — извечная борьба «добра и зла». Усугубляется положение ещё и тем, что часть нехищных людей, из числа обладающих слабо развитым нравственным чувством или попавших в неблагоприятные социальные условия, поддаются влиянию хищности, охищняются, и чаще всего становятся пешками в чужой страшной игре.

Вот в таком прискорбном, но истинном свете предстаёт межвидовая борьба в человеческой истории. В различные времена и эпохи её называли по-разному. Это — и борьба «Добра и Зла», и «Бога и дьявола», и «Света и Тьмы». На самом же деле всё это лишь разные, по-детски наивные, названия смертельного противоборства безнравственной, морально неменяемой кучки хищных паразитов и всего остального — нехищного — человечества.

Самое же страшное в этом извечном противостоянии то, что никакое примирение здесь невозможно. Образумить человеческих хищников нельзя — они действительно неменяемы. В лучшем случае их можно держать в «ежовых рукавицах», но для этого потребовались бы согласованные совместные усилия всего человеческого сообщества, а это пока что является лишь несбыточной (?) мечтой. Поэтому людям нужно быть готовыми к самому худшему варианту развития событий. А пока что необходимо срочно вырабатывать и претворять в жизнь некую мощную, непременно коллективную, стратегию уже не отпора и протеста, а окончательного обезвреживания «внутреннего» врага человечества. Возможно, это будет создание некой жёсткой системы духовной кастовости, вплоть до введения статуса «неприкасаемых», париев для кое-кого из ныне «избранных».

Хищные гоминиды считают собственную моральную ущербность некой «позитивной силой», как это следует из манифестов их «духовных» лидеров. Вот что пишет академик Н.Амосов в статье «Моё мировоззрение» («Вопросы философии», №6, 1992). «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству. За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — её сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых».

Именно в этом русле эксплуатации, всяческого подавления «слабых людей, стоящих за справедливость», и развиваются все события в истории человечества. Но хотелось бы спросить у этого высокоумного учёного, несомненного представителя «сильного, прогрессивного» меньшинства в нашем хилом стаде: в чём именно состоит их сила, помимо заведомого отсутствия совести, сострадания к ближнему и чувства справедливости? И как это в популяции стадных животных могут вдруг появляться особи, напрочь лишённые стадного чувства — кто они в таком случае, если не выродки?!

Существует иллюстративное и очень символичное и поучительное в этом плане этологическое наблюдение К.Лоренца за рыбами — речными гольянами. Если у одной рыбы удалить передний мозг, отвечающий за все реакции стайного поведения, то такой гольян ест и плавает, как нормальный. Единственный отличающий его поведенческий признак состоит в

том, что ему совершенно безразлично, если никто из товарищей не следует за ним, когда он выплывает из стаи. «Гольяну без переднего мозга это совершенно безразлично; если он видел корм или по какой-то другой причине хотел куда-то, он решительно плыл туда — и, представьте себе, вся стая плыла следом. Искалеченное животное как раз из-за своего дефекта стало несомненным лидером» [3]. Вот такой печальный научный факт из области ихтиологии, но и у людей то же самое горе — нравственные калеки правят миром.

Совость, нравственность — это во многом такое же чувство, как и другие: слух, зрение. Следовательно, можно быть «нравственно слепоглухими» от рождения, каковыми и являются хищные гоминиды. Или — «настроить», усилить нравственное чувство позитивным /само/воспитанием, наподобие выработки музыкального слуха, на что всегда способны нехищные люди диффузного вида — лишь бы создались для этого подходящие условия. Неоантропы — это люди, можно сказать, с «нравственной врождённой грамотностью». Высшая ступень духовного развития — это «этическая функциональная грамотность», позволяющая человеку разумному правильно понимать Книгу Жизни, различать, что именно есть добро, и безоговорочно принимать его сторону.

К сожалению, люди очень поздно начали осознавать то, что в их бедах виноваты не некие Высшие Силы, а конкретные морально невменяемые субъекты — то самое «амосовское сильное» меньшинство, или точнее, рыщущие повсюду своры хищных гоминид, превращающие жизнь простых — да, стадных! — людей в кромешный ад. Не менее трагично и положение неоантропов: прекрасно всё понимая, они осознают и собственное бессилие перед лицом мирового зла. Всё же во многом именно от их усилий общий вектор этического развития человечества с т.н. «осевого времени» направлен в сторону «добра». Карл Ясперс определяет «осевое время, таинственно начавшееся» почти одновременно в течение немногих столетий (от 800 до 200 гг. до новой эры) в Китае, Индии и на Западе, как тот исторический момент, когда возникает новое осознание человеком своего бытия и самого себя. «В осевое время происходит открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» [48]. Эта «тайна одновременного начала осевого времени» в нескольких точках Земли видится Ясперсу поразительной и неразрешимой мировой загадкой вселенского масштаба.

Более правомерной видится постановка этого вопроса в совершенно иной плоскости: до какой же степени недоумно человечество, что так поздно и почему-то всего лишь в трёх-четырёх местах Земного шара прорвалось, наконец-таки, осознание людьми (да и то — единицами!) ужаса того мира, в котором они оказались, а точнее, который они сами себе создали! Другими словами, началось медленное-медленное рассеивание кровавого тумана «импринтинга человекоубийства».

Но хищные гоминиды всячески пытаются «вывернуть» в другую сторону — «назад к адельфофагии!», и в последнее время эти усилия стали предельно очевидными, в связи с их крупномасштабностью.

Таким образом, всё в человеческом мире обстоит с точностью до наоборот, в сравнении с господствующим мнением, с официальной точкой зрения, исходящей от властных кругов, от пресловутых «элит» обществ. Кто считали и считают себя выше других, «избранное и прогрессивнее». те на поверку оказались самыми настоящими животными, недочеловеками в чистом виде, буквально и безо всяких преувеличений. То, в чём они постоянно обвиняли других, оказалось имманентно присуще лишь им самим, да и ещё в самых чудовищных формах.

Удивительно и страшно смотреть сегодня на то, сколько интеллектуального труда и энергии глубоко мыслящие люди потратили на совершенно беспочвенную, «a la Амосов», апологию существования зла в мире. Неустранимость морального зла из жизни человеческого общества они аргументировали тем утверждением, что «добро существует лишь постольку, поскольку существует и зло». И эта аргументация по сей день не потеряла своих горячих сторонников и стойких приверженцев. Вот лишь некоторые из сентенций мыслителей прошлого и их современных последователей.

Августин Блаженный (354-430 гг.): «Из совокупности добра и зла состоит удивительная красота вселенной. Даже и то, что называется скверным, находится в известном порядке, стоит на своём месте и помогает лучше выделиться добру. Добро больше нравится и представляется более похвальным, если его можно сравнить со злом».

Мнение такого видного авторитета, каким был Августин, не могло, по утверждению современного философа Л.Е.Балашова [33]. не сыграть свою зловещую роль, оно эхом разнеслось по истории вплоть до нашего времени. Профессор теологии в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» говорит, развивая мысль Августина: «Но чем стало бы добро без зла»? Оно потеряло бы критерий для сравнения своего качества. Зло становится ещё злее, если есть добро, а добро ещё добрее, если есть зло. Вот почему Августин говорит, что функция зла заключена в том, чтобы сильнее оттенить добро. Святость, господя, немыслима без искушения".

Якоб Бёме (1575-1624 гг.): «Зло — необходимый момент в жизни и необходимо необходимый... Без зла всё было бы так бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишённый страстей: страсть, становясь самобытною, — зло, но она же — источник энергии, огненный двигатель. Доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала — пустая, сонная доброта. Зло есть враг самого себя, начало беспокойства, непрерывно стремящееся к успокоению, т.е. к снятию самого себя».

Бернард Мандевиль (1670-1733 гг.): «То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения: здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук: и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было прийти в упадок, если не разрушиться совсем».

Иоганн Гёте (1749-1832 гг.): «Всё, что мы зовём злом, есть лишь обратная сторона добра, которая необходима для его существования, как и то, что *Zona torrida* должна пылать, а Лапландия покрываться льдами, дабы существовал умеренный климат».

Позиция этих авторов выглядит убедительной и даже неоспоримой, они, действительно, по-своему правы. Зло существует в реальной жизни. Но выслушаем категоричный, но по-философски четкий и безукоризненно логичный «методологический совет» уже упомянутого Л.Е.Балашова.

"В самом деле, добро и зло могут выступать как полюсы моральной действительности. Однако, можно ли на этом основании считать верным утверждение, что добро «имеет смысл лишь постольку. ПОСКОЛЬКУ существует ещё и зло»?! Нет, нет, и ещё раз нет! Да, добро и зло соотносительные категории. Но соотносительность их можно понимать по-разному, как соотносительность действительно, в равной мере существующих полярных начал подобно соотносительности северного и южного полюсов, и как соотносительность действительного и возможного, подобно соотносительности здоровья и болезни (человек может быть действительно здоровым и лишь потенциально больным, и наоборот, если он действительно болен, то лишь потенциально здоров). Бывают, конечно, эпохи, периоды в истории и просто ситуации, когда добро и зло в равной мере существуют и противоборствуют, когда трудно оценить, что сильнее: добро или зло. В таких случаях можно говорить об этих категориях как полярных началах моральной действительности. Но на этом основании нельзя утверждать, что существование зла всегда, во всех случаях необходимо для существования добра, что добро только тогда является положительной моральной ценностью, т.е. добром, когда оно противостоит реально существующему злу. Безусловно, зло может оттенять добро и «способствовать» его возвеличиванию, но отсутствие или исчезновение зла из реальных отношений между людьми не влечёт за собой исчезновение добра, нравственности. Подобно тому, как люди предупреждают наступление болезни, голода, принимая различные меры, они научатся и будут предупреждать появление зла, не позволяя ему перейти из сферы возможности в сферу действительности. Добро является отрицанием зла не только в том смысле, что оно преодолевает существующее зло или противоборствует ему, но и в том смысле, что оно может выступать как профилактическая мера, как предупреждение возможного зла.

Бетховен создал свои гениальные симфонии. Этим он оказал великую услугу человечеству. Разве это его добродетель имеет смысл лишь потому, что существует ещё и зло? Какая нелепость! Добро имеет самостоятельную ценность и не нуждается в том, чтобы зло его оттеняло и возвеличивало. Мы вдохновляемся музыкой Бетховена независимо от того, существует зло или нет. Есть много на свете проблем и дел, где нужна человеческая энергия, страсть, воля к победе и где моральное зло только мешает.

Нацисты во время второй мировой войны уничтожили в лагерях смерти миллионы людей. Разве мы можем хоть в какой-то мере оправдать это преступление против человечества ссылками на то, что злодеяния необходимы для придания смысла добру, для его оттенения и возвеличивания?! Ф.М.Достоевский отказывался верить в то, что зло нельзя победить. «Люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей».

Итак ясно, что добро и зло нельзя рассматривать только в плане сосуществования: их необходимо рассматривать в более широком плане, а именно, в плане возможности и действительности, действительного и возможного существования. Они могут сосуществовать и противоборствовать как полюсы моральной действительности, а могут соотноситься как действительное и возможное (в частном случае, как норма и патология)".

Вот здесь-то и лежит ключ к пониманию человеческих социально-психологических проблем. Не трагическое и благородное противостояние сил «добра и зла», «света и тьмы», не «единство и борьба противоположностей», а именно — норма и патология. Другими словами, добро и зло — это не «два сапога одной пары», а хорошая, добротная обувь в гадкой грязи. Это справедливо и в отношении к непомерной агрессивности, и вообще к асоциальному поведению части человеческих индивидов (хищных), и точно так же — к сексуальным извращениям.

Конечно же, легко возразить, что раз прачеловеческая хищность стала прерогативой для становления Homo Sapiens, то её ни в коем случае нельзя считать патологией, и она должна иметь полное право на дальнейшее существование. По-видимому, именно такого рода позиция в неявной, неосознанной форме и лежит во всех вышеприведённых «похвалах злу». Люди несомненно чувствовали естественность (природность, врождённость) злобности, потому и пытались как-то «пристроить» её к человечности, гуманности. В этом заключается «методологический» просчет. Если что-то является причиной некоего следствия, то это вовсе не означает, что причина обязана всегда сосуществовать со своим следствием. Первая ступень космической ракеты — очевидная и несомненная «первопричина» полёта, но если её не отбросить, то вряд ли тогда спутник выйдет на орбиту. Точно такая же ситуация с человеческой хищностью, разве что пострашней неудачного ракетного старта: если агрессивность в человечестве в ближайшее время не будет обуздана и отброшена, то для землян наступит всеобщий крах.

Поэтому представляется очень важным рассмотрение сексуальной сферы, как одной из производных агрессивности человека (точнее, его жизненной энергии) и, в первую очередь, рассмотрение аномальной сексуальности, как несомненной патологии. Здесь: норма — продление рода, естественные сексуальные отношения мужчины и женщины, всякое отклонение — патология.

Агрессивность напрямую связана с сексуальностью — это, так сказать. «анатомический» факт (от любви до ненависти, как говорится, один шаг). Они как бы, соответственно, первая и вторая производные функции — F — жизненной энергии (animal spirits), т.е. общей энергичности, настойчивости человека. И вот если эта самая агрессивность — F' — патологически направлена на существ внешне похожих или на таких же (хищные гоминиды, надо сказать, беспощадно атакуют всех без разбора, в том числе — и друг друга), то и сексуальное влечение — F'' — должно иметь такую же весьма специфическую направленность.

Моя мысль в отношении к половым извращениям предельно ясна и проста. Но далеко не всякая простая и ясная мысль бывает правильной, поэтому доказательству и обоснованию этой «ясной как солнечный день» мысли посвящена вся эта книга. Раз человеческая агрессивность прочно связана с эротическим влечением, а у хищных гоминид эта агрессивность патологична и/или гипертрофированна, то точно так же должна складываться у них ситуация и на «сексуальном фронте». Неслучайно, видимо, даже общепринятый символ любви — пробитое стрелой сердце (изображённое на нижнем колонтитуле) — представляет собой не что иное, как «ранение, несовместимое с жизнью», как выражаются патологоанатомы-криминалисты. Действительно, любовь, овладение женщиной метафорически достаточно легко сравнить с некой битвой, даже — кровавой (дефлорация). Брак — форма закабаления (увод в рабство), а символ супружества — пересекающиеся кольца — это, очень похоже, кандалы.

Понятно, что это соответствие носит «обратимый» характер, т.е. от сексуального

извращенца следует с очень большой долей вероятности ожидать и патологии в сфере «внесексуальных психофизиологических взаимодействий» людей. Здесь, как и в знаменитом некогда «основном вопросе философии» о соотношении материи и сознания, невозможно выявить «что первично, а что вторично»: агрессивность или сексуальная извращённость. Примеров этого «изоморфизма» (или «гомоморфизма»?) можно привести несчётное множество.

Когда люди сталкиваются с беспричинной (т.е. «бескорыстной»: без напрашивания на «мзду») несправедливостью чиновников, что квалифицируется психиатрами как «должностной садизм», то первое, что автоматически приходит на ум пострадавшим, так это предположение: уж не педераст ли этот строгий и придирчивый господин-товарищ. Если же подобное должностное лицо — женщина, то в её адрес также следуют произвольные и нелицеприятные — устные или мысленные — сексуально окрашенные определения: «блядь», «сука», «курва» и т.п. И вообще, матерная ругань — это первейшее и очевидное проявление связи между сексуальностью и агрессивностью. А по тому характеру, какой носит эта непристойная брань, можно также достаточно определённо судить о хищности или степени охищнения матерящегося субъекта — гетеросексуальная (именно матерная) брань или же извращённая нецензурщина — всяческая там анальная, оральная, зоофилическая и т.п. словесная похабщина.

Очень любопытный факт взаимосвязанности секса и агрессивности отмечает Фридрих Энгельс. В каждом крупном революционном движении (на любом участке социального спектра) вопрос «любви» выступает на первый план. Даже «хлебные» и «медные» бунты, не говоря уже о «винных революциях», всегда сопровождаются сексуальным разгулом (обычно групповым, «свальным грехом»), что, впрочем, больше похоже на безответственные действия нехищных людей, опьянённых и неожиданной «свободой» и буквально — алкоголем, т.е. оказавшихся в охищенных условиях, созданных всё теми же хищными — «революционерами», зачинщиками, подстрекателями.

Обратили своё внимание на эту связь и психиатры, отметив, что проявления её можно найти во многих областях человеческих чувств. Приведём лишь высказывание выдающегося русского психиатра Петра Борисовича Ганнушкина (1875-1933 гг.). «Религиозное чувство и жестокость иногда могут быть рассматриваемы как заменители всеильного сексуального инстинкта».

По большей части, хищные индивиды встречаются на доминантных социальных позициях, они — если не владыки, так «вожди оппозиции», «народные трибуны»: на худой конец, — зачинщики бунтов или террористы. На протяжении всей истории именно они занимали и, к сожалению, занимают поныне большинство властных структур, образуют чудовищный конгломерат «сильных мира сего» [12]. Для иллюстрации ставшего уже банальностью пристрастия правителей к извращённому сексу достаточно будет нескольких примеров, которыми кишмя кишит вся история человечества. Перенесёмся на минуту в Древний Рим. Правление знаменитого императора Луция Нерона. Наш гид — Гай Светоний Транквилл [37]. Вот краткое, «экскурсионное» описание сексуальных пристрастий знаменитого императора.

«Мало того, что он жил и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрик)... Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, приданым и с факелом, с великой пышностью ввёл его в свой дом и жил с ним как с женой... Он искал любовной связи даже с матерью, уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной связи... А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член оставался неосквернённым. В довершение всего он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору, крича и вопя как насилуемая девушка. За этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор».

Легко возразить, что Нерон — не доказательство, мало ли безумцев бывает на венценосных постах, можно ещё и чудовище Калигулу с маразматиком Тиберием сюда же добавить, как и многих других власть имущих изуверов, но всё равно это ничего не доказывает. Время-де было такое. Но дело в том, что уж очень много совпадений такого рода в истории,

здесь необходимы статистические данные, которые, к сожалению, история обычно утаивает, хотя и не всегда ей это удаётся. Так, вся, приводимая тем же Светонием, родословная нашего Луция Нерона — аж от прапрапрадеда — описывает предков «безумного» императора как субъектов крайне безнравственных. Дай им ту же свободу, что и Нерону, они наверняка выказали бы не меньшую «сексуально-политическую доблесть». Кроме того, существует и «обратная связь»: непомерная жестокость присуща многим сексуальным извращенцам. Вряд ли это случайно, взаимосвязь здесь существует, и, несомненно, очень прочная, хотя, возможно, и причудливая. Можно вспомнить одно из «откровений» А.Р.Чикатило: впервые он испытал оргазм во время созерцания падающего с горного обрыва автобуса с находящимися в нём детьми.

Сейчас у нас в стране сложилась необыкновенная, доселе небывалая нигде в мире ситуация — Россия вновь «впереди планеты всей», в этот раз не по балету, а по бестолковой распущенности двух, прежде так или иначе, но жёстко упорядоченных, общественных структур: властных элит и сексуальных меньшинств. Власть имущих все ругают почём зря, в том числе и в первую очередь, они сами хаот друг друга. И никого из таких, как объективных критиков, так и безответственных горлопанов особо не трогают, как будто так и надо. В то же время, и извращенцы всех мастей сейчас получили большую свободу действий: у них объединения, деньги, печатные издания и т.п. Мало того, их сейчас все хвалят, а СМИ этих «героев дня» прямо-таки на руках носят. Мне кажется, что во всём этом наметилась определённая тенденция. Тут можно высказать одну идею, возможно, фантастичную и несбыточную, но всё же заслуживающую внимания.

В своих взаимоотношениях с собственным хищным подсемейством человечеству давно уже пора «сбросить маски», или «поднять забрала», или «поставить точки над i», не знаю как здесь сказать точнее. Одним словом, сейчас у хищных гоминид появилась прекрасная возможность «сыграть в открытую» с обычными людьми — с нехищным большинством. Человечество давно уже «засекло», что оно играет со злыми, коварными шулерами в навязанные теми игры, но не акцентировало особо своего (и их) внимания на этом обстоятельстве, а так — лишь слабо и невнятно роптало, недовольно «вйкало». Но вот сейчас пришло время — хищных шулеров схватили за руку и сказали им прямо в глаза, что их игра принимает неприятный и очень опасный для всех оборот. Так что нужно или менять правила, или прекращать игру вовсе. Надо, наконец-то, начать называть всё своими именами: политики-подлецы, финансовые аферисты-проходимцы, мафиози-нелюди, сексуальные маньяки-зверье и т.д. Всё это должно само собой разумеется и фиксироваться документально: не хочешь жить по нравственным законам большинства человечества — записывайся в соответствующую «группу риска» и действуй официально: вору, насилуй, грабь, прячься. Но если попадёшься, то не нужно будет оправдываться, всё честно — это твой «бизнес», просто тебе не повезло — ты как бы «обанкротился», и тебя будут судить. Не запишешься — наказание на порядок тяжелее — ведь ты вне закона, и таких нельзя будет защищать от народных расправ, самосудов по типу «судов Линча», и даже, возможно, специально выдавать их пострадавшим — для совершения немедленного и юридически необременительного для государства возмездия.

Кстати, сама идея «народной расправы» с извергами всегда была, остаётся и будет предельно популярной в народе. В 1997 г, осудили некоего Косарева за изнасилование малолетних детей. Он изобличён и сознался более, чем в 150 преступлениях, им совершённых. Его приговорили к 15 годам лишения свободы (по году за десяток считали, что ли?). Родственники потерпевших просили выдать его им для того, чтоб разорвать изверга на куски. Но, понятно, — не выдали. Раньше у нас в стране была статья, по которой за изнасилование детей полагалась смертная казнь. Но теперь у нас демо/но/кратия, — отменили. Чисто логически: ну кто, в здравом уме будучи, может ратовать за отмену такой статьи? Только — хищные гоминиды, они все потенциально способны на подобное, и у них это не вызывает бурной психологической реакции, типа всплеска негодования и ненависти к чудовищу. Они, видимо, рассуждают примерно так: «Ну, изнасиловал... Ну, ребенка... Ну, сотню-другую... Одним больше, одним меньше... Чего тут страшного? Вот убивать за это меня... гм... такого — вот это преступление!»

Чуть позже поимки Косарева, правоохранительные органы выловили Дмитрия Карпова, ещё незадолго до того — весьма популярного директора детского интерната. Его методиками воспитания детей восхищались многие педагоги. Оказался растлителем-педофилом и садистом. Ещё — и «артистом»: снимал свои сексуальные «подвиги» на видеоплёнку. Его «настоятельно, изо всех сил» (некие хищные силы определённо стоят за всеми такими чудовищами) пытались признать невменяемым, психически ненормальным, и в декабре 1997 г, в институте им. Сербского определили-таки его «больным человеком», предполагалось, что после двух-трёх лет «лечения» его можно будет спокойно выпустить на свободу. Реакция детей — бывших подопечных этого монстра — на такое «гуманное» решение властей вполне понятна: «если его выпустят, он начнёт нас убивать, единственный выход — это нам самим собраться и убить его!» Этим детей можно понять, но как нужно понимать защитников подобных извергов?!

У сторонников «гуманного» отношения к преступникам всегда нелады с логикой. Их главный довод за отмену смертной казни: убивая преступника, общество само-де становится убийцей. Ещё есть много «мелких». дополнительных аргументов, совершенно несурзных, типа — «смертная казнь обходится обществу дороже, чем пожизненное заключение» (расходы на штат палачей, техническое оборудование и т.д.). Тем более никак не может быть дороже многолетнего содержания на казённом коште матёрого убийцы простенький ритуал забития чудовища камнями и закапывания его в землю, с учётом несомненной бескорыстности исполнителей этих «похоронных обрядов». Да и землю нужно выбирать бросовую, из самых-самых неудобий, быть может, на ней потом что и вырастет — всё ж удобрения-то из подобных монстров, бесспорно, хорошие («хоть шерсти клок»).

Ведь это же — оборона, общественная самозащита! Главное здесь — кто первый начал, он-то и должен получить адекватный и назидательный для других потенциальных агрессоров ответ. Именно таков принцип оборонительных войн. По абсурдной же логике лже-гуманистов выходит, что факт нападения на нас гитлеровской Германии не давал нашему народу морального права убивать фашистов, ибо мы в этом случае тоже становились такими же убийцами, как и они. Мы должны были бы, наверное, обращаться в Лигу Наций за разъяснениями, а немцев, соответственно, приговорить к пожизненному проживанию на нашей территории (до Урала, как они хотели).

К слову сказать, если учесть, что война России с Западом тогда не закончилась, а продолжилась в «холодном» виде, и мы её практически проиграли, то следует ожидать именно захвата нашей земли, что и проводится в жизнь путём узаконения её купли-продажи. «Мировой наркобизнес с годовым оборотом 600-800 млрд. долларов уже подготовил огромные суммы „горячих“ денег для приобретения нашей земли. Это считается самым выгодным способом „отмывания“ денег. Бешенный напор „демократов“ не должен удивлять: ежегодно наркобизнес выделяет 100 млрд. долларов на подкуп политиков и журналистов и на контракты наёмным убийцам для устранения неподкупных. В мутной воде преступности наши политики продавливают приватизацию земли» [34].

Конечно, ввести подобные правила «открытой игры с саморегистрацией» в отношении к преступникам — это, видимо, нереально. Хотя, в принципе, и не исключено, что многим суггесторам («честолюбивому» подвиду) и уж тем более «гордым» суперанималам понравятся подобные «честные» правила в бесчестной и аморальной игре — «кто кого?!» Большинство суггесторов, особенно — коварного, «лицемерного» подвида, конечно, на такое дело не пойдут, либо только сделают вид согласия, и в любом случае они будут продолжать маскироваться под честных людей. Так же точно наверняка будут избегать «регистрации» и разного рода маньяки, типа Чикатило или упомянутых выше Косарева и Карпова. Все они окажутся автоматически выключенными из юридических игр. Побоятся (и это отрадно!) участвовать в них и многие нехищные люди, которые в других бы условиях оказались в объятиях преступного мира. Это всё усложнит игру, сделает её для «зарегистрированных» хищных гоминид ещё более привлекательной и, наконец-то, по-настоящему престижной: «Я — Зорро! Ловите меня! Я вам не какой-нибудь мерзкий подпольщик Чикатило! Я — вор в настоящем законе! У меня — отметка в паспорте!»

Для такого дела, кстати, можно было бы использовать отменяемую ныне в России «пятую графу» в паспорте: «национальность». Указывать видовую принадлежность — у хищных

гоминид ранняя видовая самоидентификация, они прекрасно чувствуют своё отличие от других («избранность»), способность оказывать на окружающих негативное психическое воздействие, в отличие от нехищных людей, которые зачастую всю жизнь так и проводят в бесправии и нищете, и тем не менее наивно полагают, что «все люди братья». Не хочет хищный индивид «светиться» — пусть «пишется по матери»: «честный человек». И положение очень схожее: ну кто, скажите на милость, человек какой на Земном шаре национальности может быть против того, чтобы регистрировали его национальную принадлежность?! Грузин, чеченец, наверное, убил бы того чиновника, который посчитал его евреем, русским или поляком, да ещё и записал ему это в паспорт, как, вероятно, обиделся бы и курд, если его обозвать турком, испанцем или армянином. Хотя, в принципе, есть множество людей относящихся совершенно безразлично к собственной национальности, обычно это — представители очень смешанных национальных «кровей».

Такое положение дел, и вправду, полностью совпадёт с функционированием шпионских структур, все уголовники будут «в официальных званиях». подобно «разведчикам» — таким же жуликам и проходимцам, но — на государственной службе. Собственно, многие крупные воротилы подпольного бизнеса именно по таким правилам уже и орудуют: полиции они прекрасно известны, но «взять по закону» их не могут. Мелкие уголовники тоже практикуют нечто подобное: ходят в вызывающих, приметных нарядах, не говоря уже о татуировках-"ксивах". В Чикаго времён Аль Капоне гангстеры были приметны «по одежке», как и в СССР 20-х годов уголовную шпану тоже сразу было видно по «фартовым» кепочкам и пиджачкам — мол, «расступись народ. Федька Рваный идёт!» Да и теперь, многие наши нынешние «новые русские бандиты» носят специфическую одежду, чуть ли не униформу, их сразу видно. До последнего времени они носили малиновые пиджаки и длинные кашемировые пальто, но «мода» и здесь быстро меняется.

Всё это — типичное проявление «актёрского» тщеславия, желание признания толпы, стремление сорвать пусть хоть какие, но всё же — аплодисменты. Где-то здесь же, очень близко — «комплекс Герострата». Ведь артисты тоже в большинстве своём суггесторы — тщеславные, самолюбивые существа, им просто не хватает смелости войти в другую группу риска (помимо, понятно, гомосексуальной или алкогольно-наркотической). Но когда сильные мира сего приглашают артиста на роль политика, то он радостно соглашается, и если у него достанет дисциплинированности (не дебоширить, не «смолить», приходить вовремя и не очень пьяным на саммиты и т.п.), то он становится вполне приличным политиком (С.Говорухин, М.Ульянов), вплоть до президента (Д.Рейган) или императора (Л.Нерон). На высших должностях артисты уже иногда могут позволить себе «расслабиться», и «покуролесить».

Мафиозные кланы давным-давно стремятся к подобной «официальной части»: у них есть звания — солдаты, офицеры и т.п. Но общественное мнение не признаёт этой субординации — теневого «табеля о рангах», и «благородным» гангстерам это, должно быть, очень обидно. А следует признать и объявить официально воину — народ против хищных угнетателей, стадо буйволов против стай гиен и шакалов. Сейчас признаны лишь политики и финансисты, постепенно получают свои права «сексуальные меньшинства», осталось лишь дело за уголовниками, и они должны, наконец-то, получить свои нелюдские права. В принципе, это не что иное, как создание в обществе кастовости, или сословности, адекватной реальному положению дел.

К тому же надо признать, что т.н. гражданское («правовое») общество есть не что иное, как порождение именно уголовных структур, их «законнорождённое» детище. Через беспредел — к правосознанию, прямо-таки, «через тернии к звёздам», — в уродливой миниатюре. При бесконтрольном разгуле уголовщины невозможно создать приемлемое общежитие из-за перманентного взаимного смертоубийства. И вот почти все, во всяком случае большинство граждан, поневоле соглашаются беспрекословно подчиняться общему для всех Закону. Подобное произошло в США, когда дикий разгул беззакония со стороны тамошних «ковбоев» и гангстеров довёл общество до крайности.

Правда, если бы «СУДЫ Чарльза Линча» получили для себя хотя бы неофициальное признание и стали повсеместными, то тогда возможно было бы создание в Америке «традиционного» общества, как и в России. Вспомним, как российские крестьяне

расправлялись с конокрадами — с помощью «пер-анусного» деревянного кола: а отводи бы они их каждый раз в околоток, те бы там откупались у продажных чиновников и вновь оказывались бы на воле. Зато в итоге в России появились бы «права личности». Но в США бандитов (т.е. хищных гоминид) оказалось слишком много, к тому же постоянно прибывало иммиграционное «подкрепление», и для создания традиционного общества необходимых условий не создалось. «Суды Линча» получили на некоторое время распространение, но приобрели в основном расистскую, анти-негритянскую направленность. Америка стала Америкой: империей — главным средоточием и экспортёром мирового зла.

А то, что пальму первенства в этом «соцсоревновании» США настойчиво отдавали СССР, являлось чисто отвлекающим маневром, по типу «валить с больной головы на здоровую» (хотя тоже бывшую не очень уж и «здравой»). В резолюции совещания промышленных магнатов США, проведённого сразу же после знаменитой речи Черчилля в Фултоне, положившей начало «холодной войне», было заявлено: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Если заменить первые слова резолюции на «США — американская», то ничего, в сущности, не изменится. Вот уж, действительно, неясно что здесь: не то «держи вора!», не то «нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», а может быть — «вор у вора украл дубинку».

Точно так же, как в гангстерской Америке, в лагерных зонах беспредел устраняется лишь признанием власти «авторитета» — общего для всех пахана. Кстати, если в зоне авторитетом бывает суперанимал (обычно «суровый, но справедливый»), то там царит порядок, справедливость (конечно же, своеобразно понимаемая, с «местным колоритом» как бы), если же у власти в зоне оказываются суггесторы (как правило, коварные и беспринципные), то тогда неминуемо наступает знаменитый «беспредел». Точно так же обстоят дела и с высшей государственной властью. Там нередко оказываются такие чудовища, что просто диву даёшься — как же это люди не понимают, что ими правят нелюди, которым если и есть где место на Земле, так это — в нешироких, но достаточно глубоких ямах, в которых их удобнее забивать камнями: и не вылезти, и не промахнёшься!!

В более поздние исторические времена культура и цивилизация несколько повлияли на поведение (но не нравы!) правителей, но — лишь внешне, несколько не изменив их психологическое нутро. Внутренний агрессивный и сексуальный извращённый «реликтовый» фон остался полностью нетронутым. Он лишь приобрёл для себя сублимационные формы, — нравственный прогресс здесь невозможен. Агрессивность и сексуальная извращённость перетекли в политику — внутреннюю и внешнюю. Если Нерон, Калигула не стремились «хорошо» вести войны, удовлетворяясь «дворцовым разгулом» (в периоды их правления империя терпела военные неудачи), то верховные чудовища Средневековой. Новой и Новейшей истории не могли их не вести, другого выхода для своих агрессивных потенций у них не было. Все они стали заложниками друг у друга, ибо финансовые воротилы мира создали новые правила игры, и никто не мог их нарушить. Как только кто-то из них начинал впадать в естественный для себя царственный разгул и разврат, то это немедленно сказывалось на положении государства и его правителе. Хотя, конечно же, «счастливые» исключения бывали. Например, «Король-Солнце» Людовик XIV довольно-таки счастливо скоротал свой солнечный, действительно безоблачный королевский век, доведя, правда, Францию до крайнего истощения.

Если бы предоставить возможность всем современным высшим сановникам беспрепятственно предаваться любым формам разврата и дать выход для их агрессивности, к тому же сделать их «бессменными», дабы они не боялись смещения со своего государственного поста, то внешняя политика прекратила бы течение своё. Конечно же, при этом государственным мужам ещё и необходимо быть подлинными хозяевами в своём доме, что далеко не всегда обстоит именно так, правят бал не они. Образно говоря, если бы Рейган пил и плясал, подобно советским правителям брежневского периода, то холодная война так и закончилась бы вничью, выдохлась. Но Рейгану такой возможности «расслабиться» не давали его финансовые кукловоды, а Брежневу, наоборот, ими же предоставлялся «режим наибольшего благоприятствования» в протекании его — государственного звучания — маразма. Горбачеву те же силы потворствовали в его говорильном пороке, «спикеризме», как

вероятной сублимации его латентной (скрытой) орально-генитальной гомосексуальности. Так же точно и Ельцину подливала в стакан некая невидимая «окаянная рука», и он пропил и СССР, и Россию в буквальном смысле. Так пропивают ради шумной гулянки с многочисленными сомнительными «дорогими друзьями» единственную корову-кормилицу, а на закуску пускают последнюю курицу (Курилы, острова на Амуре).

Второй момент (в плане развития темы «нелюдской проблематики»). Та же закономерность (хищное, безнравственное доминирование) прослеживается и в творческой человеческой деятельности, ибо сексуальность связана и с творчеством, как с одной из своих собственных сублимаций. Можно говорить, что творчество (весь созидательный труд) — это как бы третья производная — F''' — всё той же базисной функции жизненной энергии (animal spirits), и также зависит от степени и характера имманентно присущей человеку агрессивности. Вот почему столь много творится мерзости и непотребства в художественном творчестве, в сферах «высокого искусства». Там тоже заправляют хищные «творцы» и их приспешники (эпигоны). «Каков поп — таков и приход».

Некогда, в XIX веке искусствоведами поднимался вопрос о «культурном терроризме», присущем всему европейскому художественному творчеству, о диктате немногочисленных «классиков», законодателей мод, которому вынуждены подчиняться все остальные. Искусство, литература на 90% отображают или воспевают зло как таковое, откровенно паразитируют на нём. Но это тема требует для себя особого, более полного освещения, чему будет посвящена книга «Хищное творчество. Этические отношения искусства к действительности» (здесь использован парафраз с известной магистерской диссертацией Н.Г.Чернышевского, одним из первых серьёзно «зацепившего» хищных «творцов»).

Можно определённо утверждать, что хищные гоминиды побеждают человечество на двух фронтах: у них в руках практически вся финансовая и политическая (в ряде обществ дополненная мощнейшей религиозной догматикой) власть в мире, и также почти полностью они доминируют в сфере массовой культуры (искусство, литература, СМИ). Лишь сексуальная сфера всё ещё противостоит им. Численность нехищных людей, их норма — «уверенная» гетеросексуальная ориентация — оказываются хищным гоминидам не по... зубам, «фигурально» выражаясь. Демографический взрыв есть не что иное, как высвобождение диффузного и неантропического видов из-под биологического контроля их численности хищными гоминидами. Хотя вполне вероятно, что эти последние могут готовить человечеству некий «убийственный сюрприз».

Натиск хищных гоминид в сексуальной области не только не ослабевает, но всё усиливается. Если бы не было этой экспансии, то, конечно, правильнее всего было бы оставить их в покое (не тронь — смердеть не будет), как и прочих уродов, не несущих никакого зла обществу. К сожалению, извращенцы далеко не безобидны, они опасны. Мужчинам свойственна полигамия, этот эволюционный механизм уродливо перенёсся и на взаимоотношения извращенцев, в частности, на гомосексуализм (правильнее было бы, наверное, говорить «полигомия»), и поэтому экспансия извращенцев неустраима, происходит постоянное заражение общества развратом. И как нетрудно догадаться, в «генитальном» авангарде этого глобального извращённого секс-наступления находится всё тот же Запад, точнее, часть стран Западной Европы и, главным образом, США, пытающиеся и в сексуальной сфере навязать всему человечеству свой безнравственный новый мировой порядок. Вот лишь несколько примеров, недавних фактов из «новой сексуальной истории» США.

«В 80-90 годы в Америке становятся модными содомистские свадьбы. Тысячи геев и лесбиянок заключают „однополые браки“, в некоторых штатах им предоставляется преимущество в усыновлении детей. Сodomистские лидеры потребовали, чтобы их браки освящались церковью. Первыми на требование содомитов откликнулись реформаторские синагоги, в которых без особых формальностей „освящали“ браки гомосексуалистов и лесбиянок. В Филадельфии собралась Центральная конференция раввинов реформаторских синагог — всего 1750 раввинов — и официально одобрила „сodomистские свадьбы“. „Решение конференции, — заявил раввин А.Кролов из синагоги Эммануэль в Фистфилде (Нью-Джерси), — имеет обязательный характер“. Сodomитство было также одобрено многими христианскими церквями США, в частности лютеранами, кальвинистами, евангелистами, а

также епископальной церковью, унитариями и методистами» [70].

Католические епископы США в 1997 году выступили с требованием отменить абсолютно все запреты в отношении гомосексуализма, тем самым добиваясь полной «свободы гомоисповедания». Здесь необходимо учитывать распространённость гомосексуализма и садомазохизма вообще среди (не только западного) духовенства, монашества (вспомним мнение Ганнушкина о религиозности), в определённой мере обязанной целибату, обету безбрачия. Понятно, что целибат, как феномен, лишь свидетельствовал об извращённости духовенства, главная же причина — хищность религиозных «владык», в основном — суггесторов. Наверное, те первосвященники, которые пошли на введение безбрачия, и тем паче на признание отношения Церкви к женщине, как к сосуду греха, тоже были далеки от «исповедания» гетеросексуальных норм, скорее всего — «полигомны».

А чуть раньше (и нет ли между этими событиями известной корреляции?). в том же 1997 году в США была выпущена в массовую продажу кукла «друг Барби» — пластмассовый гомосексуалист Билл (уж не по образу ли и подобию Клинтона?). Спрос на ЭТУ изопрпиленовую пакость — необычайный, и он всё растёт. Вот она — американская прогрессивность и деловая предприимчивость.

Ну и, конечно же — американский размах. "Летом 1997 года содомиты всего мира отмечали столетие организованного содомистского движения, увенчавшегося победой над христианскими «предрассудками». В течение четырёх месяцев содомиты проводили массовые мероприятия на главных улицах Сан-Франциско, которые были увешаны флагами геев и лесбиянок — «радуга». Улицы города были заполнены толпами с транспарантами, флагами, сатанинскими и содомистскими знаками и символикой. Сodomистские «праздники» отмечались в концертных залах, культурных центрах, библиотеках и музеях. «Культурная программа», в частности, включала:

- цикл лекций по истории и практике гомосексуализма и лесбиянства в Большом зале масонского храма Калифорнии;
- показ классических фильмов о жизни геев и лесбиянок в кинотеатрах города;
- проведение конкурсного фестиваля содомистских фильмов в главном кинотеатре содомитов в районе Кастро;
- открытие Музея сексологии имени Магнуса Хиршфельда.

Кульминацией содомистских торжеств стал большой гей-парад по главным улицам международной столицы содомитов. По официальным данным, в содомистском шабаше участвовало от 500 до 700 тысяч человек с 10 утра до 18 вечера. Хотя гей-парады проходят в Сан-Франциско ежегодно с 1970 года, все жители в один голос говорили, что такого они ещё не видели. Первое, что сразу же поражало, — это массовость и хорошая организованность. С первого взгляда было видно, что сюда вложены очень большие деньги — десятки миллионов долларов" [70].

В тех же США ныне практикуется ставший необычайно модным у средних американцев «культурный отдых трудящихся масс»: они приезжают на спец-курорты, где предаются всяческим формам секса (группового, извращённого). Называется это свинство очень подходяще, прямо-таки символически (хотя всё же достаточно обидно для свиней): «свининг» (swinging — жизнелюбие). К сожалению, для не владеющих русским языком развратных янки эта символичность недоступна.

Дополнительная же опасность извращённого секса для человечества состоит в том, что это непотребство является деструктивным для нормальных взаимоотношений полов. И хотя извращенцев не так уж и много, — в процентном, понятном, выражении (цифры чуть далее), — их аморальное влияние на людей нельзя недооценивать: в абсолютном исчислении их — легионы! Уже одно только перечисление тех мерзостей, которыми они занимаются, не может не оставить в нормальном человеке следов психологической травмы. Но врага надо знать не только в лицо, не помешает и его «генитальный словесный портрет». Итак, перед нами во всей своей «красе»:

САМОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ

Человек — самое «всепогодное» и изощрённое в сексуальном поведении существо. Сезонные колебания сексуальности у человека редуцированы, в отличие почти ото всех других высших животных. А сам диапазон его сексуального поведения необычайно широк. Вот лишь самая общая систематизация его половой сферы, которая оказалась под силу современным сексопатологам [6]. Единственное оправдание её неполноты — «нельзя объять необъятное».

А. Экстрагенитальные формы половой жизни. Сюда входят:

1. Платоническая любовь.
2. Танцы.
3. Гейшизм.

Б. Генитальные формы половой жизни.

I. Суррогатные и викарные (заместительные) формы половой активности:

1. Поллюции.
2. Мастурбации.
3. Петтинг.

II. Суррогатные формы коитуса:

1. Вестибулярный коитус.
2. Coitus per femora (сношение между сомкнутыми бёдрами женщины).
3. Нарвасадата (coitus intra mammae), подмышечный коитус.
4. Coitus per anum: а) гетеросексуальный (paedicato mulegium); б) гомосексуальный;

III. Нормативный гетеросексуальный коитус.

IV. Орогенитальные (лабиогенитальные) контакты (кейра, фелляция, куннилингус).

V. Сексуальные действия с животными.

От платонической любви до сексуальных действий с животными — таков, как видим, диапазон сексуальных «интересов» диковинного создания, которым является человек. Из этого перечня также следует, что нормальные (нормативные) взаимоотношения между мужчиной и женщиной, или гетеросексуальное поведение занимает одну-единственную строчку (пункт III). Ну и ещё танцы, да и то, очевидно, не всякие (некогда на Западе был очень моден танец «калипсо», при котором партнёрша находилась спиной к партнёру, обычно такие «танцульки» превращались в оргии). Всё же остальное — это отклонения и извращения, или на языке сексопатологов девиации и перверсии. Даже знаменитая платоническая любовь, и та оказывается в их числе, как некая утончённая форма психической мастурбации, как и гейшизм, который определяется сексопатологами тоже утончённой (уже по-восточному) формой проституции. Но всё же подавляющее большинство сексуальных аномалий в данный список не вошло.

Приведём лишь перечень и краткое описание сексуальных перверсий и девиаций, наиболее часто включающихся в сексопатологические классификации. Перверсии (перверзии), или извращения — считаются сексопатологами болезненными нарушениями направленности полового влечения или его удовлетворения. Половые девиации — не относятся многими специалистами-медиками к болезненным состояниям отклонения от общепринятых форм полового поведения. Вот он — послужной список Homo sexus anomalis (izvrashchenis).

Гомосексуализм — (мужской, в том числе педерастия и мужеложство, и женский, или лесбийская любовь) — половое влечение направлено на лиц одноимённого пола.

Бисексуализм — половое влечение к лицам обоего пола. При этом не исключается преобладание гетеро— или гомосексуальной направленности полового влечения.

Вауеризм (скопофилия, миксоскопия, визионизм) — влечение к подглядыванию за половым актом или обнажёнными объектами сексуальных предпочтений (специфической

разновидностью является сверхценное увлечение порнографией).

Эксаудиризм — акустический вариант вуайеризма (подслушивание).

Фетишизм (сексуальный символизм, сексуальный парциализм) — объектом полового влечения является часть тела, одежда или какой-нибудь иной предмет, символизирующий сексуального партнёра. Имеются множество разновидностей фетишизма.

Апотемнофилия (монстрофилия) — сочетающаяся с садомазохизмом разновидность фетишизма, при которой роль фетиша играют уродства тела.

Пигмалионизм (монументофилия, иконолагния) — фетишизм сочетается с вуайеризмом, при которой роль фетиша играют изображения человеческого тела (картины, статуи, статуэтки, фотографии).

Нарциссизм (аутофилия, аутоэротизм, аутоэрастия) — объектом полового влечения, фетишем является собственное тело.

Аутомоносексуализм — как и при нарциссизме, объектом полового влечения является собственное тело (чаще его зеркальное отражение), но имеющее сходство с телом субъекта противоположного пола, что достигается при помощи одежды и соответствующих манер.

Гетерохромофилия — объектом полового влечения является партнёр с другим цветом кожи.

Ретифизм — разновидность фетишизма, сочетающаяся с мазохизмом, при которой роль фетиша играет обувь (а иногда и другие предметы из кожи).

Трансвестизм (эонизм, метатропизм) — половое удовлетворение достигается при переодевании в одежду другого пола. Имеет множественные разновидности.

Цисвестизм — стремление к надеванию одежды не противоположного, а своего же пола, но типичной для другого возраста, либо иной социальной группы.

Гомесвестизм — (сочетается с фетишизмом), сексуальное удовлетворение достигается при одевании одежды обычной для своего пола, но принадлежащей другому человеку.

Педофилия (инфантисексуализм, падерозия) — половое влечение к детям.

Эфебофилия — половое влечение к мальчикам-подросткам.

Нимфофилия — половое влечение к девочкам-подросткам.

Партенофилия — половое влечение к девственницам (сексуально неопытным зрелым молодым субъектам).

Геронотофилия (пресбиофилия) — половое влечение к лицам старшего возраста, к старикам и старухам.

Инцестофилия — половое влечение к кровным родственникам.

Сексуальный садизм (эрототиранизм, активная алголагния) — половое удовлетворение, получаемое путём причинения страданий или унижений сексуальному партнёру.

Флагеллантизм (флагелляция, флагелланство, дипольдизм) — удовлетворение получают путём бичевания партнёра, реже — самобичеванием (чаще относится к садомазохизму или мазохизму).

Сексуальный плюрализм — групповой секс, «свальный грех», «шведская семья».

Триолизм — разновидность сексуального плюрализма, заключающаяся в сексуальных действиях между тремя партнёрами, два из которых одного пола.

Зоофилия (содомия, зооэрастия, бестиофилия, скотоложство) — половое влечение к животным.

Зоосадизм — разновидность зоофилии и садизма, заключающаяся в получении сексуального удовлетворения от мучения животных.

Ктитомания — патологическое влечение к живодёрству.

Салиромания — получение сексуального удовлетворения в результате мазания других людей грязью, калом, мочой, кровью (разновидность садизма).

Поллюционизм — разновидность, салиромании, заключающаяся в стремлении пачкать людей семенной жидкостью.

«Накалывание» — разновидность садизма, при которой удовлетворение доставляет укалывание партнёра различными острыми предметами, близко к этому явлению стоит стремление к локальному прижиганию тела сексуального партнёра, например, горячей сигаретой.

Копрофемия (копролалия) — желание произносить в присутствии лица другого пола бранные, нецензурные слова и циничные выражения.

Телефоноскаатофилия — разновидность копрофемии: произнесение похабщины по телефону. Видимо, следует добавить сюда, как разновидность садизма, ставший весьма «модным» телефонный терроризм: ложные угрозы что-нибудь взорвать. По-видимому, следует ожидать, что многие из тех детишек, которые «балуются» подобными «розыгрышами», вырастут вполне «приличными» садистами — уже «без шуток».

Некрофилия (некротомия, ликантропия) — половое влечение к трупам и совершение с ними сексуальных действий. Ближе к этому явлению находится влечение к сексуальным действиям со спящими или находящимися в бессознательном состоянии людьми, с тяжелобольными и умирающими, а также сексуально окрашенная повышенная заинтересованность трупами, кладбищами, похоронным ритуалом и всем тем, что так или иначе связано со смертью и умершими.

Некросадизм (бертранизм) — крайняя форма некрофилии, стремление к осквернению трупа и надругательству над ним (чаще в форме отрезания молочных желез, вырезания половых органов) и некрофагия — поедание частей трупа (часто — половых органов). И некросадизм, и некрофагия нередко сочетаются с предварительным убийством жертвы, либо получение сексуального удовлетворения сопряжено именно с самим процессом убийства.

Сексуальный вампиризм — разновидность некросадизма, сексуальное удовлетворение наступает при ощущении вкуса крови партнёра (чаще кровь партнёра поступает в процессе коитуса или предваряющих его ласк путём нанесения укусов). Часто удовлетворение вампирских и садистских сексуальных потребностей производится путём нанесения ударов ножом в область молочных желез и половых органов жертвы, сосанием и облизыванием возникших при этом ран, трением о них половым членом. В процессе совершения этих действий и при виде умирающей жертвы происходит семяизвержение.

Мазохизм (пассивная алголагия, пассивитивизм, пассивный флагелланнизм) — получение сексуального удовлетворения при условии физических страданий и морального унижения, причиняемых сексуальным партнёром.

Садомазохизм — иногда садизм и мазохизм являются дополняющими друг друга формами получения сексуального удовлетворения и чередуются у одного и того же лица. Одной из форм мазохистского поведения является сексуальный метаморфизм, при котором мазохист играет роль слуги (пажизм), невольника (сервизм) или животного (зооступрум) своего хозяина.

Сатириаз — маниакальная гипертрофия мужского полового влечения (у женщин — нимфомания).

Танатофилия (танатомания) — разновидность мазохизма, заключающаяся в получении сексуального удовлетворения в ходе фантазий на тему собственной смерти и погребения. Более широко — влюблённость в тематику, связанную со смертью, что есть мазохистский эквивалент некрофилии.

Экскрементофилия (пикацизм) — сочетание мазохизма и фетишизма, при котором человеческие выделения играют роль фетиша (в виде их обнюхивания, ощупывания, проглатывания или обмазывания себя ими, по последнему принципу некоторые сексопатологи подразумевают под поллюционизмом обмазывание себя спермой, в связи с чем относят его к экскрементофилии).

Ренифлекс (озолагия, осфрезиофилия, обонятельный фетишизм) — разновидность экскрементофилии, при которой роль фетиша играет специфический запах объекта сексуальных предпочтений.

Уролагния (урофилия) — разновидность ренифлекса, при которой обонятельным фетишем служит запах мочи; при копролагнии фетишем служит запах кала, при спермолагнии — запах семенной жидкости и т.п. Вкусовым эквивалентом экскрементофилии является поедание или питьё выделений — урофагия (не следует путать эту перверсию с одним из ответвлений народной медицины — уринотерапией, использующей бесспорно имеющиеся целительные бактерицидные свойства урины; тем более, что с усилением бедственного положения России и шабаша «платной медицины» как бы этому «фармакологическому»

препарату не остаться единственно доступным народу лекарственным средством), копрофагия, сперматофагия.

Клизмофилия — получение сексуального удовлетворения путём введения жидкости или медицинских свечей в прямую кишку.

Эксгибиционизм — сексуальная девиация, основанная на демонстрации собственных половых органов незнакомым лицам и вне обстановки, связанной с приготовлением к половому акту, с целью получения сексуального удовлетворения.

Кандаулезизм — разновидность эксгибиционизма, сочетающаяся с мазохизмом, основанная на достижении сексуального возбуждения при демонстрации обнажённой собственной жены или партнёрши другим мужчинам.

Петтинг — преднамеренное вызывание оргазма искусственным возбуждением эрогенных зон в условиях двустороннего партнёрского сексуального контакта, исключающего непосредственное соприкосновение гениталий.

Фроттаж (фроттеризм) — получение сексуального удовлетворения путём прикосновения (или трения) половыми органами к различным частям тела избранного объекта в толпе, в тесноте, например, в транспорте; одними исследователями под этим термином подразумевается разновидность эксгибиционизма, другими — разновидность петтинга.

Пиролагия получение сексуального удовлетворения от созерцания огня, зрелища пожара (осуществление поджога с этой целью — пиромания).

Как видно из приведённого перечня (лишь претендующего на некую полноту) сексуальных отклонений (девиаций) и извращений (перверсий), разделение их на отдельные «виды» весьма условно и неоднозначно, а их «нозологическое» определение порой достаточно путано, симптоматично и нередко малоудовлетворительно с семантической точки зрения. Отнесение сексуальных предпочтений конкретного лица к тому или иному виду девиации затрудняется ещё и тем, что у многих субъектов отмечается не только сочетание отдельных симптомов разных девиаций, но и их тесное переплетение, взаимопроникновение и слияние в такие комплексы, которые не позволяют провести их однозначную идентификацию с известными видами отклонений в сексуальном поведении. Это положение усугубляется тем, что практически каждый «вид» сексуальной девиации помимо прочего может иметь ещё и оттенок гетеро-, гомо— или бисексуальных предпочтений.

Распространённость сексуальных девиаций и перверсий в человеческих популяциях оценивается неоднозначно. По McСагу проявления садизма отмечаются у 5% мужчин и 2% женщин (причем нередко садизм имеет гомосексуальную ориентацию), мазохизма — у 2,5% мужчин и 4,6% женщин, трансвестизма — у 1 % людей. Гомосексуализму подвержены около 4-5% мужчин и 1-2% женщин. Бисексуализм распространен среди 10% (иногда называют даже 30% и более, он наиболее трудно распознаваем) мужчин, и несколько меньше среди женщин [7]. Несколько иные данные приводит «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» (DSM-III-R) Американской психиатрической ассоциации, а мазохизм, например, относит сугубо к мужским расстройствам.

О распространённости большинства сексуальных аномалий нет сведений вовсе, и даже приведённые оценки носят очень приближённый и не вполне достоверный характер. К тому же в этой статистике никак не учтены расовые и национальные особенности, своеобразие обычаев и специфика разных культур и, наконец, влияние среды. Например, очевидно, что среди южных народностей с более «жарким» темпераментом (арабов, кавказцев, негров, латиноамериканцев) проявления аномального сексуального поведения должны встречаться несколько чаще, чем у флегматичных народов севера, что напрямую обусловлено климатом. Сказываются на сексуальности и социальные условия жизни людей. Вряд ли полуголодные жители Бангладеш в такой же степени пристрастны к педерастии или упомянутому «свинингу», как зажавшиеся обитатели мировой «столицы гомосексуализма» — Сан-Франциско.

То, что мы можем видеть — лишь верхушка айсберга человеческой извращённости. Возможно ли при подобной пестроте и неоднозначности выявить математически выраженную корреляцию сексуальной извращённости с человеческой хищностью? Очевидно, нет. Возможно лишь попытаться определить хотя бы основные, «магистральные» связи. Понятно, что это будут те сексуальные извращения, которые так или иначе связаны с повышенной и/или

извращённой агрессивностью. Это позволяет выделить из всего имеющегося «аномально-сексуального множества» те сексуальные — самые страшные — отправления, которые, вне сомнения, предпочитают именно хищные гоминиды.

Ситуация усложняется ещё и тем, что и без того интимная сексуальная сфера, тем более утаивается, если она имеет извращённый, и особенно — преступный характер. Чем выше интеллектуальный уровень сексуального девианта, тем большую осторожность и изощрённость он проявляет в осуществлении своих действий. Значительная часть их не имеет никаких конфликтов с законом. Многие ведут просоциальный (внешне благонамеренный) образ жизни, оттесняя все свои глубинные комплексы в подсознание, и находя для них выход лишь в сублимированных формах: мерзкие формы искусства, литературы, конъюнктурная деятельность в самых различных областях. Но в первую очередь и главным образом, они стараются найти себя в деятельности, которая так или иначе связана с социальным доминированием, с властью, т.е., — в политике, в структурах организованной преступности, в религии (как в официальной церковности, так и в изуверском, тоталитарном сектантстве).

И уж тем более скрыты для «стороннего» наблюдателя предельно чудовищные формы сексуального поведения хищных гоминид — неменяемых морально, но весьма хитроумных и изощрённых по части утаивания следов своих любовных утех: закапывания и растворения серной кислотой трупов или, наоборот, хозяйственной, спорой разделки, консервирования и маринования частей туш партнёров. Но когда для хищного субъекта открывается возможность безнаказанного отправления всех его хищных потенций, то тогда на историческом небосклоне вспыхивают такие «звёзды первой величины», как Нерон, Калигула, Бокасса (президент-каннибал Центрально-африканской Республики с 1966 по 1979 гг.) и многие другие.

Ясно, что при таком «неявном» положении дел очень трудно создать полностью адекватный и корректный научный труд (всё же попытаемся на этом «безрыбье» сделать хоть что-то), который следовало бы назвать не иначе, как:

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХИЩНЫХ ГОМИНИД

Ошибка Отто Вейнингера

Сексуальное поведение представителей хищных человеческих видов весьма отлично от нормативного, присущего нехищным людям, имеет свои особенности и различия по многим параметрам. Оно могло бы послужить очень важным видовым идентификатором. Единственное существующее здесь препятствие — это интимность, ненаблюдаемость данной сферы жизни представителей человеческого рода. Всё же имеется достаточно полный свод описаний «со слов потерпевших», что отображено в обширнейшей психиатрической и криминальной литературе, не считая множественных фольклорных зарисовок с натуры, сохраняющихся в устной традиции. Не осталась в стороне в этом животрепещущем вопросе и художественная литература. Это книги маркиза де Сада, Леопольда Захер-Мазоха, Эмиля Золя («Человек-зверь», «Нана» и др.), не говоря уже о потоке современной чернушно-порнушной бестселлерной беллетристики.

Во всех таких книгах присутствует рациональное зерно объективности. Правда, объективность и непредвзятость многих таких «секс-шедевров» иногда относится к болезненным фантазиям их авторов, а не к описанию подлинных фактов. Тем не менее реальная чудовищность затронутой сферы столь невообразима, что даже таких авторов — не иначе как подверженных неким формам сублимации сатириза — нельзя в упрекнуть в преувеличении. Попробуйте провести мысленный эксперимент. Прочитав однажды где-нибудь сообщение о реальных сексуально-изуверских событиях, содрогнувшись невольно от ужаса и отвращения, представьте себе теперь, что вы прочли бы о том же самом в художественной книге. Наверняка вы сочли бы это нездоровой фантазией автора и отнеслись ко всему написанному недоверчиво и снисходительно. Литература, искусство для усиления художественного воздействия выделяют яркие, примечательные факты, абстрагируют, украшают или очерняют действительность, и всё же они не могут передать и доли того реального ужаса, которая

поставляет людям жизнь, — с непосредственной «помощью» хищных гоминид.

Стало уже чуть ли не банальностью, по крайней мере положением не требующим доказательств (за его неопровержимостью), то утверждение, что сексуальное влечение, т.н. либидо напрямую связано с агрессивностью. Даже спутницу любви — ревность, — как полагают психологи, следует считать рудиментом и отголоском древнего соперничества — биологической борьбы самцов за благосклонность самки. Об этой органической связи, собственно, говорили уже давно, хотя и считается, что «застолбил» её только лишь З.Фрейд. Ещё задолго до рождения создателей психоанализа людьми были замечены эти «узлы», связующие смертельную агрессивность, развратный секс и коварство в один страшный клубок.

Человеческая хищность не всегда лежит на виду, ибо на нравственные видовые (кардинальные!) параметры любой личности накладывается матрица вторичных психофизиологических признаков, таких как характер, темперамент, сила воли, интеллект, физиологические данные, вплоть до внешности. Всё оказывается значимым в той или иной степени для окончательного формирования социального образа индивида. Кроме того оказывают своё прямое воздействие среда и, особенно, воспитание, или, шире, — все те условия, в которых индивиду довелось родиться и вырасти.

Поэтому каждый человек уникален, даже идентичные, «однойцовые» близнецы не могут обладать тождественным самосознанием. И всё же диапазон подобной изменчивости существует. Не станет нехищный человек, не сошедший с ума, изощрённым садистом. И, наоборот, невозможно заставить искренне раскаяться матёрого убийцу-суперанимала.

Жизнь, судьба, таким образом, в значительной степени распоряжаются тем, кем в итоге проявит себя хищный индивид — с виду добреньким мелкопакостным кляузником-педерастом, должностным садистом, жестоким политиком, коварным аферистом, серийным маньяком или громилой с топором. Очень редко хищная модель поведения может реализоваться в длительной череде поколений в одинаково «ярких» формах. Конечно, «яблоко от яблони падает недалеко», но не из всякого зёрнышка вырастает столь же «пышное» дерево. Сын того же А.Р.Чикатило Юрий, хотя и проявил себя тоже садистом и насильником, но до «масштаба» отца, которым он очень гордится, не дотянул.

Многие, заложенные в хищных гоминидах, потенциальные асоциальные «способности» не могут проявить себя «во всей красе» — общество тем или иным образом их подавляет. Есть ещё один необычайно важный фактор. Человечество давно уже, поколений этак сто (всё т.н. историческое время), не подвергается в полной мере физиологическому просеву механизмами естественного отбора, в особенности же это касается хищных гоминид. Представьте себе обширную популяцию волков, живущих длительное время в таком же «тепличном» эволюционном режиме, какой существует с некоторого времени у людей. И вот вожак такой гипотетической «человекообразной» волчьей стаи, скажем, оконфузился на охоте («Акела промахнулся»), но ему теперь не грозит отставка с «поста» предводителя, и печальная участь быть разорванным на куски претендентами на это место его минует. Более того, он давно уже не ходит на эту обрыдлую охоту, — то болеет, то просто ленится, но его содержат и у него рождаются потомки. В стае много волков еле-еле передвигающихся, хромых, глухих и полуслепых, натыкающихся на деревья, спотыкающихся о камни. Но у стаи добычи всегда много, с голоду умирают совсем уж никудышные, которые и жевать не могут. Самое главное для нашего сравнения здесь то, что все они остались внутренне теми же злобными волками, безудержными хищниками, даже способными сожрать и друг друга.

Вот именно такая ситуация и сложилась в человечестве среди хищных гоминид. Используя свою врождённую «волчью», а чаще «гиеновую» наглость и отсутствие совести они легко подавляют своё нехищное окружение и находят для себя выгоду в любых условиях — они всё те же «кормимые» адельфофаги. Если что и губит их, так это только отсутствие чувства меры, патологическая жадность да столкновения со «своими» же за лучшее место у «социального корыта». Нехищные же люди по-прежнему — «кормильцы» этих людоедов, они всё так же, как и во все исторические времена, тяжко работают, борются за выживание, довольствуются самым необходимым, радуются чудом им перепавшим самым малым крохам благополучия.

Хищникам же человеческим — подавай беспредел во всех смыслах, им постоянно

необходимо удовлетворение своих «волчье-гиеновых» appetitov. Чувства меры у них нет. Зато у них сверх меры — наглости. А «психофизических» данных у многих из них не хватает: лень, глупость, неадекватная злобность, необоснованное, дутое тщеславие, люта́я зависть — всё это нередко выбрасывает их на обочину жизни. Но они не могут уподобиться нехищному деклассированному люмпену: безропотно, по-философски жить на свалке, пьяно, добродушно подсмеиваясь над окружающей их «суетой сует». Оказываясь иногда всё же и в таких местах, они и там портят всем «жизнь», воруют у соседей последнее, втягивают несчастных «бомжей» в преступления. Хищный инстинкт требует своего удовлетворения. Надо кого-то как-то цеплять, унижать, но условий для этого нет.

Именно такой случай описан Достоевским в его повести «Записки из подполья». Эта книга была полемическим ответом-пародией на нашумевшую магистерскую диссертацию Н.Г.Чернышевского о месте эстетики в реальной жизни, но она характерна и примечательна в нашем плане. Некий мелкий чиновник, озлобленный, обуянный чёрной завистью к сильным мирам сего, иными словами, хищник-неудачник, длительное время, отказывая себе во всём, копит деньги на приличную более-менее одежку. И, спрашивается, для чего? Оказывается, для того, чтобы отомстить некоему франту с Невского проспекта — подобраться к нему близко, пройти мимо и как бы невзначай толкнуть того плечом. Страшная месть!

Поэтому очень непросто сразу же указать на хищных индивидов, на основании неких простых признаков. Картина здесь достаточно калейдоскопична и неопределённа. Есть откровенные мерзавцы, по которым сразу видно, кто они такие. Но есть и хорошо замаскированные, так что требуется длительное время внимательно присматриваться, чтобы выявить истинные цели и намерения такого «упакованного» хищного субъекта («пуд соли съест»), это — буквально как выявить, рассекретить вражеского агента, разоблачить шпиона. Ведь «человек есть то, о чём он думает», каковы у него самые потаённые, сокровенные мысли и намерения, а претворит ли он их в жизнь — вопрос второй, дело пятое. Подберут люди добрые какого-то несчастного погибающего бедолагу, приведут его в свой дом, обогреют, напоют-накормят, а тот — очухавшись — возьми да и зарежь гостеприимных хозяев — сколько таких случаев! Или, наслушавшись предвыборных обещаний, выбирают себе на голову очередного прохвоста — это стало уже правилом. Так что здесь очень легко впасть в «методологическую» ошибку.

В плане нашей тематики, особо иллюстративна и опасна ошибка в оценке взаимоотношений между полами, допущенная такими видными авторами, как Отто Вейнингер и Василий Розанов. Они оба пришли к идее неоднозначности половых признаков, т.е. существования множественных переходных форм между мужчиной и женщиной (Розанов, видимо, заимствовал и развивал мысль Вейнингера).

В трактате О.Вейнингера [4] читаем: "Существуют бесчисленные переходные степени между мужчиной и женщиной, так называемые промежуточные половые формы. Поэтому индивидуумов А или В не следует просто обозначать именем «мужчина» или «женщина», а нужно указать сколько частей того и другого содержит в себе каждый из них, например, как:

Каждый человек колеблется (осциллирует) между мужчиной и женщиной".

У В.В.Розанова же — это простой ряд натуральных чисел:

...-7, -6, -5, -4, -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3, +4,+5, +6, +7...

Этот ряд выражает степени перехода от более-менее мужских признаков к таким же — далеко не абсолютным — женским свойствам. Вейнингер доказывает своё положение следующим образом. «В подтверждение этого взгляда можно было бы привести бесконечное число доказательств. Я напому о „мужчинах“ с женским тазом и женскими грудями, со слабой или даже без всякой растительности, с точно оформленной талией; далее о „женщинах“ с узкими бедрами и плоскими грудями, с плохо развитыми *perinasum* (*nates*) и худощавыми бедрами, с низким, грубым голосом и усами и т.д. и т.п.».

Далее Вейнингер выделяет первичные, вторичные, третичные и даже четверичные половые признаки, и тем не менее ни один из них качественным приоритетом не наделяет. Он,

как и Розанов, почему-то не увидел значимости таких сущностных половых параметров, как непосредственное половое предназначение и основная способность индивида в качестве представителя того или иного пола: рожать детей или же только оплодотворять, говоря грубее, — что есть в наличии: *vagina*, *ovarium*, *uterus* и т.д., или всё же только лишь *penis* и *orchis*? Кроме того о половой принадлежности однозначно говорит хромосомный набор половых клеток — XX у женщин и XY у мужчин.

Во времена Вейнингера и Розанова генетики ещё не существовало, но всё же их ошибка в неразличении полов весьма показательна. Точно такая же ошибка делается сейчас людьми в отношении хищных признаков в человечестве. Некогда, в начале XX-го века широкие бёдра у мужчин или наличие усов у женщин представлялись учёным более важными признаками для характеристики половой принадлежности, нежели определяемая полом способность или неспособность человеческой особи рожать. Так и теперь — уже в конце того же века — хищные, нелюдские признаки, зоопсихологические установки, аморальные и асоциальные поползновения напрочь затмеваются очевидной способностью всякого (не дефективного) индивида к членораздельной речи и логическому мышлению, а его характер. «вычисленный» по зодиакальным гороскопам, представляется намного более значимым для социальной оценки человеческой личности, чем неистребимое желание такой «личности» убивать, унижать или обманывать людей.

Подобное неразличение половой принадлежности привели обоих авторов к полному оправданию гомосексуальности — ведь всё смешивается! Вейнингер утверждает: «Первоначально все бисексуальны, т.е. могут иметь половые сношения и с мужчинами, и с женщинами... Моя точка зрения не считает вообще гомосексуальность аномалией, совершенно обособленной, вошедшей только как остаток прежней недифференцированности в законченную обособленность полов. Она причисляет гомосексуальность к половым свойствам средних сексуальных степеней в их непрерывной связи с половыми промежуточными формами, ибо они кажутся ей исключительно реальным бытием, а крайности — идеалом. Таким образом, на основании моей теории, все существа в одно время и гомосексуальны и гетеросексуальны».

Как тут не вспомнить приводимые ранее высказывания «корифеев всех времён и народов» о «возвышенно прекрасном симбиозе» добра и зла в мире. Тогда, согласно их заветам, но применительно к сексуальным отношениям, следовало бы, наверное, сказать, несколько перефразировав именитых авторов: «Гомосексуализм — необходимый момент в сексуальной жизни и необходимо необходимый. Он есть лишь обратная сторона гетеросексуальности, жизненно необходимая для её существования. Из их совокупности и состоит удивительная красота бисексуализма. Вселенская функция пер-анусных и орально-генитальных гомосексуальных отношений заключена в том, чтобы сильнее оттенить красоту обычной — сирой и невзрачной — любви между мужчиной и женщиной. Мало того, без мужеложства, педофилии и лесбиянства общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем»...

Генетика совести

Современная сексопатология не отрицает крайней сложности, многомерности детерминации пола у человека. "Даже если опустить крайние варианты сексуальной дифференцированное, т.е. несомненную норму и патологию, при которой трудно решить, к какому полу принадлежит обследуемый, то всё равно останется широкий вариационный ряд, в котором наряду с мужеподобными женщинами и женеподобными мужчинами выделяются совершенно самостоятельные категории. К ним относятся трансвеститы, с навязчивым стремлением носить одежду противоположного пола, и транссексуалы, стремящиеся изменить пол путём избавления от физических признаков собственного пола. Наконец, в плане психосексуальной ориентации можно выделить по крайней мере три категории — гетеросексуальные, бисексуальные и гомосексуальные. Это многообразие определяется сложностью механизмов детерминации пола, в основе которых лежит система иерархических отношений, располагающихся в диапазоне от генетических влияний до психологического выбора сексуального партнёра.

Становление этой системы начинается с детерминации генетического пола (уровень I), определяемого кариотипом. Генетический пол в свою очередь обуславливает гонадный, или истинный пол (уровень II), идентифицируемый по основному показателю половой принадлежности — гистологическому строению половой железы. Истинным его называют потому, что, определяя гаметный пол (уровень III), т.е. способность половой железы образовывать сперматозоиды или яйцеклетки, гонады тем самым выявляют роль данного индивидуума в процессе воспроизведения. Наряду с этим гонадный пол определяет также и гормональный пол (уровень IV), т.е. способность половой железы секретировать специфические половые гормоны. В свою очередь уровень и доминирующая направленность гормональных воздействий определяют морфологический, или соматический пол (уровень V) субъекта (его фенотип), т.е. строение и развитие его внутренних и наружных половых органов, а также вторичных половых признаков.

Все рассмотренные уровни (I-V) могут быть объединены в группу физикалистских детерминант половой принадлежности индивидуума, которыми в значительной мере определяются и его социально-психологические детерминанты. Однако, как об этом свидетельствуют клинические наблюдения, связь эта не носит характера жёсткой функциональной зависимости, а в некоторые критические периоды оказывается настолько рыхлой, что порождает ряд диссоциаций между соматическими и психосоциальными детерминантами половой принадлежности, на почве которой и формируются некоторые нарушения. Возникновению такого рода нарушений, в особенности при наличии изначальных аномалий развития физикалистских детерминант, способствует в этих случаях конвенциональность гражданского пола (уровень VI). выводимого обычно акушерами непосредственно из пола морфологического.

Принципиальное отличие указанных уровней от остальных заключается в том, что физикалистские детерминанты (уровни I — V) обуславливают морфологическую половую принадлежность, в то время как уровни VI — IX — определённые формы полового поведения.

На терминальных уровнях половой дифференциации в норме наблюдается та же каузальная последовательность, что и на начальных: гражданский пол, определяя уровень VII — пол воспитания (от выбора формы одежды, причёски и игр до применения наказаний за неконформное сексуальное поведение), тем самым формирует половое самосознание (уровень VIII). которое в свою очередь определяет уровень IX — играемую индивидом половую роль, прежде всего — выбор сексуального партнёра. Однако указанные отношения, характерные для нормы, могут дифференцироваться на различных этапах при патологических воздействиях" [6].

Из приведённого анализа ясно, что все нарушения при формировании полового самосознания индивидуума являются несомненной патологией. Тем не менее апологетика сексуальной извращённости не снижает своего напора и пропагандистской образности, уподобляя социально-психологические факторы условиям становления языка. «Хромосомы, гонада, гормоны — все они по сравнению с воспитанием играют вторую скрипку... Генетические и другие врождённые факторы предопределяют лишь саму возможность развития и дифференцировки языка, но никак не предопределяют будет ли этот язык английским, арабским, нахуатли или каким-либо иным. Так же точно в психосексуальной сфере генетические и другие врождённые факторы предопределяют лишь саму возможность дифференцировки половых ролей и сексуальной аутоидентификации, но никак не предопределяют, будет ли направление этой дифференцировки мужским или женским» [6]. Другими словами, индивидуум заканчивает своё развитие как мужчина, женщина, гомосексуал или амбисексуал, подобно тому как разные люди заканчивают свою жизнь как владеющие только английским, только арабским языком или как полиглоты — под влиянием своего макросоциального окружения.

Однако научные эксперименты опрокидывают подобного рода «филологические» аргументы. Так, сотрудники Канзасского университета выяснили, что эмбриональные гормоны влияют на половое поведение взрослых морских свинок. При введении беременным самкам андрогенов, в рождавшемся помёте самцы вели себя нормально, а самки, соматически не отличавшиеся от нормальных, с наступлением половой зрелости вели себя как самцы. Так была получена экспериментальная модель гомосексуального поведения, проводящая аналогию с

половым поведением активно гомосексуальных женщин. Подобно этому, деформируется поведение девочек, рождённых от матерей, получавших в период беременности лечебные препараты с мужскими гормонами. Такие наблюдения — своеобразный «человеческий» аналог эксперимента канзасской группы. В препубертатном возрасте эти девочки имели необычайно высокий показатель умственного развития IQ (Intelligence Quotient), предпочитали играть в компании мальчиков и в мальчишеские игры. Все они характеризовались как повышено самоуверенные и независимые, их называли tomboy (девочка-сорванец, девчонка с мальчишескими ухватками). В других экспериментах, тоже с крысами, воздействием вызывающих стресс фармакологических препаратов на беременных самок были получены в помёте самцы, ведущие себя по «женскому типу», т.е. чаще других принимающие подчинённую, копуляционную позу «лордоз»: спина прогнута, хвост в сторону [49]. И всё же самцов — «законченных» гомосексуалистов — фармакологическим путём получить не удалось.

Теоретические выводы из этих экспериментов и наблюдений доказывают, что в определённые периоды внутриутробного развития под влиянием эмбриональных гормонов происходит стойкая дифференцировка мозговых механизмов гипоталамуса по мужскому или женскому типу, предопределяющая направленность сексуального поведения особи в будущем. Выявлено также, что гормональное воздействие наиболее значимо в двух периодах полового развития — эмбриональном и пубертатном, причём в первом случае вызываемое гормонами действие носит необратимый характер, в то время как второй тип гормонального действия связан лишь с изменением уровня функции и обычно имеет обратимый характер.

Дополнительный вывод здесь тот, что до чего же хрупка женская психика! Какие-то паршивые гормоны столь кардинально меняют поведение представительниц прекрасного, но действительно — слабого пола! Именно поэтому практически неизлечим женский алкоголизм, не говоря уже о наркомании. Как же важно беречь женщин! На мужчин воздействовать в таком плане труднее, даже у кастратов (евнухов) сохраняется половое влечение к женщинам.

Самое же главное для нас в этом экскурсе в клиническую сексопатологию то, что вышеупомянутые отклонения по разным физикалистским и равно социально-психологическим детерминантам мало соотносятся с проблемой сексуального поведения хищных гоминид. Да, некоторые индивиды обладают инверсным сексуальным влечением — ну и пусть себе, общество вынуждено их терпеть, ничего тут не поделаешь, и никакого зла от них нет. Они ведут себя как нормальные люди, но с противоположным «сексуальным» знаком (по Розанову). Они не растлевают «натуралов», не насилюют и не убивают детей, они не свежуют и не поедают трупы своих сексуальных партнёров. Нас же интересуют те изверги, которые скрываются за ними и бросают свою чудовищную тень на этих, в принципе, безобидных уродов, жертв неблагоприятной случайности. И наша задача как-то «вытащить за ушко да на солнышко» — на суд общественности — именно эту закулисную свору сексуальных монстров.

Такое же положение существует сейчас в мире по отношению к агрессивности, к хищности вообще: такая же неспособность человечества вычленив заведомо злонравных хищных индивидов из общей массы нормальных людей. Врождённая нравственность или, наоборот, безнравственность ныне не замечаются, игнорируются точно так же, как в своё время по неведению не учитывались существующие хромосомные различия (X и Y) в половых клетках. Ситуация здесь практически совпадает полностью. Видовые различия сокрыты внешними, вторичными — общими — признаками (анатомия, физиология, рассудок, абстрактно-логическое мышление и т.п.), поэтому можно выстроить весьма широкий спектр проявлений и агрессивности, и сексуальной аномальности, как и найти множество переходных признаков в мужчинах и женщинах. Кроме того существуют также гибридные межвидовые особи, совмещающие хищные и нехищные признаки, что совпадает в половой сфере с феноменом гермафродитизма.

К сожалению, генетика поведения всё ещё находится в зачаточном состоянии, исследователи пока что не могут вычислить конкретно супергенный комплекс, отвечающий за формирование совести человека. Хотя уже и найден некий «ген агрессивности», но этого пока ещё мало, ситуация гораздо сложнее и тоньше. «Нормальная система этических реакций, подобно любому виду психической деятельности, осуществляется при условии нормального состояния огромного количества генов» [31]. Люди продолжают пребывать в плену

неразборчивых стереотипов «всепрощения» и «равенства возможностей». Даже откровенные людоеды и маньяки-некрофилы всё ещё признаются общественным мнением принадлежащими к достопочтенному виду *Homo sapiens*. Но если определить разум более корректно и конкретно, а именно, как рассудочные способности плюс нравственность человека, т.е. наличие у него помимо интеллекта ещё и совести, то все такие человекоподобные существа немедленно выпадут из этой таксономии. Они суть другой вид: это хищные гоминиды, с точки зрения популяционной генетики имеющие к человеку разумному точно такое же отношение, как бледная поганка — к сыроежке. В популяционной генетике подобный феномен внешней схожести именуется как «виды-двойники, различия между которыми выявляются лишь специальным тестированием» [19]. Ибо чем человек действительно бесспорно и однозначно отличается от животного, так это — именно нравственностью. Разум, таким образом, это не что иное, как третья сигнальная система.

Первая сигнальная система — это рефлекторная деятельность животных: инстинкты, условные и безусловные рефлексы. Её предел — это ум, сообразительность высших животных, действующих методом проб и ошибок, способных приобретать и передавать опыт, обучать потомство.

Вторая сигнальная система — рассудок, речь, мышление у человека, способного уже на само-осознание и осмысленное поведение. Вторая сигнальная система является ограничивающей для первой сигнальной системы, торможением безудержности её импульсов, сдерживанием эмоций. Из множества целей, мотивов, диктуемых силами эмоций и инстинктов, человеческий рассудок выбирает наиболее рациональный, более надёжно приводящий к поставленной цели. Предел возможностей второй сигнальной системы — рассудочное, высокоинтеллектуальное поведение, научное мышление, построение государств, создание культур, цивилизаций, «покорение» Природы, вплоть до выхода человека в космос и изобретения атомного и ядерного оружия.

Третья же сигнальная система — может быть присуща только нехищным людям. Это и есть Разум, и это именно его проявления — совесть, сострадание, учёт интересов окружающих людей, непричинение зла людям и Природе без каких бы то ни было запугивающих. «дисциплинирующих» факторов, типа религиозных угроз или моральных призывов. Здесь воочию видна вопиющая несуразица, точнее, какая-то поразительная инфантильность знаменитого «силлогизма Достоевского»: мол, «если Бога нет, то всё позволено». Точно так же, видимо, рассуждают младшие школьники, когда начинают «ходить на голове», если учитель вдруг покинет класс. Но человек давно вырос из детских штанишек конфессиональной религии, и попросту уже обязан вести себя нормально, разумно и без «острастки взрослых».

Третья сигнальная система является сдерживающей и ограничивающей уже по отношению ко второй сигнальной системе, и человек именно таким образом приобретает нравственность. Для общества же это сдерживание имеет пока что по большей части только теоретический характер, оно ограничивается лишь безуспешной критикой явно неразумных действий людей и человечества в целом. Действительно, рассудочное поведение людей в большинстве своих проявлений — откровенно параноидально, ибо цели самых что ни на есть хитроумнейших комбинаций оказываются либо мнимыми, либо вредными. Делание денег ради денег. Или — непомерный, ненужный людям западный темп работы, — и всё ради прибыли для кучки финансовых воротил, за счёт здоровья миллиардов простых людей. Ну и, наконец, технический прогресс — любой ценой, уже под угрозой гибели сама Жизнь на Земле — что может быть безумнее?!

Третья сигнальная система. Разум предполагает оценку рассудочных действий с нравственной точки зрения: не только «познание добра и зла», но и безоговорочное принятие стороны добра. Отсюда однозначный вывод: хищные гоминиды действительно не являются людьми с нравственной точки зрения. Звери, предельно опасные — «второсигнальные звери» среди людей. Получается, что ни хищные гоминиды, ни общественные организмы, ни тем более человечество в целом — откровенно неразумны! И никакого такого «общественного разума», «ноосферы» и т.п. «артефактов» попросту не существует! Всё это выдумки, вычурные благоглупости, на манер — «красота спасёт мир!». Спасёт, как же, — надо только держать карман шире и как можно красивее раскатывать губы!

Не следует в то же время делать некий культ из человеческой нравственности, она точно так же предопределяется генетически. Хотя у многих этот факт может вызвать неприятие, ведь всё это сильно отдаёт вульгарным материализмом и атеизмом, но есть один необыкновенно важный момент. Судя по всему (в частности, из «жития святых», биографий истинно гуманных людей), можно сделать вывод, что нравственным людям (всем или не всем — трудно сказать) дается некое «посещение свыше», или «знамение», которое приходит однажды или неоднократно в течение их жизни, что поддерживает их в этом мире, как бы дает им некую высшую надежду, и даже иногда реально помогает им. Возможно, хотя и очень редко, хищным субъектам тоже выпадет честь подвергнуться подобной «верховой» коррекции, вспомним обращение рьяного гонителя христиан Савла в апостола Павла. После такой «скорой помощи» они оказываются на пути служения добру, как бы некие «наёмники». Но, скорее всего. Павел, как и другие ему подобные «неофиты», были лишь охищенными диффузными людьми и наставлены Провидением на путь истинный.

Всё чаще можно услышать, что мировые религии основательно устарели, слишком уж они «вросли в прошлое», и что нынешнее время — это время непосредственного контакта человека с Высшими Силами: «постучись в двери, и тебя услышат и откроют». Для этого достаточно лишь честного обращения к Ним и какой-то осязаемо определённой нравственности. Хищные же индивиды органически неспособны к такой предельно искренней «молитве», и потому вынуждены постоянно отвлекаться от мыслей о «вечности», о «горнем» сиюминутными, «дольными» утешами мира сего. Они обречены на погоню за властью, славой, деньгами и на «отдых от дел» в удовлетворении своей безобразной похоти. Постоянная спутница всего этого — пресыщенность, тоска, опустошённость. Но выхода у хищных нет — они действительно обречены, они сами себя загнали в угол, хотя и обставленный с вызывающей, самодовольной, но далеко не самодостаточной, роскошью.

В этом плане представляется возможным, что Высшие Силы Мира пытаются взаимодействовать с нравственными людьми, оказывают им помощь на их жизненном пути. И если люди научатся адекватно «сотрудничать» с Ними, то победа нравственного (нехищного) большинства неоспорима, как и построение справедливого общества на Земле. Нужно только внимательно прислушаться к себе и тихонько постучаться в двери к Ним. Причём, здесь никак не имеется в виду некое «моральное подвижничество», типа сурового аскетизма или предельной «святой благодности» — это крайности, к тому же весьма подозрительные в плане именно сексуально-психической нормы. Разговор идёт об обычной человеческой порядочности и непричинении зла окружающим, о выполнении лишь некоего минимально достаточного, но неукоснительно выполняемого «морального кодекса».

Тергоровый рефлекс хищника

Итак, вместо человеческого множества, упорядоченного по принципу «все люди братья и сестры», перед нами возникла некая «куча мала» из нормальных людей и сексуальных монстров, из мирных обывателей и асоциальных чудовищ. Поэтому очень важно как-то разобраться с хищными и нехищными индивидами в отношении их сексуальности, функционально зависимой от агрессивности, и тем самым попытаться отделить-таки зёрна пшеницы от плевел. Представляется возможным вначале выстроить некий последовательный ряд. «линейную шкалу взаимосвязанности» этих двух человеческих эмоций (агрессивности и сексуальности), используя «банк высказываний» на эту тему — от народной мудрости до изречений философов и мнений учёных.

«Милые бранятся — только тешатся». Так ласково издавна говорят в народе о любовных баталиях в семье. На этом «поле брани» идёт в ход лишь такое «лёгкое» оружие, как ругательства, часто матерные, и нанесение небольших травм, типа «фингалов». Без семейных скандалов, видимо, обойтись невозможно — они являются действенной психологической разрядкой, после которой теплые супружеские отношения восстанавливаются. Хотя в пьяном виде дело может дойти и до увечий, но это уже охищенное поведение. Сюда же можно отнести и столь распространённую в русском народе привычку к мату, особенно в нетрезвом состоянии, это его основная, «фоновая» агрессивность, и она имеет явно нехищный уровень,

будь бы это не так — дело бы этим «фольклором» не ограничилось и разговоров об уникальном долготерпении русского народа не возникало.

Следующую ступень агрессивности развернуто и определённо описывает индус Бхагаван Шри Раджниш (Ошо) [71], попытавшийся в своих трудах достаточно своеобразно синтезировать мудрость Востока с... похабщиной непристойных анекдотов Запада. Для иллюстрации собственных положений он постоянно приводит европейские анекдоты, но зачем-то самые похабные, хотя можно было бы легко найти более пристойные и не менее остроумные примеры. Но это — к слову. А вот, что он отмечает. «Любовь и Ненависть — это одна и та же энергия любви-ненависти. Любовь может стать Ненавистью, Ненависть может стать Любовью, они обратимы, они дополняют друг друга... Если вы не можете прийти в бешенство, то как можете вы почувствовать любовь?»

Более точно и конкретно описывает эту взаимосвязь Эверет Шостром в книге «Анти-Карнеги» [14]. «Интересно то, что гнев и любовь — очень близки, они как бы растут из одного корня. И для многих необходимо сначала ощутить прилив горячего гнева, прежде чем он почувствует любовное тепло». Хотелось бы спросить у этого Эверета: для кого это именно — для каких таких «многих»?

В приведённом пассаже психолога — «анти-карнегианца» явно чувствуется «прилив» садизма. Это уже действительно похоже на описание механизмов агрессивных чувствований и переживаний хищных гоминид (суггесторов и суперанималов) — садистов, некрофилов и т.п. Именно таковы, вероятно, чувства, испытываемые всеми теми знаменитыми сексуальными маньяками — со смертельной ненавистью убивающие, и с не менее сильно выраженной «любовью» насилующие свои жертвы. Причём совсем не то в весьма агрессивных (несомненно хищных) мужчин. Таким мужчинам свойственно пристрастие к причинению боли «объекту любви», непременно сопровождающее их оргазм. Легко предположить, что подобное сексуальное поведение должно быть присуще именно суперанималам и, возможно, некоторым суггесторам (самым наглым. «косящим» под «крутых», и в итоге привыкающим к своей роли. «окукливающимся»). Подобное завершение полового акта нередко может дополнительно сопровождаться потоком совершенно беспочвенной грязной матерной брани в адрес упомянутого сексуального объекта. Здесь можно ясно увидеть из какого именно «корешка» произрастает то — уже предельное — махровое любовно-агрессивное отправление, столь свойственное хищным, которое-то и совмещается с убийством собственной «любовной пассии».

Таким образом, сексуальная сфера более чётко выявляет глубинные инстинкты. Если в политике или в других областях, в которых «вращаются» хищные гоминиды, их подлинные чувства и переживания достаточно трудно «вычислить», то в сексуальной области — всё их нечеловеческое, зоопсихологическое нутро проявляется более непосредственно. Оно и понятно — ведь половой инстинкт является одним из стержневых в психике. Хотя и здесь социальные запреты сказываются: предельно возможная откровенность достижима далеко не всегда.

В этом «смертоубийственном» аспекте невольно возникает один очень важный вопрос. Что для хищных индивидов является «вершиной агрессии» — убийство просто, как таковое (будь то какое-нибудь политическое, или же равно — «немотивированное»: «под настроение», «под горячую руку»), или же — убийство именно сексуальное?! Взаимосвязанность агрессивности и сексуальности даёт однозначный ответ: убийство на сексуальной почве и является таковой «вершиной агрессии» для хищных гоминид. А их «убийством убийств» = «песней песен» является такое же сексуально окрашенное убийство, но — с поеданием трупа или отдельных, как это чаще всего практикуется, именно генитальных и эrogenных частей тела.

Можно сказать ещё определённое: тергоровый рефлекс хищника включает в себя две составляющие: агрессия плюс сексуальное влечение (ненависть + любовь). Если сначала убил, то хочется ещё и изнасиловать, а если сначала наслаждался «любовью», то подавай затем и ненависть, вплоть до убийства. Только этим рефлексом возможно объяснить почему так мерзко относятся хищные мужчины к женщинам, да и вообще ко всем своим сексуальным партнёрам. Казалось бы, те доставили им удовольствие, нужно быть им как-то благодарными. Но нет! — после этого — сразу же или чуть позже, следует физическое и/или психическое подавление, унижение объекта недавних воздыханий.

И эта их «терговость» стала в мире практически повсеместной, пронизывающей все взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Считается, что женщины любят мерзавцев, и мало кто оспаривает эту закономерность, ставшую уже банальной. Но можно утверждать, что это, скорее всего, не любовь, а попадание нехищных, внушаемых женщин (а женщины очень и очень внушаемы!) в психологическую зависимость от хищных гоминид, как в плен. Как бы некая разновидность «стокгольмского синдрома», когда жертвы проникаются совершенно неадекватной симпатией и даже нежностью к террористам-чудовищам. Кстати, всё это некогда было доказано очень простыми опытами [61].

Еще задолго до появления, воцарения и засилья фрейдистской галиматъи были проведены эксперименты Бине и Фере, доказавшие появление у женщин «любовного» притяжения к подавляющим индивидам вообще и к гипнотизёрам, в частности. Причём в феномене страстной влюбляемости, доведённой до гипнотического транса пациентки сама личность гипнотизёра не имеет никакого значения. Если гипнотизёр своим влиянием отключает критическое мышление подвергшейся эксперименту женщины, то в постгипнотическом состоянии она не обязательно начинает объясняться в любви именно ему, но любому, кто, пока она была в трансе, первым до неё дотронулся: желательно до участков обнажённой кожи. Больше того. Гипнотизёр подавлял критическое мышление у очередной женщины, и до её обнажённых рук одновременно дотрагивались сразу двое ассистентов: один за левую, другой — за правую. Состояние особого влечения возникало у неё сразу к обоим, женщина оказывалась в состоянии как бы раздвоенности. Каждая половина её тянулась только к одному из ассистентов, и женщина противилась, когда левый ассистент пытался взять её за правую руку, а правый — за левую.

Но эксперименты Бине и Фере были «успешно забыты» и выведены из научного оборота. Продолжительность страстной «любви» (синонимы: любовь до гробовой доски, смертельная любовь, безумная любовь, лакейская любовь, романтическая любовь, возвышенная любовь) определяется психической силой подавляющего, интеллектуальной силой влюблённого и нравственным его чутьём. Не все в состоянии изжить в себе влечение к страстной «любви».

Уже только по одному этому «факту влюбляемости» можно судить о масштабах хищного тлетворного воздействия на человечество, а также сделать вывод о том, что людям жизненно необходимо бороться с хищными гоминидами. Женщинам же можно лишь посоветовать бежать без оглядки от всякого рода «крутых» и, особенно, пройдох-"ловкачей" (как в песне: «мне б ненавидеть его надо, а я — безумная — люблю»). И если те окажутся всего лишь попросту охищенными, то они, возможно, поймут свою неправоту и одумаются. А пока что значительная часть нехищных людей заражается этим уничижительным отношением к женщинам. Мужчины уже с детства впитывают хищную поведенческую модель «морального» подавления женской половины человечества.

Лишь материнские отношения пока держатся как цитадель. Тут хищные анти-моральные потуги, похоже, бессильны: даже в их среде институт материнства, в силу своего высокого статуса, изуродован в меньшей степени, чем другие. Даже у отпетых рецидивистов уголовников наряду с предельно уничижительным отношением к женщинам парадоксально сосуществует сентиментальный культ матери. Но всё равно хищный уровень заметен и здесь: воспитание детей ведётся без достаточной любви, их рано отчуждают от родительской опеки, вытесняют во взрослую жизнь, или они уходят из дому сами, за что потом следует неминуемая — «как аукнется» — расплата: помещение родителей в богадельню, а не то и оставление их на произвол судьбы. Достаточно будет лишь одного примера «огромной сыновней любви» А.Райкина, некогда пытавшегося в гробу матери вывезти в Израиль несколько пудов бриллиантов, как об этом известила телепередача А.Боровика «Совершенно секретно», подтвердив давнишние слухи.

Здесь нужно как-то выделять нехищные, диффузные семьи, именуемые «неблагополучными», в которых тоже имеют место всяческие жуткие процессы распада семейных уз, но это — от безысходности нищеты, деградации, «острой нехватки» бриллиантов, в отличие от распрей и скандалов между хищными богатенькими родственниками, вызванных их злонравием и пресыщенностью.

Отсюда можно легко вычленить, элиминировать основную хищную агрессивную цепочку: от садистского изнасилования до некрофилии и некрофагии, — как наиболее притягательную

для хищных модель поведения. Теме некрофилии, присущей многим одиозным фигурам истории, посвящено немало литературы, в частности, известная работа Э.Фромма о Гитлере, как о сублимированном в политическую деятельность некрофиле [41]. Собственно, понятие некрофилии, введённое неотрейдистами с подачи своего идейного отца Зигмунда, оперировавшего с мифическим Танатосом, есть не что иное, как неосознанное определение «духовной» сущности хищных гоминид.

По очевидной логике, наиболее оптимальным для удовлетворения комплексного сексуально-агрессивного («либидо-танатосного») влечения хищных гоминид должно явиться убийство с изнасилованием уже мёртвого объекта, ибо это есть предельно естественное для них проявление тергорового рефлекса хищника: крайнее выражение «нежности» к только что убитой жертве-партнёру. Садистическое же изнасилование с оставлением жертвы в живых, равно как и последующее её убийство с целью сокрытия следов преступления, «безо всякого на то удовольствия», — это всё редуцированные варианты, как бы «недолёты».

Существует «недолёт» и с другой стороны — это некрофилия в форме влечения к уже мёртвым, к трупам, но с непричастностью к их смерти, наиболее часто встречающаяся среди работников морга, но есть и «гробокopatели». Это — тоже явно редуцированная, неполная форма того же самого комплекса, ещё одна модификация тергорового рефлекса хищника, хотя по своей чудовищности этот «способ» — сожительство с разлагающимся или замороженным трупом — явно «дотягивает» до предельной «любовной высоты» хищных гоминид. В то же время в этом нет хищного «изящества в зверстве», а больше похоже на поведение стервятников, слетевшихся к падали на своё пиршество. «Перелёт» же в этом хищном «любовном деле» трудно представим, это уже нечто фантастическое.

«Расчеловечивание»

Как же всё-таки вычленим из всего вышеприведённого широчайшего спектра сексуальных извращений (перверсий) и отклонений (девиаций) те конкретные формы половой монструозности, за которые несут ответственность именно хищные видовые свойства и особенности? В первую очередь, надо исключить все девиации (отклонения) полового поведения, непосредственной причиной которых являются экзогенные факторы: мозговые травмы, энцефалитные опухоли и другие нейрозаболевания, приводящие к патологическим изменениям в мозге и, как следствие, — в поведении. После этого можно выстроить некую «пирамиду форм» проявлений сексуальности.

Основанием её следует считать т.н. синдром неразличения сексуального объекта. А уже из этой полнейшей скотской (не в обиду братьям нашим меньшим, но нет другого слова) неразборчивости произрастают все остальные дифференцированные, «узкоспециализированные» сексуальные ориентации, девиации и перверсии. «Лица с этим синдромом совершают практически всё многообразие возможных форм сексуальных действий — и педофильные, и гетеро-, и гомосексуальные, и инцестные, и зоофильные и другие сексуальные контакты. Их сексуальное поведение является как бы полидевиантным» [6]. На этой полидевиантности, всеобъемлющей полиморфной сексуальности, можно сказать, пан-сексуальности, как на фундаменте, можно надстроить остальные «этажи сексуальности», отражающие уровни либидо у достойных представителей человечества.

ПОЛИСЕСУАЛЬНОСТЬ — неразличение объекта сексуального предпочтения.

БИСЕСУАЛЬНОСТЬ — неразличение пола сексуального партнёра.

ГОМОСЕСУАЛЬНОСТЬ — извращённая сексуальная избирательность. Этот уровень, равно как и предыдущие, дополнительно включают инцест и педофилию, как неразличение родства и возраста.

Это всё хищные уровни, хотя они до некоторой степени «освоены» и диффузными людьми, но так или иначе — хищно ориентированными. Чаще это — придебильные субъекты (олигофрены), шизофреники, или же имеющие органические (физиологические) отклонения в половой сфере. Во все три уровня включается садизм (и соответственно мазохизм, впрочем, имеющий и нехищное «расширение», в основном среди женщин), как некая «отягощённая» форма проявления хищной агрессивности, не отделившаяся при своей сублимации в чисто

либидоносное русло.

ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТЬ — нехищный уровень, единственно достойный называться человеческим, естественным. Если гетеросексуальное поведение «освоено» хищными мужчинами, то оно, как указывалось, дополняется агрессивностью, враждебностью, психическим подавлением близких, как фактором скрытой, латентной бисексуальности. В хищных семьях, в том числе между родителями и детьми, взаимоотношения — как в злобной стае (иногда в подспудной, выжидательной форме).

В охищенных диффузных семьях («неблагополучных») зафиксировано не меньшее, если не большее озлобление, но оно носит иные, чаще всего, истероидные формы, что есть следствие всё той же безысходности — отсутствия целей, перспектив, к тому же усугубленное, как правило, алкоголизмом, а то и наркоманией — это уже полный конец!

Изо всего этого трудно вообразимого «полидевиантного» сексуального многообразия, включающего в себя всю мыслимо-немыслимую мерзость «человека сексуального» (*Homo sexualis*), как видим, удаётся выделить лишь одну-единственную ветвь, тонюсенькую спектральную линию — являющуюся единственной действительно естественной формой отношений полов. Это — нормальная человеческая любовь-дружба мужчины и женщины, не отягощённая никакой грязью, хотя чувственность и является её корнями. Эту любовь можно сравнивать с прекрасным нежным кустом чайной розы, растущим между репейников, чертополоха на скотном дворе прямо посреди навозных куч «полидевиантности». К счастью, этот образ поневоле гиперболизирован, в реальности подавляющее большинство людей придерживаются нормальной естественной ориентации в половой жизни, подобно упомянутым «чайным розам».

При таком образном сравнении, следует считать практикой постоянного обновления букетов роз в вазе — сексуальное поведение по «казановскому» типу. Известно, что Казанова, как об этом он пишет в своих мемуарах [46], испытывал гипертрофированное влечение ко всем взрослым женщинам, практически без исключения, и одновременно питал неодолимое сильнейшее отвращение ко всякого рода извращениям, в том числе и к гомосексуализму. Такую сексуальную позицию необходимо признать крайне выраженным проявлением естественной сексуальности мужчины, которого, как указывал Ян Линдبلاد [35]. «с незапамятных времён отличает инстинктивное влечение ко всем не оплодотворённым особям другого пола».

Можно добавить, «что естественно, то — не безобразно», и далее — всё, что не вмещается в эти естественные рамки — чудовищно! И, наконец, до какой же всё-таки степени мощно наступление этих сатанинских сил! Мы постоянно видим и слышим натиск растленной части человечества, это сексуально извращённое агрессивное меньшинство заполонило своей пропагандой все СМИ. В результате, людей приходится призывать к естественному сексуальному поведению! Бороться за него! Уж не на второй ли всемирный потоп человечество напрашивается?!

С учётом этических требований, т.е. конвенциальных норм общественной нравственности, эта довольно-таки ещё широкая гетеросексуальная область вынужденно сужается. Неограниченный промискуитет архаической древности, "четыре жены у мусульманина, с завидным исключением для гаремов султанов и состоятельных вельмож, "редкая, не афишируемая супружеская измена в моногамной семье, как исключение из правила — однолюбие: любовь на всю жизнь мужа и жены — этот, очень редкий. «лебединый вариант». Замыкает эту историческую последовательность эволюции гетеросексуальности — широко ныне распространённая череда разводов, т.е. «законная» последовательность смен жён мужьями, и наоборот. Это восходит, скорее всего, к т.н. тасующимся группам, существующим у шимпанзе, — наших ближайших родственников в животном мире (природа берёт свое?!), ведь у шимпанзе и человека всего лишь два (!) хромосомных отличия. Всё, что находится вне этих форм является либо отклонением от нормы, т.е. девиацией, либо откровенным извращением, перверсией. Это «сексуально-логически» неопровержимо.

Совершенно ясно, что только взаимосвязанность между агрессивностью и либидо смогла обусловить в «интимной» сексуальной сфере точно такую же ситуацию, которая сложилась в мире «вокруг и около» агрессивности. Аналогично тому, как именно хищные гоминиды ответственны за войны и все чудовищные формы насилия, существующие в мире, точно так же

всё обстоит и в сексуальной сфере: вся свинцовая мерзость, присутствующая в этой области человеческих отношений, тоже исходит от их тлетворного, растлевающего и профанирующего воздействия. Но значительный объём сексуальной девиантности и извращённости несёт на своих... плечах, что ли, конечно же, диффузный вид, так или иначе втянутый в разврат. Всё это непотребство остаётся на его совести, ибо у хищных гоминид таковой не существует, они неспособны внутренне осудить несомое ими зло. Соответственно, по такой же «схеме» большинство воюющих армий составляют всё те же диффузные люди. Диффузный вид всегда и везде даёт «численность». Непосредственные инициаторы — сидят в штабах и в ставках. Основные же виновники войн — лишь финансируют и развязывают их.

Абсолютно так же обстоит дело во всех областях, подверженных хищному воздействию, в частности, таково же положение с преступностью, в том числе и преступностью сексуальной, равно как и с извращённой сексуальностью. Поэтому не должен показаться парадоксом тот факт, что в тюрьмах огромную часть составляет опять-таки всё тот же диффузный контингент (их там называют «мужики», «работяги»). Все эти процессы детонации хищного поведения в человеческой жизни подобны обвалам в горах. Первые камни, вызывающие страшные лавины камнепадов, так и остаются в большинстве случаев преспокойно лежать там же наверху, лишь незначительно сдвинувшись вниз и передав свою энергию для вызова цепной реакции другим, а именно — «диффузным валунам», которые и делают всю страшную работу, снося всё подряд на своём пути у подножия гор. Для сравнения численности можно указать на то, что «сливки» преступного мира. «воры в законе» составляют ничтожный процент в общей массе преступников. По данным МВД на 1991 год их насчитывалось во всём СССР всего лишь 550 человек. Сейчас, правда, вся эта иерархия вместе со статистикой канула в лету, в преступном мире стран СНГ наступил и процветает беспредел. Классического «старого, доброго» «вора в законе» новые молодые беспредельщики запросто могут и «опустить».

Поэтому ответственность за мировое зло должны разделять и нехищные люди, ибо лишь они способны осознавать и оценивать то, что есть зло, и мало того, в отличие от хищных гоминид, они должны, обязаны выбирать сторону добра — только это для них естественно. «У человека нет выхода — он обязан быть человеком» (Е.Лец). Как для хищных гоминид естественно причинять зло, детонировать агрессию, ложь, разврат, так и для диффузных людей естественно осознавать всю пагубность этого, понимать, что это им ни к чему, и потому — хоть как-то, но обязательно сопротивляться злу. К сожалению, подобное сопротивление даётся им с трудом. В этом противостоянии и состоит корень всемирного зла, который давным-давно пора уже вырвать, что могут сделать, как это ясно, лишь нехищные люди, и только — совместными усилиями. Так, стадо слонов занимает круговую оборону против хищников, скрыв в центре круга молодняк. Но представьте, что было бы, если часть слонов способствовала бы хищникам?! А именно такова ситуация в нынешнем человечестве.

Львиную долю диффузного преступного большинства, с учётом и сексуальных «правонарушителей», толкает на этот путь, помимо олигофрении и психопатии, также злоупотребление алкоголем и ещё более страшное пристрастие к наркотикам. Их действие устраняет у людей механизмы нравственного контроля, делая людей более агрессивными. «мужественными», и соответственно — настроенными более сексуально.

В юности, в 1960-е годы, мне довелось длительное время провести в туберкулёзных лечебницах (диспансер, больница, санаторий — «советская мрачная азиатская деспотия» не только лечила людей бесплатно, но и ещё предоставляла им всевозможные льготы, существовал даже такой афоризм: «заболевший туберкулёзом плачет два раза: когда его ставят на учёт и когда снимают»), и у меня имелась «счастливая» возможность понаблюдать этот контингент: там было много «тубиков» из всех слоев общества, в том числе, и из тюрем. Многие были привычны к употреблению «колёс» (барбитуратов), другие — «ширялись» (кололись). В процентном отношении, конечно, их было немного, да и вообще тогда наркоманы были у нас в стране в диковинку, почему все и обращали на них внимание. Государство тогда ещё и «заботилось» о них, некоторым даже кололи положенные им «по закону» кубики — ежедневные дозы морфия. И надо сказать, что наркоманы были какие-то нехорошие чисто в плане бытовых человеческих отношений, с ними было неприятно играть во что-либо (карты, шахматы, бильярд), разговаривать, и вообще как-то противно общаться, они действительно

были «плохие люди», даже под кайфом. Нравственные нейромеханизмы, видимо, страдают в первую очередь при употреблении алкоголя и особенно наркотиков. Вновь приохотившиеся к «колёсам», «мингаликам». или привыкшие к морфию за время послеоперационного периода, и не сумевшие затем перебороть возникшую тягу к нему, быстро становились другими людьми, портились в характере, явно «расчеловечивались». Сейчас, наверное, у всех есть возможность пообщаться с этим несчастным контингентом падших (в большинстве, окончательно) людей.

Можно достаточно легко показать, где именно «дислоцируется» различие между хищными и нехищными представителями человеческого рода: в префронтальном отделе лобного участка коры головного мозга, морфология которого-то и ответственна за человеческую нравственность. Так, практика лоботомии напрямую свидетельствует о возможности чисто хирургическим путём воздействовать на поведение человека. Судебная сексопатология и медицина перенасыщены описаниями случаев резкого изменения поведения людей, произошедшего в результате повреждении лобных долей мозга — изменения именно в плане появления агрессивности и извращённой сексуальной ориентированности. В то же время трансформации личности, сопутствующие этим повреждениям мозга, в большинстве подобных случаев не касались фактора умственного развития, интеллекта. Для многих отмеченных судебно-медицинской практикой случаев повреждения лобных долей мозга, сопровождавшихся появлением неудержимой, совершенно неконтролируемой половой распущенности и повышенной агрессивности, умственные, чисто интеллектуальные способности этих пострадавших индивидов оставались на прежнем уровне, не были никак затронуты. Другими словами, в результате механического повреждения мозга у человека возникала в чистом виде хищная модель поведения. Достаточно будет ограничиться одним таким примером, правда, весьма характерным и показательным, взятым из книги польского психиатра-криминолога Збигнева Старовича [7].

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ ИЗ КРАКОВСКОГО ВОЕВОДСТВА

Постановлением одного из воеводских судов в 1969 г., в психиатрическую клинику Кракова для судебно-психиатрического обследования был помещен некий Л., 60 лет, крестьянин, женатый, отец 10 детей, ранее не судимый. Обвинением ему вменялись похотливые действия, состоявшие в совершении половых актов со своей 14-летней дочерью, а так же другие более поздние сексуальные преступления. Обвиняемый родился в психически неотягощённой семье, был средним из шести братьев и сестер. Развитие в детстве без особенностей. Родители жили в согласии. В 25 лет женился и приобрел самостоятельность. Свыше 30 лет супружеская жизнь складывалась хорошо. Половая жизнь и сексуальное партнерство удовлетворяли обоих супругов. С женой имел большое хозяйство, периодически нанимался на работу. С 1965 года в связи с произошедшим в семье конфликтом на почве сексуальных притязаний обвиняемого к собственной дочери жена резко ограничила частоту интимной близости. До этого времени в среде ближайшего окружения поведение Л. не вызывало озабоченности и нареканий. Напротив, он характеризовался как весёлый, дружелюбный, уравновешенный, выдержанный, хозяйственный, религиозный, хороший муж и отец семейства. Никогда не замечали у него и каких-либо психических расстройств.

Летом 1965 г., находясь в доме наедине со своей несовершеннолетней дочерью, изнасиловал её и пригрозил, что убьёт, если она об этом кому-нибудь расскажет. Но девочка рассказала о случившемся матери, и та, по совету родственников, и стыдясь огласки происшедшего, решила воздержаться от заявления в правоохранительные органы. Однако, когда поведение мужа стало постепенно невыносимым для домочадцев и других жителей деревни, она такое заявление сделала. Отмечавшиеся у Л. нарушения поведения вначале носили главным образом сексуальный характер: жена неоднократно заставляла его на скотном дворе во время совокупления с коровой и телятами; жители деревни видели его купающимся в обнажённом виде с маленькими детьми обоего пола, или прогуливающимся с демонстративно обнажённым половым членом, перевязанным красным бантом; дети рассказывали о том, что он поощрял их — и мальчиков и девочек — к «согреванию руками озябшего члена», а один раз помочился «для забавы» на лицо маленького сына соседа. В этот же период времени он

заставлял жену ежедневно сильно бить его скалкой по ягодицам до появления крови, а когда жена пыталась отказаться от этого, то избивал её, бросал в неё топор и грозил убийством. В другой раз попросил двух мальчиков отхлестать его прутьями, а в награду за это разрешил им рвать яблоки в его саду. С женщинами стал вести себя цинично, вульгарно, часто приставал к ним с непристойностями. В семье заметили, что у Л. изменился характер: он стал нервозным, вспыльчивым, раздражительным, всё чаще провоцировал семейные скандалы, гонялся за домочадцами с ножом и топором, грозил, что всех убьёт. Своего поведения Л. никогда не оправдывал, лишь безапелляционно твердил, что «имею право делать всё, что хочу»...

На следствии Л. свою вину не признавал и утверждал, что домашние нарочно всё придумали, чтобы выжить его из дома и завладеть его состоянием. Была произведена судебно-медицинская экспертиза. После месячного наблюдения в условиях психиатрического стационара эксперты-психиатры диагностировали у Л. «черты сексуальной психопатии, манифестированные в климактерическом периоде», и установили, что «в момент совершения инкриминируемых ему преступных действий обвиняемый был способен понимать значение совершаемых им поступков, а способность к управлению ими была ограничена в незначительной степени». Это экспертное мнение было поддержано в суде и другими экспертами-психиатрами. Суд первой инстанции признал Л. виновным в совершении инкриминируемых действий и приговорил его к трём годам лишения свободы. Однако по кассационной жалобе адвокатов воеводский суд приговор отменил и постановил возобновить судебное разбирательство данного дела с назначением повторной судебно-медицинской экспертизы, которую рекомендовал провести другим экспертам..

При производстве повторного судебно-психиатрического стационарного обследования Л. в психиатрической клинике Краковской медицинской академии было, помимо выявленного ранее, установлено следующее. Электроэнцефалографическое исследование установило общее снижение вольтажа и деформации тэта-волн, усиление после стробоскопии количества свободных элементов в передних отделах обеих височных долей мозга. При обзорной рентгенографии черепа в передней черепной ямке в средних отделах выявлен очаг мелкозернистого обызвествления размерами 4х3х3 см. При пневмоэнцефалографии не установлено смещения желудочковой системы мозга по осям координат, но при этом отмечается выраженная деформация переднего рога правого бокового желудочка и его смещение вверх и наружу, что характерно для наличия опухоли правой лобной доли головного мозга. Обнаруженные изменения позволили экспертам обосновать диагноз обусловленного опухолью головного мозга психоорганического синдрома с сексуальными нарушениями...

Из этого приведённого страшного жизненного случая ясно видно, что у ранее совершенно здорового мужчины, несомненно диффузного вида (по Лесгафту это — типичный представитель «добродушного типа»), в зрелом возрасте (56 лет) впервые появились качественные нарушения поведения и сексуального влечения, постепенно нараставшие в следующем порядке: усиление либидо, инцест с несовершеннолетней дочерью, содомия, эксгибиционизм, гетеро— и гомосексуальная педофилия, мазохизм с чертами садизма, копролалия. Другими словами, человек явно нехищного вида быстро скатился к откровенно хищному поведению — агрессивному, сексуально извращённому, абсолютно безнравственному. Объективной же причиной этого явилась обнаруженная у него мозговая патология — очаговое известкование участка лобной коры. В результате чего и произошло злосчастное падение Л. практически с верха пирамиды — однолюба, семьянина, добродушного человека — в самый низ: к полидевиантной сексуальности, к злобной агрессивности даже к самым близким ему людям. Типичный морально неменяемый, сексуально расторможенный, неспособный унять собственную похоть, суперанимал или суггестор, другими словами, наделённое рассудком, но лишённое нравственности, хищное животное.

Но в подобном охищнении есть один очень важный аспект, межвидовая разница всё же прослеживается. Нехищные субъекты, подвергшиеся какой-либо трансформации лобных долей, утрачивая нравственность, теряют заодно и адекватность своего поведения, всяческую предусмотрительность. У них нет (не возникает!) той хитрости и изворотливости, которая присуща хищным гоминидам. Так что хищность всё же предполагает наличие какой-то собственной нейроструктуры на том «лобном» месте, на котором у нехищного человека

«растёт» совесть.

Конечно же, иным идеалистам и романтикам может наверняка показаться если не материалистическим снижением и профанацией, то просто обидным тот факт, что нравственность «венца творения» предопределяется неким мозговым выростом, обызвествление или какое-то другое повреждение которого сводит на нет всю человеческую мораль, гуманность. Но что тут поделаешь?! Вон ведь — и шишковидную железу человека ныне определяют как астрально-космическое приёмно-передающее устройство. И если, таким образом, шишковидная железа может быть связующим органом человека со звёздным небом над его головой, то правомерно будет спросить — почему же содержимое черепной ямки лобного отдела коры головного мозга не может отвечать за моральный закон внутри него?! Всё это — вопросы частного порядка на пути к тому, чтобы узнать окончательно и определённо — где же именно в теле человека расположена его Душа?! Или же это лишь высокая метафора, иное название совести. Мы ничего пока не знаем о более Высоком, так что нужно смириться с нашим уделом, будем довольствоваться имеющейся у нас возможностью анализировать то, что доступно нашим органам, нашему рассудку, нашей логике, нашим энцефалографам, рентгеноскопам и позитронным томографам.

Таким образом, есть все основания полагать, что человеческая хищность — это не что иное, как морфологическая редуцированность префронтального отдела лобных долей мозга. Во всяком случае, позитронная эмиссионная томография (ПЭТ) показывает значительные нарушения церебральной функции у агрессивных индивидов, и подтверждает теорию советского психиатра А.Р.Лурия о «дефиците префронтальных отделов лобных долей мозга у преступников» [76]. В чём именно состоит эта мозговая упрощённость, ответ на этот злободневный вопрос — за учёными-нейропсихологами. Но получение этого ответа не такое уж и простое дело, — и не столько в плане технического выявления этого морфологического отличия, сколько в ином смысле: кому и кем будет (и будет ли?!) поручено выявлять эту — несомненно существующую — трудноуловимую разницу, столь вопиюще проявляющуюся в этичности поведения. Ведь хищные псевдоучёные не преминут немедленно всячески запутать или извратить вопрос. Складывающаяся здесь ситуация до некоторой степени схожа с положением в квантовой механике, когда сам процесс измерения параметров системы непосредственно воздействует на саму систему, и уж тем более влияет на результат измерения. Ещё больше всё это может походить на «комедию с переодеваниями» (правда, страшную, «чёрную»).

Итак, мы подошли к важнейшему заключению: нехищные индивиды в результате каких-либо экзогенных факторов — будь то алкоголь, наркотики, травмы, органические поражения лобных долей мозга и т.п., могут настолько трансформироваться в своём поведении, что становятся практически неотличимыми от хищных гоминид (те уже от рождения именно такие, правда, они более предусмотрительные и хитрые) по степени агрессивности и сексуальной девиантности. Обратного же пути не существует! Невольно напрашивается аналогия: собаку-овчарку можно натаскать на охоту за людьми (как известно, брошенные собаки могут одичать и стать опаснее волков, ибо хорошо знают повадки человека), но вот наоборот, — волка переделать в собаку невозможно, даже если приручать его с самого щенячьего возраста: всё равно у него навсегда останется потенция к неуправляемой волчьей ярости, которая когда-нибудь, да прорвётся. Так что видовое обособление домашней собаки — сделать из врага друга — было очень непростым делом для древнего человека. У современного же человечества задача невероятно сложнее: требуется приручить или обезвредить внутренних врагов, каковыми являются хищные гоминиды — это «волки в n-ой степени».

Из сказанного ясно, что никакие воздействия на суперанималов и суггесторов — ни медикаментозные, ни хирургические — не сделают их нехищными, т.е. нравственными субъектами, ибо требуется не удаление, а напротив, некая весьма существенная добавка, что нереально уже чисто технически. Хотя и не исключено, что в отдалённом будущем станет возможным вживлять некие искусственные «доли мозга», «чипы морали» размером уж никак не меньше 4x3x3 см. Но опять-таки встает неразрешимая нравственная проблема, уже иного — метаэтического уровня: имеет ли человек право вот так беспардонно вмешиваться в дела Природы, создавая — пусть и нравственных — киборгов?! Пока же всё обстоит наоборот, идут

совершенно противоположные процессы: хищные гоминиды оболванивают людей, превращают их в злых манкуртов-"зомби".

Именно поэтому всякие подобного рода прогнозы и проекты, ориентированные «на добро» и задумываемые в расчёте на претворение их в жизнь «хорошими людьми», всегда приобретают инверсный характер, ибо оказываются в руках самых наигнуснейших сволочей, слетающихся поганить хорошие дела, прямо-таки как мухи на мёд — тучами! Например, именно это и произошло с тем же нашим разлюбленным социализмом. Многовековую мечту простых (= нехищных) людей всего мира о добром, справедливом, т.е. нехищном и потому естественном для них, обществе на корню загубило сборище хищных головорезов и проходимцев (понятно, и извращенцев), постоянно менявших друг друга у кормила (для них — кормушки) государственной власти, и превративших светлую гуманную идею, многовековую мечту людей о справедливом обществе в «развесистую клюкву», под губительной сенью которой были уничтожены (с помощью «гарвардских садовников») все многочисленные ростки гуманности и справедливости в Советском Союзе, вместе с ним самим.

Так что, скорее, можно ожидать крупномасштабного избиения нехищных людей Иродами всех стран, чем перепрофилирования самих хищных гоминид, оттеснения их в самый низ социальной лестницы: из министров и правителей — в ассенизаторы. А ведь как пособил бы людям перевод всей этой шатии — «расы господ», совершенно излишней и вредной для человечества — в очень полезную и необходимую людям «касту золотарей»!

МЫ — НЕ ОНИ! ОНИ — НЕ МЫ!

Люди атр; нелюди

Почему же хищных гоминид меньше в численном выражении? Ведь они уже могут распрекрасно жить, питаться и размножаться сколько им будет угодно. Где же все эти «победители»? Почему они не заполнили Земной шар полностью? Ведь всё в их руках в этом мире, они же его князья. Что им мешает? Что за такие ещё социальные механизмы не дают установиться на Земле этакой хищной «поголовности»? Жили бы себе как хотели — убивали, грабили, ни перед кем оправдываться не надо, строить из себя честных людей незачем! Все вокруг — такие же как они! Чем для них не «благодать»?!

Первый фактор это — их постоянное взаимоуничтожение. Они же все — «крутые», все как на подбор — герои, бандиты, в «худшем» случае — трусливые, но зато страшно коварные, приспособившиеся наносить смертельные удары неожиданно, исподтишка, руками наёмников. Подобное перенасыщенное хищностью состояние долго не продержится. Как только им становится тесно, следует «передел зон влияния».

Понятно также, что им жизненно необходимы нехищные люди, «стадо» в качестве субстрата, на котором они паразитируют. Иначе им бы пришлось работать, вкалывать и, не приведи господь, — честно, что равносильно для них психической пытке. Самим возделывать землю, самим стоять у станка, самим «рубать уголёк» в шахтах, — такого ужаса им не пережить, — это как волка пытаться содержать в конуре на цепи. Если они где и работают, то только там, где можно украсть, как-то несправедливо обогатиться, сделать быструю карьеру.

Их предельный эгоизм (опять же производная хищности) отвлекает их от задач продолжения рода, заботы о потомстве. Такие настроения передаются их детям, что и приводит к процессам вырождения, во всяком случае — к сокращению численности хищного поголовья. Даже тот факт, что они частенько оставляют своим детям значительное наследство, богатство (обычно несправедливо нажитое или добытое откровенно преступным путём), не приводит к буйному росту генеалогических древ хищных гоминид. Наследственный эгоизм потомков, их свары между собой, привычка к роскоши и возможность сразу же удариться в разгул, окунуться в омут гедонистических утех, — всё это губит хищную поросль на корню. Это не обездоленный диффузный человек, у которого ничего нет, «кроме» галдящего выводка замурзанных детишек, в которых он души не чаёт. И пока хищные гоминиды всех подряд, в том числе, и друг друга насилуют, режут и «мочат», диффузные люди размножились до предела, планета уже стала

тесной.

И ещё один фактор — сексуальная извращённость. Инцест, педофилия, бисексуальность (часто в латентных, скрытых формах, но не менее значимых для почти нулевого репродуктивного итога), — тоже, как следствие, приводят к вырождению, во всяком случае, весьма способствуют ограниченной рождаемости хищных гоминид. У нехищных людей нет влечения к сестрам, детям, матерям, они «не отвлекаются» на такие занятия. А у хищных гоминид оно есть и было всегда.

Учёные объясняют запрет на инцест у древних людей, якобы, пониманием теми опасности появления уродств у детей при близкородственных половых связях. Это явная чепуха. Древние не смогли бы проследить имеющуюся здесь причинно-следственную связь. Тем более, при существующем промискуитете, неразборчивости связей, не говоря уже о свойственном им пралогическом мышлении. Дело в том, что у нехищных людей попросту не было влечения к СВОИМ. Сексуальное влечение к детям (педофилия) у нехищных людей надёжно заблокировано этологическим комплексом защиты инфантильностью. Он присущ всем нормальным (не патологическим) особям любого вида высших животных — детёнышей обычно не трогают, даже свирепые хищники «не обижают детей». К детям не было влечения, ибо срабатывала именно эта «защита инфантильностью». У нехищных людей поэтому напрочь отсутствует сексуальное влечение к детям (лёгкая сексуальная окраска отношений отца и дочери, матери и сына в счёт не идёт — это просто некий произвольный «шлейф» отношений мужчины и женщины вообще). Точно так же у них нет подобных «позывов похоти» в отношении родственников, т.е. инцест им чужд как таковой. Нет влечения к сестрам. Пусть даже красавица-раскрасавица, а вот нет «страстного желания обладать ею». Нет, и всё тут! Она всегда была рядом, была своей, и незачем добиваться её — таков, видимо, этот интроспективный психологический механизм. Именно по этой причине, и ни по какой иной, в древности не было кровосмешения у людей. Наши предки ещё не смогли бы в те дремучие времена провести столь сложный, лонгитюдный (длительный) «селекционный» причинно-следственный анализ, выявить, что инцест тоже приводит к рождению уродов. Ведь уроды рождаются не только от инцеста, и не всегда от него именно, и даже при кровосмешении не обязательно появление дегенеративного потомства. Можно вспомнить браки фараонов со своими сестрами. Это — очевидно. Для подобного анализа нужно не только знать, кто с кем и когда имел связь, и выявить кто в результате именно одной родился, этого мало, ведь нужно было бы ещё и запретить в подобные связи другим.

Это всё нереально, требует целого законотворческого процесса, да и ещё основанного на научном исследовании. Не тот был тогда уровень, ибо не только понимания процессов размножения не было, но и сам сексуальный быт представлял собой такое неопределённое «тасующееся» действие, что мать и та не всегда бы могла указать подлинного отца её ребенка.

Да и поныне в той же Африке или ещё где, можно наблюдать полную свободу взаимоотношений полов, иллюстрирующую сказанное. Женщину берут замуж лишь только после того, как она докажет свою полноценность, «стельность» — родит от кого-нибудь здорового ребенка. (Замечательный французский фильм «И стал свет», одна из сцен: трое молодых парней приходят к роженице с подарками, каждый из них просит — и не без оснований! — считать отцом её ребенка и, соответственно, мужем именно его. Она, правда, отказывает всем троим.)

А у хищных гоминид все эти психологические структуры нарушены исходно, априорно. Точнее, их мозг именно таким образом оформлен морфологически. Поэтому они и испытывают сексуальное влечение не только к НЕ СВОИМ (не родным женщинам), но ко всем подряд, они «малоразборчивы». Они способны изнасиловать и собственных детей — достаточно вспомнить многочисленные газетные публикации о подобных проявлениях чудовищного «отцовского чувства», и для хищных гоминид этакая «любовь» в порядке вещей. Когда-то их предки обратили свою агрессию на сородичей, что и закрепилось генетически, стало видовым признаком, определило их «стиль жизни» на многие-многие сотни лет вперёд.

Все указанные факторы отвлекают хищных гоминид от репродуктивного поведения уже тысячи лет, сотни поколений. «И чадолюбивый крестьянин оставлял обычно больше детей, чем лавеласы, донжуаны, мессалины и клеопатры всех социальных уровней, времён и народов»

[31]. Как малочисленные народности в своё время не успели, не смогли размножиться, а сейчас — уже поздно: не дают соседи, тесно, некуда. В итоге, этот своеобразный «стиль» хищных гоминид пагубно (для человечества — благотворно!) сказывается на их численности. Т.е, всё обстоит так же, как в животном мире: совокупная численность хищных видов на порядок (в 10 раз) меньше в сравнении с нехищной фауной. Человечество в этом плане выглядит, как страшная карикатура на весь остальной животный мир. Отношения, подобные межчеловеческим: войны, предельно безжалостная эксплуатация, паразитизм — существуют лишь у существ, весьма далёких от высокого интеллекта — у рыб, пресмыкающихся, насекомых.

Таким образом, представители хищных видов, в обязательном порядке — потенциально или реально — всегда и бисексуальны, и педофильны, и инцестуозны! И само собой, «в идеале», — некрофильны! Хищность, им присущая, носит направленность на людей, на всех людей — они не различают! В том числе — и на детей, и на родственников. Вот и происходит сублимация гипертрофированной агрессивности в «любовь» к ним: воспламенение чудовищной похотливой страсти к детям (как собственным, так и чужим), к сестрам, братьям, матерям и отцам. Вспомним императоров эпохи эллинизма — с именами-прозвищами и звучными, и созвучными в нашем контексте: Филоматор (любящий мать), Филопатор (любящий отца), здесь «любовь» понимается именно в современном хищном смысле — «заниматься ею». Все те многочисленные случаи изнасилования родителями-отцами собственных детей (как и склонение к сожительству матерями собственных сыновей) — всё это «арии из той же оперы», яркие образчики проявления хищности.

Или же, наоборот, среди родственников, бывает, вспыхивает столь же яростная ненависть — спутница той же — и такой же страстной! — «любви». Сюда настоятельно просятся случаи подобной «контрастной, инверсной любви» — садистское обращение с собственными детьми и другими родственниками, вплоть до убийства. Тщательно скрывается, замалчивается пропагандой необычайно широко распространившаяся практика избияния детей в семьях (особенно это касается внешне столь благополучных стран «золотого миллиарда»). С детьми эксцессы садизма более распространены, те более беззащитны, нежели взрослые. Понятно, что вслед за детьми, согласно «шкале беззащитности», в очередь жертв насилия попадают женщины. Часть таких садистских и сексуальных эксцессов имеет место и среди нехищных людей, что является либо проявлением психопатологии, либо обусловлено уродливыми, травмирующими психику социальными факторами, — беспросветной нищетой, алкоголизмом, наркоманией и т.п.

Страшный пример нарушения «защиты инфантильностью» являют миру цыгане. Это — ярко выраженный суггесторный этнос. Жулики, перекупщики, артисты, воры — заставить их честно работать невозможно. Лишь доли процента таборных цыган переходят к оседлой жизни, честному труду. Как, например, «классические» кузнецы-цыгане в недавнем прошлом; это, по-видимому, диффузный, нехищный и достаточно немногочисленный компонент цыганского этноса. Правда, среди «ромале», вероятно, есть и суперанималы. Это — т.н. «цыганские бароны» и «начальники» таборов. По крайней мере, если не все, то часть из них, отличающихся необыкновенной жестокостью. По наблюдениям чешских педиатров [36]. цыганки-матери ни за что не хотят отдавать своих заболевших детей в государственные больницы. Голосят, скандалят, грозят покончить с собой, а если и отдают, то делают это с крайней неохотой, их стенания продолжаются чуть ли не по часу — для них это страшное горе, до того сильна у них эмоциональная связь с детьми. Но если всё же отдадут, то через пару недель, когда приходит время забирать вылеченных ребятишек из больницы, цыганки-матери совершенно охладевают к своим — ещё так недавно горячо любимым — чадам. И даже не узнают их. Часто приходится отдавать этих детей в приюты, «горячо любящие» матери отказываются от них совсем.

Вероятно, по точно такой же «психологической схеме» хищные мужчины легко и навсегда расстаются со своими, буквально накануне «горячо любимыми», пассиями. Да ещё и прихватывают что-нибудь из дорогих безделушек и мелких вещиц «на добрую память». Имеется даже такой критерий: мужчина проявляет себя не в том, как он покоряет женщин, а в том, как он расстаётся с ними.

В общем случае, можно утверждать, что среди достаточно развитых нехищных людей — в

нормальных условиях, в здравом уме и в трезвом виде — неприемлемы и никак невозможны ни гомосексуализм (здесь, понятно, не учитываются упомянутые ранее «безобидные, простительные» формы гомосексуализма, напрямую связанные с патогенными гормональными факторами, равно как и с нарушениями психофизиологии), ни инцест, ни педофилия. Всё это множество проявлений перверсий связано с превышением нормального уровня человеческой агрессивности и с нарушением её характера и выраженности, при этом она и приобретает свой патологический (с точки зрения нормальных людей) характер. Агрессивность следует считать «нормальной и оправданной», если она имеет в своих общих чертах оборонительный характер, или же она направлена и проявляется в отношении к другим существам, как-либо отличающимся от людей, и к тому же, несущим явный вред. Поэтому такая же самооборонительная практика насилия совершенно оправдана и в отношении к нелюдям. Они — это не мы! Мы — не они!

Точно такое же «самоопределение» существует и в сексуальной сфере. Женщины для мужчины — не свои, они — не мы! Они разительно отличны от мужчин и необычайно притягательны. Но уже сестра — своя по семье. Как агрессивность оправдана лишь оборонительная, так и сексуальность имеет право «на жизнь» лишь в случаях естественной её направленности. У хищных же гоминид эти оба эти «чувства» направлены на всех, в том числе и на индивидов, никоим образом не желающих того: жертвы насилия, принуждения, издевательства, соращения и т.д.

По отношению к детям срабатывает отмеченный механизм «защиты инфантильностью», общий для всех высших животных. За печальным исключением, как это должно уже стать понятным, хищных гоминид, которые и начали-то некогда свою адельфофагическую практику именно с поедания приплода, детей суггерендного (диффузного) вида. Хотя есть и в животном мире такие же мерзкие, другого слова не подберёшь. «единомышленники» хищных гоминид. Например, львы — «цари зверей» (тоже «элита»!) — в голодное время способны пожирать львят собственного прайда. Но главным образом, столь жестокое поведение свойственно самым низшим представителям животного царства: рыбам, птицам, рептилиям, насекомым и вот ещё — в дополнение к пираньям и крокодилам — иным «человекам разумным».

На этом принципе дихотомического разделения «своих» и «чужих» зиждилось оправдание (исторически ошибочное, но психофизиологически — совершенно естественное) древними людьми тогдашних межплеменных войн: каждая популяция считала людьми исключительно только лишь себя, а окружающих — нелюдями; точно так же в свою очередь рассуждали и остальные. Знания и понимания того, кто и как начал всё это смертоубийство, у людей не было, они все были в угаре кровавого тумана «импринтинга человекоубийства», жуткого последствия «адельфофагии». Всё катилось по инерции аж до «осевого времени» (800-200 гг. до новой эры), когда разум одержал свою первую победу в истории, когда духовно передовая часть людей осознала себя в качестве разумных личностей, выделились «стадные» лидеры (Будда, Конфуций, Моисей) и в мире обрела своё существование доктрина гуманности [48]. Хотя, судя по дальнейшей истории и современности, нехищность лидеров остаётся под большим вопросом, во всяком случае это большая редкость, обычно осёдлывают народный гнев, недовольство простых людей именно хищные гоминиды. Они чувствуют тенденции («чуют носом, куда дует ветер») и быстро, хищно этим пользуются, из их-то среды и выходят «народные вожди и пастыри» (демагоги и шарлатаны, соответственно), сводящие обычно к нулю все позитивные результаты народных движений.

Так что несмотря на осознание людьми всей пагубности этой смертельной взаимной розни, движение страшного кровавого колеса «человекоубийства» не прекратилось и по сей час, а лишь стало сопровождаться «подпрыгиванием» — военными конфликтами глобального накала. Англосаксы уничтожали индейцев, тасманийцев и другие народы именно под этим «флагом»: якобы, присущей этим экзотическим — на взгляд европейцев — существам недочеловечности. Появление, самое-самое начало этого смертоубийства ещё можно как-то понять, хотя и не оправдать: ну, где-то в чём-то ошиблись люди, с кем не бывает! Но даже потом, когда уже стала всем ясна бесчеловечность геноцида, наука «выяснила». а «просвещённая, цивилизованная» — западноевропейская и североамериканская — часть человечества с неохотой, но признала, что и индейцы, и негры — тоже люди, тем не менее

жуткая практика истребления народов продолжилась. Это нельзя объяснить ничем, как только охищенностью этих самых «цивилизаторских» народов.

И здесь — разница очевидна. Наиболее охищенные — англосаксонские нации — продолжали, как ни в чём ни бывало, своё чёрное, нелюдское дело истребления «мешавших» их бизнес-гешефту «отсталых, примитивных» народов. В то время как испанцы, и особенно португальцы начали более-менее мирно ассимилироваться с колонизируемыми нациями. Так, например, возникла этнически пёстрая, но лишённая расово-националистических конфликтов, Бразилия. Примечательно, что в Латинской Америке возник культ «настоящего мужчины», т.н. «мачадизм», частично впитавший в себя избыточную хищность. Он характеризуется, в частности, пренебрежительным отношением к женщине.

Проявили свою хищную красу и религиозные конфессии. Американские протестанты — «покорители дикого Запада» — уничтожали индейцев без малейшего колебания и самыми бесчеловечными способами: травили, охотились на них как на зверей, продавали им заражённые оспой одеяла. Именно они внедрились, во всяком случае, сделали обыденной жуткую практику снятия скальпов — для облегчения расчётов с «охотниками-промысловиками» («учёт трупов — азбука капитализма»). Первопроходцы же католики (в частности, в Канаде) к индейцам относились достаточно терпимо, сносно, во всяком случае не убивали их, как койотов, по обычаю злобных и корыстных протестантов. Неким «заповедником» этой протестантской охищенности является ныне Северная Ирландия (Ольстер) — с постоянными спектаклями бессмысленной агрессивности «оранжистов».

Бремя страстей нечеловеческих

Past coitus omne animal triste — «все животные после совокупления грустны». После оргазма наступает знаменитая на весь (животный) мир апатия. Это один из краеугольных «сексуальных» принципов. На этот период у мужчины угасает, притихает сексуальное влечение к женщине. Это явление может быть одним из важнейших видовых идентификаторов. У разных мужчин послеоргазменный период проявляется по-разному, имеет свои особенности. У нехищных видов отсутствие влечения говорит о том, что женщина-партнёрша на это — относительно короткое — время становится для него как бы родной. То есть — как бы сестрой, матерью, дочерью. Именно поэтому возможен уход от любимой матери к новой женщине (жене, любовнице), эта лёгкая, безнадрывная «первая смена женщины» есть, в принципе, предательство, и именно так и интерпретируется иными матерями. В материнской любви к сыну есть некий сексуальный аспект, в сыновней — лишь незначительно, или он даже вовсе отсутствует, но зато всегда есть чувство родственности, психологической близости, защищенности, симпатии, ощущение чего-то неуничтожимо «своего».

У хищных же человеческих видов всё обстоит не так. Иные хищные мужчины, в частности, способны на несколько оргазмов подряд, что называется. «не вынимая» или с непродолжительными паузами, половой инстинкт у них тоже более «злобен». По статистике сексопатологов, гомосексуалисты и значительная часть бисексуалов совершают коитусы в среднем в 5-6 раз чаще (полпорядка!), чем обычные люди.

Точно так же, и сексуальное поведение хищных женщин более яркое: они кричат, царапаются, бьются в конвульсиях в припадках своей бешеной страсти, чисто животной похоти. Эти особы очень требовательны к своим любовникам, чуть что — сменяют не задумываясь. Они, кстати, ненавидят в мужчинах отмеченную — вполне естественную — послекоитусную апатию, требуют продолжения ласк. Есть, понятно, и «артистки своего дела», в особенности среди продажных особ, но многие хищные женщины действительно часто совершенно не владеют собой в такие моменты. Во всём этом присутствует полная аналогия с гипертрофированной «любовью» у хищных животных! Так, например, «влюблённые» львиные парочки проводят по три-четыре дня в «наслаждении друг другом», сопровождая свою «любовь» страшными драками, к концу «брачного общения» и лев и львица бывают основательно поцарапаны и покусаны.

У хищных женщин чувство «любви», «влюблённости» возникает очень часто, если даже не периодически, что-то на манер овуляционного цикла или запоя у дипсоманов (т.н.

эпсилон-алкоголиков, у которых время от времени возникает неодолимая тяга к спиртному). Кроме того, они предпочитают разнообразные способы сексуального удовлетворения — как «примитивные», традиционные, так и зачастую весьма экзотические, и при этом проявляют ещё и неумеренность, сравнимую лишь разве что с бешенством матки. Вот, например, что пишет в своих воспоминаниях о Марлен Дитрих её дочь Мария Рива. «Я не перестаю удивляться, как удавалось моей маме все эти годы не беременеть. Правда, это обеспечивал ей ритуал спринцевания ледяной водой с уксусом. Из всех сокровищ моей мамы пуше всех оберегались корсаж и резиновая груша для спринцевания. У неё помимо основной всегда были четыре запасных, на случай, если прохудится та, которой она пользуется. Белый уксус от Гейнца покупался ящиками» [II]. В народе существует, наиболее удачный термин, характеризующий таких женщин — «злобучие».

У нехищных людей нечто подобное возможно разве лишь после весьма длительного периода вынужденного воздержания («сексуального голода»). да и то всё обстоит у них не столь бурно, во всяком случае — не так злобно и остервенело. Впрочем, и здесь «возможны варианты», и нередки бурные страсти, но они больше касаются нехищных мужчин, а не женщин, — в большинстве своём «отвлекающихся» на повседневность, как в известном анекдоте, напряжённо вглядывающихся в потолок: «белить или не белить?» И это не фригидность, это — свойственное именно нехищным людям высвобождение от гнёта сексуального инстинкта, из-под которого не могут ни в малейшей степени вырваться хищные гоминиды — они заложники собственной сексуальности, «фрейдовы рабы» либидо.

Именно это обстоятельство, но в более широком контексте, отмечено И.Кантом. «То, что возвышает человека над самим собой (как известной частью чувственного мира), что приковывает его к тому порядку вещей, который в состоянии постигнуть один только разум, для которого весь чувственный мир — предмет подчинённый. Это — не что иное, как личность» [47]. Иными словами, получается, что у хищных гоминид, не обладающих разумом, соответственно нет и личности. У них есть индивидуальность, как и у животных, но вот личности (по Канту) у них нет, и они навсегда и полностью подчинены чувственному (животному) миру. Их давит всё — власть, тщеславие, корыстолюбие... Здесь всё во многом зависит и от физиологии, от темперамента, от жизненного настроения, а не только от видовых признаков. Всё же тенденция более мощного проявления либидо у хищных гоминид присутствует, хотя «раздавлены» они могут быть совершенно различным образом, в зависимости от доминирующей страсти. Шейлок, сидя на своём сундуке с золотом, мог и не мечтать о женщинах, быть импотентом и нисколько не печалится по этому поводу.

Феномен же «любви», особенно первой, бывает достаточно ярок и у нехищных людей, хотя степень и «накал» чувств разнятся от индивида к индивиду. Наверняка диффузная негритянка более эмоциональна, нежели русская нехищная женщина, так же как и негр или араб более темпераментен, чем немец или швед. Конечно же, и нехищные женщины стремятся к сексуальным утехам, поэтому они легко поддаются напористому ухаживанию со стороны хищных гоминид, полагают, что бурная страстность тех — «всерьёз и надолго», за что и расплачиваются — бывают быстро брошены, да ещё и унижены.

После оргазма (или их серии) у хищных мужчин наступает пресыщение, сопряжённое с неприязнью, а часто и ненавистью к партнёрге — объекту своей недавней «дивной страсти», «высокой любви». Периоды маниакального накала влюблённости сменяются полным презрением. Т.е., у хищных гоминид отмеченная фаза «родственной апатии» полностью отсутствует. Упомянутые смежные, множественные оргазмы в этом плане не характерны, но показательны. Хотя, в самом общем случае, сексопатологи признают нормой необычайно широкий диапазон проявлений мужской «силы»: от необходимости для индивида нескольких оргазмов ежедневно до одного-единственного оргазма за тридцать лет [6]. Аскеты, члены средневековых монашеских орденов, например, в целях «умерщвления плоти» мастурбировали до 30-40 раз в сутки.

У нехищных мужчин тоже может возникнуть неприязнь к партнёрге, но лишь в случаях «легкомысленного» контакта (чаще всего спровоцированного алкоголем или же «сексуальным голодом»), оказавшегося тягостным по множеству причин чисто физиологического свойства, когда партнёрга оказалась на «утреннюю поверку» уж очень неподходящей, что-то из ряда

вон: «страхолодность», подозрение на нездоровье. Но и то: больше в таких случаях нехищный человек ругает лишь себя за собственную непростительную сексуальную «оплошность», несдержанность.

Кстати, именно этот аспект взаимоотношений полов — «послекоитусное успокоение» — используется «в разведывательных целях» — в шпионских кругах. Нехищные мужчины в такие моменты по-родственному откровенны: разговорчивы, болтливы. И очень часто они выдают «случайным» (а в действительности к ним подложенным) партнёрам те или иные важные сведения из своей профессиональной деятельности. Хищный же индивид, даже и придя в некое благожелательное настроение (всё у него хорошо, ещё и будучи в предвкушении других «радостей жизни»), при общении с партнёршей всё равно будет или врать или бахвалиться. На откровенный, доверительный разговор он не пойдёт. Поэтому выуживать у них «разведывательную информацию» гораздо труднее.

Вот почему столь разрушителен, именно нравственно, групповой секс. Он исключает воздействие на человека той самой «родственной фазы», очень важной во взаимоотношениях полов, препятствует проявлению чувств всечеловеческой родственности. Дело здесь в том, что по отношению к другой женщине (к следующей, очередной, соседней или как ещё там у них, у «свальников», заведено) сексуальное влечение сохраняется: она-то ведь пока «чужая». Происходит купирование этой «родственной фазы». Даже очень похожие друг на друга женщины (хоть двойняшки!) для мужчины всё равно разные, хотя максимальный эффект достигается при «межрасовом» переходе (вот великолепнейший аргумент против расизма!), например, от эфиопки к китайке для европейца; соответственно, для монголоида — от шведке к негритянке, скажем, да и ещё — от полной, высокой к маленькой, худенькой или как-то наоборот, ну и т.п. «марьяжно-пасьянсные» варианты.

Сказанное относится лишь к «обычному»? групповому сексу, т.е. гетеросексуальному, в который бывают часто втянуты и нехищные люди. Бели же «групповичок» имеет бисексуальный характер, то это, скорее всего, из букета утех хищных гоминид, и там никакого «родства» быть не может — ни до, ни после, ни с какого другого боку.

Так что агрессивно-сексуальные «диспозиции» у нехищных людей достаточно избирательно выверены и определены. У хищных же агрессивность, а следовательно, и сексуальность (!) направлены «менее кучно», с большим разбросом, в том числе — и на своих. Это именно о них говорит пословица «бей своих — чужие будут бояться!». Своих, в том числе иногда и себя самого: так, уголовники для устрашения противника и для самовозбуждения наносят себе безвредные, но кровавые порезы кожи, в основном предплечий. Для хищных гоминид поэтому совершенно «естественно» сексуальное влечение как к «чужим», так и к «своим», что и даёт в сумме основную мерзкую сексуальную «базисную» троицу: гомосексуализм, инцест, педофилия, да и ещё с садистской «надстройкой».

А кто — без греха?

Чтобы быть объективными, следует «поплотнее» приложить мерную оценку взаимозависимости секса и агрессивности и к нехищным людям. Тогда для них, в принципе, тоже «естественными» окажутся некоторые перверсии, самые «безопасные» — вуайеризм (подглядывание), фетишизм, увлечение порнографией и некоторые другие, не менее трусоватые «хобби» в сексуальной области, такие как фроттаж, петтинг, онанизм и т.п. «тайные пороки». Хотя человек и овладевает своим телом, как предметом, но и тело — «сотрудник», «компаньон» в этом «деле», тоже не может не влиять на сознание человека, «телоносителя». Тело ли носит сознание или же сознание руководит телом, — здесь зачастую нельзя выделить «верховного главнокомандующего». Поэтому «грехи» нехищных людей в сексуальном «исследовании» собственного тела тоже имеют место. Но они сравнимы с сексуальным неистовством и/или аномальностью хищных гоминид в такой же точно степени, в какой игра детей со спичками (частенько неосторожная и с опасными последствиями) сопоставима с маниакальной страстью пиромана — злого поджигателя, получающего от созерцания пожара сексуальное удовлетворение.

Самым же «махровым» сексуальным «подвигом» для нехищных людей явится, по

отмеченной логике («свои — чужие»), не что иное, как зоофилия — в просторечии, скотоложство. Здесь присутствует проекция агрессивности на плоскость сексуальности, но агрессивности простительной, направленной на другие виды, т.е. естественной, оправданной всем механизмом эволюции. Подобные взаимоотношения существуют и среди животных. Лишь зоофилия из всего букета чудовищных перверсий остаётся как-то простительной (хотя и с очень большими оговорками!) и до какой-то степени «дозволена» нехищным людям: ведь козы, овцы, индюшки — это всё же не свои. В древнеримских войсках в составе легионов шли вместе и делили тяготы походной жизни «доблестных» воинов ещё и стада коз — для удовлетворения сексуальных нужд легионеров, решая заодно и продовольственную проблему. Воевавшие в Алжире (1954-1962 гг.) французские легионеры приспособливали для подобных целей дикие кактусы, выделявая в мякоти растения некое подобие влагалища, именуя своих ботанических партнёров «радость легионера», что можно квалифицировать, уже как «флорофилия» или «растениеложство».

Как отмечает известный американский сексопатолог А.Кинси (1894-1956 гг.), половые действия с животными у жителей США распространены в штатах с развитым скотоводством. В бывшем СССР такими «зоофилическими» регионами всегда по праву считались республики Кавказа и Средней Азии. К тому же эти регионы дополнительно поставляют садистов и гомосексуалистов. Существует обширное фольклорное сексуальное, главным образом, именно кавказско-среднеазиатское наследие в виде анекдотов, легенд, действительных случаев; сложены даже шуточные песни, например, «романс о любви к ишаку».

В животном мире это явление межвидовой «любви» также не редкость, что может говорить о его естественности и для человека, хотя, конечно же, нельзя отрицать эстетическую сниженность подобного занятия — но не этическую, эта область здесь не затронута, как бы обойдена, если, конечно, в этом нет элементов зоосадизма. У животных наблюдается огромный спектр проявлений именно межвидовых связей. Как отмечают этологи, сексуальные контакты наблюдаются даже среди далеко отстоящих видов, таких как страус и самка антилопы, кобель и курица и т.п. Один же из наиболее впечатляющих межвидовых контактов наблюдал Гэмилтон, когда в клетку с макаками подбросили 4-х футовую змею. Яванский макак Джоко, приблизившись к ошеломлённой змее, предпринял энергичные копуляционные действия [6].

Конечно же, человек должен «соображать», что к чему в этом вопросе, но... сексуальность, «зов пола» оказывается сильнее. Поэтому простительно (ну или, скажем, на это простительно закрыть глаза, не замечать) нехищному человеку такое его сексуальное поведение, какое практикуют пастухи, чабаны, сожительствующие с «представительницами» вверенных им стад, отар, табунов... Это ведь не политики, не мафиози, у которых существуют секретари и секретарши для офисно-кабинетных сиюминутных любовных утех во время сиесты перед саммитом, брифингом или разборкой. А это — работяги, диффузники, света белого за поиском куска хлеба не видят. Ну, нет женщин рядом, нет! А эти, «сестры меньшие» — есть...

Конечно, нехищные люди наверняка не уподобляются при этом паллиативном стыдобном своём занятии «сладострастному» ветеринару из Подмосковья Головкину, подолгу и столь любовно задерживавшему руки во влагалищах обследуемых им коз, коров и кобыл, что окружающим становилось неловко за него. Впоследствии выяснилось, что этот чувственный ветеринар был давно разыскиваемым садистом-некрофилом «Фишером», убивавшим и насиловавшим людей без разбору пола и возраста — детей, стариков, старух... О нём был документальный телефильм «Удав». Он вешал детей на крючья над корытом для стока крови, пытал их, насиловал, сдирал с них кожу... Его осудили, даже приговорили к смертной казни. Когда его уводили из зала суда, он угрожающе проворчал: «Я ещё вернусь!» Стоит, наверное, задуматься над тем, почему он сказал именно так?

У людей существует даже целая «школа» зоофилии, основанная на «устном предании». Так, задние ноги козы, как советуют бывалые солдаты (не римские легионеры, а «воины» из нашего родного стройбата), следует вставлять в сапоги, а хвост заправлять под ремень. Кошек, как рассказывают очевидцы, обычно запихивают в валенок, чтобы не царапались. Наиболее же «понятливо и отзывчиво» в этом плане ведут себя собаки (весьма иллюстративны сцены из фильма японского режиссёра Куросавы «Легенда о Нараяме»). Некоторые одинокие пожилые женщины используют кобелей именно в этих целях, как некую замену и облегчение

мастурбации, которая, в принципе, физиологически благотворна.

Но следует отличать этих неудовлетворённых женщин от хищных особ — содомиток, совокупляющихся с животными, в том числе и с собаками, исключительно из-за собственной физиологической «разочарованности» в мужчинах. У собак в этом плане преимущества: шершавая разбухающая головка члена с зашкаливающей за 40°C температурой. В средние века специально для аристократок Западной Европы была выведена также и «лижущая» порода — левретки.

Мастурбация, как средство сексуальной саморегуляции, чаще распространена среди мальчиков и юношей, а также среди пожилых женщин. Это наблюдение американских сексологов относится лишь к «белым людям»: понятно, что в иных культурах подобных явлений может и не быть.

Например, у австралийских аборигенов подобное невозможно в принципе. Там мальчики и юноши набираются опыта у древних старух, а мужчины по мере старения сожительствуют со всё более и более молодыми девушками. Столь великолепный — трогательный и справедливый — обычай наверняка есть достижение, «социально-сексуальное завоевание» именно нехищных людей. Тем более, если учесть, что «красота» (контрастная разновидность уродства) — тоже жупел в основном хищности, и на чисто физиологическом и механическом уровнях старая женщина ничем для мужчины не отличается от молодой, у многих старух бывают великолепные юные тела, или, как совершенно верно говорят в народе: «пизде — всегда восемнадцать!» И народ всегда прав.

Природа — «слепой часовщик»

Так как человеческие видовые различия относятся к морфологии коры головного мозга, к тем её участкам, которые ответственны за высшие формы поведения и самые тонкие психологических нюансы, то ясно, что у межвидовых гибридных потомков должны существовать некие расстройства именно в «умственной», рассудочной сфере, типа шизофрении, паранойи, психопатии и т.п. В свою очередь, психиатрами отмечено, что гомосексуализм и иные сексуальные перверсии в сильной степени коррелирует с шизофренией; существуют и другие, не менее чёткие корреляции и совмещения сексуальной извращённости с нейропатологией. Поэтому межвидовая гибридизация сопровождается не только нейропсихическими расстройствами, но и дополнительно может усугубляться ещё и сексуальными перверсиями.

Гомосексуализм, например, для своего легального существования, какого-то приспособления к естественной социальности требует от собственного «носителя» определённой невменяемости или её имитации, обычно — дурашливости или отпугивающего налета чудовищности в поведении, как неких психологических барьеров, панцирей. Пассивные педерасты, например, избегают смотреть людям в глаза. Как бы там ни было, любая сексуальная извращённость коррелирует если не с явной шизофренией, то — с социальной неадекватностью. Хотя есть исключения: некоторые общеизвестные извращенцы держатся на людях, в выступлениях с телеэкрана очень «естественно». Но для подобной естественности требуется дополнительно ещё и безнравственная атмосфера вседозволенности.

Поэтому будет логично предполагать наличие у гибридного межвидового потомства именно такого «букета» сексуально-рассудочной патологии. В этом ракурсе гомосексуализм, точнее те его формы, которые присущи именно межвидовым потомкам хищных и нехищных видов, представляется довольно-таки «остроумным» приёмом Природы, используемым ею для выбраковки межвидовых гибридов. Если бисексуализм и, шире, сексуальная полидевиантность свойственны чистокровным хищным гоминидам, то стопроцентный гомосексуализм, полнейшая сексуальная инверсия — это уже несомненная социально-эротическая ловушка для межвидовых гибридов, предназначенная для недопущения и прекращения их размножения. Но в общем случае сексуальность гибридных особей наименее предсказуема, она может принимать самые причудливые формы, в прямой зависимости от конкретных наследственных нарушений префронтальных нейроструктур.

В этом можно увидеть некую «щадящую», охранительную позицию Природы по

отношению к существованию видовых различий в человечестве. Она создала человеческие виды и ошибочно (?) подумала, «что это хорошо» (Быт. 1,10), и в дальнейшем, насколько могла, оберегала их чистоту. То, что хищные гоминиды полидевиантны, лишь несколько суживает их размножение, сокращает плодовитость, но к гибридам — Природа беспощадна и жестока в плане видовой чистоты, пытаясь пресекать видовое смешивание «на корню». Но получается у Неё это не так уж, чтобы очень «хорошо». Р.Докинз правомерно сравнил эволюционные механизмы Природы с действиями слепого часовщика, не способного увидеть воочию собственные хитроумные изделия [8]. Экзотическая сексуальная ориентированность действительно оттесняет межвидовых гибридов от нормального репродуктивного поведения практически полностью, что и приводит их относительно немногочисленные генеалогические линии к угасанию, к выбраковке гибридных потомков. Но происходят эти «социально обставленные» процессы дегенерации достаточно медленно, в течение нескольких (от 3-х до 6-ти) поколений и к тому же — в неявных, размытых формах: неадекватное поведение, психопатия, извращённость. Это — вся та, весьма заметная публика «с пунктиками», «со странностями», с признаками шизоидности, «малахольности» и т.п.

Так что значительная часть этого гибридного потомства в первых поколениях не достигает яркой симптоматики (степени клинической выраженности), достаточной бы для их изоляции в лечебных заведениях. Явные же процессы вырождения приходятся чаще всего на второе, третье и последующие поколения. Первое же поколение гибридов нередко являет собой феномен т.н. гетерозиса, т.е., наоборот, демонстрирует повышенную жизненную энергию и сверхактивность. И судя по всему, именно такие вот «недосумасшедшие» (к величайшему сожалению, не изолированные) несут в мир, как и несли в прежние времена, наибольшее количество социального зла и общественного хаоса.

Но вместе с тем, они же придают и наибольшую динамику общественным движениям, проявляя социальную сверхэнергичность. Это — именно то, что Л.Н.Гумилёв определил как «пассионарность» [9]. Дисбаланс сознания пассионариев просто-напросто не даёт им возможности остановиться и подумать, что же это они такое вытворяют. Они неспособны «присесть и поразмышлять» над своим жутким поведением, их в таких случаях поджидает страшная депрессия, им необходимо постоянно отвлекаться каким-либо «общественным делом», обязательно «быть на людях». Это о них пишет в «Окаянных днях» И.Бунин: «Какие же они все неутомимые, дьявольски двужилые — все эти Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!»

Чистокровные же представители хищных видов всё же более психически стабильны и спокойны. Они, в частности, могут годами вынашивать месть, или «для дела» способны затаиваться на длительное время, тщательно готовиться (иллюстративна здесь вендетта, кровная месть). И в итоге, любое такое дело они всегда стараются довести до своего страшного конца. Гибриды же совмещают в себе несовместимое. И этот трагический саморазлад приводит к самым неожиданным и непредсказуемым последствиям.

Всё же, справедливости ради, нужно отметить, что именно от таких вот «недопроявленных сумасшедших» гибридов исходит и значительная часть достижений во многих областях духовной жизни человечества. Именно этот аспект выхватил и осветил знаменитый психиатр Ч.Ломброзо в своём труде «Гениальность и помешательство». Но они же — эти «помешанные гении» — привносят повсюду и губительные тенденции, наиболее «лёгкая форма» которых — это «маразматизация» художественного творчества и литературы. Ч.Ломброзо [13] также вплотную подбирался и к идентификации «преступного типа». Но всё дело в том, что внешние физиологические характеристики оказываются здесь неоднозначными, что и не позволяет дать подобное конкретное описание. Сущностные характеристики видовых различий лежат глубже, и проявление их на поверхности, во внешнем облике, имеет лишь опосредованный, вторичный характер.

Абсолютное количество межвидовых гибридов весьма значительно, их в человечестве — многие десятки миллионов, что гораздо больше, чем количество больных самыми «модными» болезнями, вместе взятых. Как-то поточнее подсчитать их число — затруднительно, но можно «прикинуть по максимуму», если предположить, что все хищные, благодаря своей неразборчивости (а нехищные люди «идут им навстречу» по неосторожности, из-за

внушаемости или из некоего «любопытства») имеют и дополнительное, побочное гибридное потомство, что может составить 10% всего человечества, т.е. около 600 млн. Но это наверняка преувеличенная цифра, ибо традиционные общества, главным образом, восточные — Китай, Индия, Япония и другие — в гораздо меньшей степени подвержены процессам межвидовой гибридизации из-за сильной регламентации в вопросе выбора супругов: кастовость, родительская воля. Уместно будет упомянуть японский «молодёжный» обычай: самоубийство влюблённых пар, которым не позволяют вступить в брак консервативные обычаи страны.

Понятно и то, что большинство межвидовых гибридных потомков имеют хищных отцов, ибо хищные женщины гораздо реже связываются с нехищными мужчинами, как с явно «неперспективными» партнёрами. Разве что — прихоть, садистские наклонности или «сексуальный голод». Вся эта «гибридная публика» подвержена всякого рода умственным расстройствам: от разных форм шизофрении до странностей в поведении и чудаковатых комплексов.

Следует добавить, что вышеназванные ориентировочные цифры совпадают по своему порядку с результатами «численных выкладок», производимых Г.Климовым [72] в отношении т.н. «дегенератов» в составе человечества. Другими словами, если всех аномальных и «оригинальных» — не «стадных» — индивидов объединить, а именно: 10% хищных гоминид, столько же межвидовых гибридов и сюда же добавить не меньшее число отколовшихся от «стада» нравственно сниженных, поддавшихся нелюдскому воздействию нехищных субъектов, то эта сумма и может составить в аккурат то самое, «дьявольское число» 37%, взятое Климовым из материалов сексологических исследований, проведённых Альфредом Кинси. Тогда всё совпадает. Да и вся статистика фактов проявлений чудовищности и приближённости к ней именно такова [6, 7, 13, 72]. И конечно, составление некоего «видового кадастра» человечества было бы невероятно полезным делом.

Правда, в последнее время Природа, наверное, всё же как-то усмотрела. «что велико разращение человеков» (Быт. 6,5) и решила, видимо, истребить-таки их всех окончательно — имеется в виду нынешний небывалый экологический кризис. Природа, как бы ни восторгаться её «мудростью и дальновидностью», производит множество тупиковых видов и даже целых фил, обречённых на вымирание. Так и род предков человека — *Homo Troglodytes*, — как узкоспециализированный, тоже должен был вымереть, и если бы не этот уникальнейший патологический (!) «выверт» с приобретением человечеством рассудка, то Жизнь на Земле не знала бы горя ещё миллионы и миллионы лет.

Этот безумный, безумный, безумный мир секса

Е.Дюпуи [32] пишет: «В древности педерастия считалась явлением естественным, даже почётным. Греки видели в педерастии не более, как необычную страсть, особую форму распущенности, *akolasia*. Для некоторых педерастов находили доводы, которые как будто даже оправдывали их странные вкусы, и в подобном способе наслаждения видели не более как средство утолить страсть, нечто вроде *figura Veneris*, которая приближалась к онанизму. Но по отношению к пассивному педерасту подобного оправдания не было, потому что тогда ещё не знали, что *prurigo ani impudis* (анальный зуд, разновидность чесотки) является физической причиной пассивной педерастии. По-видимому, на пассивных педерастов смотрели как на людей, поддавшихся болезненному влиянию извне. Патологи нового времени считают этот порок (педерастию) видом сознательного эротического помешательства и видят в нём только извращение полового инстинкта. Они даже различают два вида педерастии: врождённую и приобретённую. Природная педерастия есть следствие первичного помутнения рассудка. Вторая происходит отчасти от порочных привычек, например, разврат или пьянство, частью же от некоторых болезней».

Следует добавить, что формы проявления гомосексуализма и бисексуализма очень широкие. Характерна, в частности, и такая разновидность бисексуализма, как приписываемая Юлию Цезарю: первый римский император проявлял себя «мужчиной со всеми женщинами, и женщиной — со всеми мужчинами» [37]. Правда, эти «мужчины», для которых Гай оказывался уже «Юлией», тоже, как видно, были «еще теми» мужчинами. Таким образом, бисексуальные

мужчины тоже подразделяются на полностью активных (они обычно бравируют собственной «широтой интересов»: «я могу оприходовать любую и любого») и достаточно «умеренных», типа того же Гая Юлии. Существует и поочерёдное активно-пассивное гомосексуальное партнерство.

Из всего полидевиантного множества сексуального непотребства необходимо как-то вычленить, исключить нехищный компонент. Это те нехищные люди, которые волею судьбы оказались вовлечёнными в эту пагубу: в пенитенциарных ли заведениях, или из-за неблагополучного детства, а также, возможно, под влиянием алкогольно-наркотической деградации, которую правомерно будет сравнивать с органическим поражением мозга, но нанесённым себе, в некотором смысле, добровольно — по слабости характера, наивности или недостаточной критичности ума. Иногда может сказаться и чисто физиологический фактор. Так, например, органически возникшая импотенция может бросить нормального человека в объятия пассивной педерастии. Анальная зона весьма эрогенна, и воздействие на сфинктер и предстательную железу (простату) тоже способно вызывать оргазм (массаж простаты, кстати, является основным и простейшим средством лечения импотенции). Конечно же, всё это ни в коей мере не может служить оправданием для «пошедших таким сексуальным путём» индивидов, но правильнее будет считать их несчастными — либо не ведающими, что творят, либо нашедшими для себя хоть какой-то, пусть и не самый лучший, но всё же выход из собственной беды.

В общем случае заражения людей хищностью (помимо сексуального растления) нужно отметить, что весь этот огромный контингент нехищных (как правило, диффузных) людей, втянутых в жестокие игры преступного мира, а также равно — рвущихся к командным высотам, не осознают всей «рыло-суконности» собственных амбиций. Другими словами, хотя и прекрасно известно, что «не в свои сани не садись», добра от этого не жди, но они, несчастные глупцы, стремятся не только «вскочить на облучок» чужих саней, но ещё и «эх-прокатиться» на них. Во всех таких случаях их подстерегает практически неминуемая незавидная участь. В первом случае (сексуальном) — физиологическое скотство, во втором (асоциально-политическом) — нравственное разложение.

Традиционная сексология серией опытов доказала, что демонстрация нормальным мужчинам специальной аудиовизуальной сексуальной информации (слайды, фильмы с изображением сцен изнасилования) приводит к тому, что многие из исследуемых реагируют развитием сексуального возбуждения как на процесс изнасилования, так и на проявленную жертвой реакцию сопротивления и страха. Анализ результатов приводит к тому выводу, что «взрыв насилия» в средствах массовой информации стимулирует появление нездоровых фантазий у ранее совершенно нормальных людей, а повторяющаяся стимуляция такого рода может провоцировать их к антисоциальному поведению. Понятно, что чрезмерная внушаемость диффузных людей пагубно сказывается и здесь. Вот почему «заражение» хищностью, в том числе, пристрастие к сексуальной распущенности и вседозволенности, является социально опасным феноменом. Это явление давно уже отмечено крылатым выражением «дурной пример заразителен». Беда человечества ещё и в том, что «хорошие примеры» остаются как-то уж очень «бескрылыми» — без должного внимания людей.

Кроме того, извращённый секс, даже будучи противоестественным для части индивидов, в него втянутых, тем не менее нередко вытесняет, подавляет естественную сексуальность. Происходит это по разным психофизиологическим причинам, но, в принципе, ситуация здесь сравнима с новоприобретённой «наркотической зависимостью» — точно так же наркотики могут вытеснить и заменить прежнее «естественное» алкогольное пристрастие. Гетеросексуальные отношения, да ещё и будучи достаточно целомудренными, проигрывают по своей «градусности», «кайфовости» широкодиапазонному комплексу полной разнузданности и сексуального полиморфизма. И обратного пути нет — это типичное скатывание по очень крутой наклонной плоскости: катиться вниз легко и вначале приятно, а затем страшно, карабкаться же назад — трудно, а подчас и невозможно.

Вот яркий пример подобного сексуального падения, растления. Знаменитый некогда певец из «солнечной братской» Чехословакии Карел Готт, любимец, кумир публики, после распада мировой псевдосоциалистической системы получив, наконец-то, долгожданную свободу, смог

побывать на «заседаниях» бисексуальных групп, после чего он чуть не плача заявил, что вся его предыдущая жизнь была прожита напрасно. Что это? Ещё одно обвинение ханжескому просоветскому тоталитарному режиму — душителью свобод? Или всё же — проявление обычной для деятеля массового искусства безнравственности? Вопль «раскаяния за бесцельно прожитые годы» латентного извращенца, дорвавшегося, наконец-то, до долгожданной вседозволенности, а до этого вынужденно (для сохранения собственного имиджа) «прозябавшего» в неподходящей ему сексуальной обстановке «несвободы», в состоянии подавленности глубинных девиантных пристрастий.

Разъяснение этой глобальной «постоянно действующей» сексуально-криминально-политической опасности является важнейшей насущной задачей для человечества. Значимость такого «политпросвета» ещё и в том, что пропаганда хищного поведения идёт полным ходом и во всех возможных направлениях. По главному — первому — радиоканалу «Радио России» крутят песенку с заливчатским припевом, определяющим «культурный заветный набор» для современной молодой девушки: «Парни, музыка, наркотики! Парни, музыка, наркотики!»...

Но существует апологетика и самых страшных проявлений чудовищности среди людей. Александра Маринина (Алексеева) — популярная ныне сочинительница детективов (наша «мамаша Агата Кристи»: пишет книгу за месяц) — рассказывает на страницах газеты (АиФ N23, 1997) о встреченных ею в тюрьмах и лагерях преступниках следующие вещи. Убийцы и насильники, совершившие свои деяния в порыве гнева, аффекта, в пьяном виде, кажутся ей людьми глубоко несчастными. Среди них нет никого, кто бы считал свой приговор несправедливым. Они могут врать, придумывать, но вины своей никогда не отрицают. С настоящими (!) же насильниками иначе. В отличие от убийц, признающих содеянное и как-то пытающихся оправдаться, эти всё начисто отрицают. Они психологически — другие. В крайнем случае насильник и убийца соединены в одном. А.Маринина приводит такой вот, леденящий душу, пример.

«На протяжении длительного времени этот тип растлевал собственную падчерицу, дочь жены от первого брака. Начал чуть ли не с годовалого возраста и лет до восьми бог знает чем с ней занимался, пока не убил её. Потом поджаривал на сковороде какие-то части её тела. Вот такой дядечка, лет 50-ти, очень религиозный».

Далее (это уже из интервью по ТВ) новомодная сочинительница детективов восторгается некими, встреченными ею на зоне же, тюремными персонажами, у которых, по её словам, полностью отсутствует совесть. «Такие они великолепные, красивые, голубоглазые, и у них совершенно нет совести, ну совершенно!» Она аж подхихикивает от удовольствия над приводимым ею чудовищным фактом. До чего ж, мол, это «сволочное голубоглазие» занятно и по-своему красиво! И при всём при этом она утверждает, что, якобы, «не существует абсолютных, стопроцентных злодеев, что во всяком человеке есть что-то, за что его можно любить: он самый лучший для матери, у него может быть любимая женщина, для которой он — самый лучший в мире». Наверное, и тот дядечка-изувер из предыдущего абзаца тоже «великолепный по-своему» человек. К тому же, видать, шибко богобоязненный.

До чего же страшна бывает подчас хищная женская логика! Не столько эта нелогичность, как такое вот «лёгкое», приветственное отношение к извергам. Представим себе человека, который был бы — ну, всем! — хорош и добропорядочен в 99,9% собственного времяпрепровождения: музицирует, пишет картины, ходит в церковь, занимается бизнесом... Но вот в одно оставшееся промилле (0,1%) всего своего жизненного времени он режет, грабит, насилует, подобно упомянутому «очень религиозному дядечке», — протеже Марининой. Хотел бы кто-нибудь с таким «великолепным» типом жить рядом? Вряд ли...

Сказанное здесь однозначно идентифицирует Маринину, как особь, принадлежащую к суггесторному виду. А то, что она ещё и пишет книги про убийства, характеризует её как активную, злонравную пропагандистку насилия (это пример хищного творчества). Да и ещё как споро пишет: главная её «творческая» проблема — это равномерное по страницам книг распределение трупов. Одна из сверхзадач этой сочинительницы (я прочёл несколько её «романов») — путём некорректного сопоставления жуткой деятельности чудовищ, маньяков с более «человечными» нравами уже полуофициальной российской мафии, способной, якобы,

«навести порядок», сделать из главарей последней некий возвышенный, почти благородный образ.

Хотя судить о женской видовой принадлежности и легче, чем о мужской, но, в то же время, иногда легко ошибиться: они необычайно внушаемы и потому в большей степени подвержены хищному воздействию. А их артистичность даёт дополнительный вклад, облегчая подобное приспособление. Поэтому, в сравнении с мужчинами, хищные женщины имеют более обширное обрамление подражательниц, в состав которого входит огромное множество диффузных женщин, подвергшихся хищной обработке, они являются как бы агентами хищного влияния во всём человечестве, своеобразная «пятая колонна» нелюдей.

БОЛЬ КАК НАСЛАЖДЕНИЕ — МАЗОХИЗМ

Наверное, самое трудное, во всяком случае, для меня, — понять мазохистов. Как боль может доставлять удовольствие? Пойти к зубному врачу, сильно обжечься или палец сломать — какое такое удовольствие?! Был у меня один знакомый, системный программист, который выхвалялся тем, что для получения оргазма он, якобы, просит своих женщин-партнёрш прижигать его сигаретами, но все считали его безумцем, каковым он в итоге и оказался, да ещё и «белогорячечником». попал в ЛТП. Уже вроде бы вылечившись, и даже побыв там некоторое время старостой этажа, он был всё-таки переведён внимательными и заботливыми советскими врачами в клинику им. Кашенко. Но ведь есть огромное множество подобных «любителей боли». Как же объяснить эту жуткую взаимозависимость опять же между агрессией (причинением боли) и сексом (оргазмом, получаемым от мучений)? Агрессию здесь нужно понимать «пассивной»? Или это есть как бы вынужденное перетекание фоновой агрессивности по принципу сообщающихся сосудов?

Ситуация здесь может проясниться лишь после выслушивания искренних признаний «страдательной стороны». Именно такова статья «Исповедь провинциалки» (газета «Крутой мен», N11(24), 1997). Краткое содержание: девочку-подростка регулярно порет её мать, и дочь подробно описывает свои ощущения.

"Мы живём вдвоём с мамой, папа нас бросил, когда я была совсем маленькой. Мама у меня очень строгая. Если я нашалю или ещё как-нибудь провинюсь — обязательно будет порка. Сначала я пыталась прятаться, даже убежала из дому, молила маму о прощении, а когда это не помогало, просила хотя бы отложить наказание на следующий день. Мама никогда не поддавалась на мои уговоры, а за то, что я пряталась или убежала, порола ещё раз, и я поняла, что лучше этого не делать и принять неизбежное наказание сразу. Наказывает мама меня всегда очень сильно, по голой попе и до крови. Ударов не меньше 50, если особенно зла, то 100-150. Сначала порола сложенной вчетверо скакалкой. Примерно с четвёртого класса мама взялась за плетёную свитую из электропроводов. Это — своего рода семейная реликвия: ею родители наказывали маму, мамино брата и сестру. Маму её отец порол до 30 лет — она была уже замужем. От долгого употребления ручка плётки стала как полированная. На концах изоляции проводов вылезла наружу проволока. Медные жилы просекают кожу до крови.

Недавно — перед моим 17-летием — мать изготовила для меня новинку, сплела плетёную восьмивостку. Процедура порки для меня и ужасна и привлекательна. Сразу после маминой команды: «Раздевайся! Пороть буду!» — появляется дрожь во всём теле. Нервы напряжены и возбуждены. Мне стыдно, я испытываю ужас, но этот ужас какой-то сладкий и в глубине души мне хочется его вновь и вновь пережить. Дрожащими руками застилаю диван полиэтиленовой плёнкой, потому что кровь будет брызгать во все стороны. Я завидую маме — потому что её порол папа. Мне тоже хотелось, чтобы меня порол отец. Перед ним было бы ещё стыднее спускать трусы и подставлять голую попу. У меня перед поркой сердце бьётся учащённо и уходит куда-то вниз, но не «в пятки», а в нижнюю часть живота. Ноги начинают дрожать. Ягодицы и бёдра судорожно сжимаются и разжимаются. Между ног и внизу живота появляется сладкое жжение и приятное щекотание. Когда я лежу с голым задом, между ног горячо и мокро, попа судорожно дрожит, половинки ягодиц сжимаются друг с другом, ходят вверх-вниз ходуном. Последние мгновения перед первым ударом плети — самые ужасные и сладострастные. Сердце бьётся так, что готово выскочить наружу. На всё тело, на каждую

клеточку накатывает волна сладкого ужаса и нестерпимого ожидания жгучей боли. Боль пугает и в то же самое время влечёт к себе, тело жаждет пережить ощущение сильной боли. Потом раздаётся долгожданный пронзительный свист плети, звонкий смачный шлепок, ягодичцы обжигает возжеленная сильная боль. Первый удар, хотя его и ждёшь, всегда приходит неожиданно. Мой зад невольно подпрыгивает на диване, ягодичцы со всей силы сжимаются. Я вскрикиваю, сдавленно, потому что сжимаю подушку зубами. Тороплюсь расслабиться, чтобы принять следующий удар Боль от второго удара ещё сильнее, чем от первого. После четырёх-пяти ударов боль становится невыносимой, весь зад полыхает огнём, из глаз ручьями льются слезы. Следующие удары приходятся по уже набитому месту. От каждого из них из глаз сыпятся искры. Боль такая, что перехватывает дыхание, моё тело начинает извиваться, попа тоже виляет из стороны в сторону. Когда начинает течь кровь, боль притупляется, а между ног становится всё мокрее и приятнее. Наступает момент, когда моё тело сотрясает сильнейший оргазм. Кровь течёт, но боль совсем не чувствуется. Я замираю от наслаждения, только попа продолжает вздрагивать под ударами. Обычно это происходит где-то в районе сотого удара. Я переживаю взнезменное блаженство и эти минуты сторицей вознаграждают меня за перенесённое страдание. Если порка продолжается, то боль возвращается вновь, но её интенсивность значительно ниже, чем в первые, самые ужасные моменты Я продолжаю извиваться и тереться лобком о диван. Мои страдания вознаграждаются вторым оргазмом. Он приходит очень быстро вслед за первым — ударов через 20-30. Оргазмы настолько глубоки и сильны, что я почти теряю сознание от неземного блаженства. Я уже не ощущаю ударов тети. Слышу только звонкие щелчки по ягодичцам и бёдрам, вижу разлетающиеся во все стороны кровавые брызги. Заметив, что я лежу без чувств, мать прекращает порку.

Не знаю, догадывается ли мать, что я в полусне от блаженства, а вовсе не от шока от боли. Наверное, догадывается — её ведь тоже крепко драли. А мне в этот момент хочется, чтобы рядом со мной лежал Юра (это мой мальчик, с которым я тайно дружу) и чтобы он взял меня — так, как берёт мужчина женщину. Моя попа вся в крови. Капельки крови, приятно щекоча тело, медленно стекают на полиэтиленовую плёнку и на пол. От них раздаётся тихое «кап-кап». Мать через некоторое время возвращается и протирает иссечённые места тряпочкой, смоченной в растворе соли. Обычно от соли, когда она попадает в рану, хочется лезть на стену. Но сейчас, ещё не пришедшая в себя от мощных оргазмов, я чувствую не боль, а слабое жжение и приятную истому. Отлежавшись минут 20, встаю, подтягиваю трусы, надеваю платье и начинаю убираться: снимаю плёнку с дивана, мою пол и стены, забрызганные кровью. Моя попа сначала нечувствительна — как деревянная. Но постепенно состояние одеревенения проходит, и я начинаю испытывать боль. Скоро трусы пропитываются кровью и прилипают к ранам. Вот тогда становится больно по-настоящему. Если по забывчивости сядешь на что-нибудь твёрдое — сразу вскакиваешь, как от удара током. Первую ночь после порки сплю только на животе. Через день с грехом пополам уже можно сидеть — хоть и больно, но вытерпеть можно. После особенно сильной порки ягодичцы кровоточат дня три. А потом успеваю нагрешить вновь и приходится подставлять зад под плетку снова..."

Вот такова мазохистская жизнь... Всё это может служить достаточно красноречивой иллюстрацией того, как именно происходит охищение, привыкание к извращённым формам сексуального поведения и передача «опыта» следующим поколениям: садист-отец порол дочь (мать девочки), та — свою дочь, вероятно и эта «провинциалка», выросши, так же передаст жуткую эстафету садомазохизма своему потомству. Ж.Ж.Руссо в своей «Исповеди» описывает очень схожую «структуру» собственного привыкания в детстве к порке и получения от неё сексуального удовольствия. Правда, не с такими подробностями, как у «провинциалки», хотя Жан Жак был, как известно из той же книги, ещё и эксгибиционистом, так что мог бы уж и «пообстоятельнее показаться» людям.

Из описания «провинциалки» собственных ощущений можно сделать и тот вывод, что всё тело человека правомерно будет считать некой одной эрогенной зоной, но с различными участками — большей или меньшей чувствительности. Для одних участков — с обострённой чувствительностью — достаточно лёгкого, нежного раздражения, а для других — более «тупых» — требуется более «крутое» воздействие: боль, страх и т.д. Естественно, предельный здесь случай — это страх насильственной смерти и сама такая смерть. Это подтверждается, в

частности, фактами, имеющимися в наблюдениях палачей. «Смертная казнь через повешение есть высочайшее половое удовольствие. А как иначе объяснить, что повешенный в конвульсиях эрегирует и оргазмирует?! Каждый палач прекрасно знает, что трупы повешенных всегда забрызганы собственной спермой. Врачи объясняют это тем, что оргазмы есть некий побочный результат того, что пережимаются сонные артерии: возникают галлюцинации и прочее» [68]. Кстати, именно этот факт стал основой средневековой легенды о том, что растение мандрагора («мужской корень», «адамова голова») вырастает из семени повешенных.

Феномен же садомазохизма, т.е. получение наслаждения хищными гоминидами попеременно, как от причинения страданий, так и от испытывания таковых, можно легко объяснить, если вспомнить, что суггесторы по своему поведению являются «лейкартовыми» паразитами: подчиняются более сильным и давят более слабым. Проявления садизма-мазохизма связаны в основном всё с тем же торговым рефлексом хищника. Это — как игра кошки с мышью (предсмертная для мыши), таково происхождение мучительства садистов. Но если диффузный человек в хищных лапах цепенеет, то в случаях, когда на такую «игру» нарывался хищник, причём более слабый, то у него появлялось что-то типа анекдотического настроения: «если тебя насилуют и нет выхода, то расслабься и получи хотя бы уж удовольствие». Затем произошло генетическое закрепление подобной установки. Это — как бы инверсия хищной агрессивности, её другая ипостась («кто не умеет подчиняться, не сможет командовать»). Часть таких хищных — знаменитые в истории самоистязатели и мученики. Но, в принципе, «лейкартов» мазохист-суггестор наверняка может с не меньшим для себя удовольствием и приносить мучения, как некоторые пассивные гомосексуалисты способны выполнять и активную роль. Межвидовые гибриды, со своим расщеплённым сознанием, также составляют значительную часть подобного «попеременного» садомазохистского контингента.

У нехищных людей отношения господства-подчинения тоже имеют место, в основном среди диффузных индивидов, но они не имеют сексуального подтекста, протекая, с одной стороны, в русле упоённого самодурства и глупой спеси «начальника», а с подчинённой стороны — в форме беспрекословного, «квазисадомазохистского» выполнения самых дурацких приказов начальства и получения щемящего душу удовольствия от созерцания их пагубных последствий: «А я-то причём? Это он, гад, приказал!» К слову сказать, именно по этой схеме ведёт себя в настоящее время русский народ: мучается, но особо не протестует, ждёт очевидного и полного краха всех «перестроечных» затей «начальства».

«УРОД НОМЕР ОДИН — ВСТАНЬТЕ! ПОКАЖИТЕСЬ ВСЕМ!»

Подробнее следует остановиться на проблеме гомосексуализма, как основного, во всяком случае, наиболее «популярного и знаменитого» проявления сексуальной извращённости. Существует множество теорий происхождения, объяснения и всяческого оправдания гомосексуализма, всего этого вздора не перечислить. Уже упоминались его «адвокаты» — О.Вейнингер и В.Розанов. На схожей позиции находился и З.Фрейд. «Гомосексуализм, несомненно, не преимущество, но в нём нет и ничего постыдного, это не порок и не унижение... Преследование гомосексуализма как преступления — большая несправедливость и к тому же жестокость». Так считает и современная наука — так, во всяком случае, утверждает наш отечественный сексологический «зубр» И.С.Кон [30].

Но наука (психологическая), если позволительно так именовать весь тот обширнейший свод противоречащих друг другу, маловразумительных интерпретаций человеческого поведения, в особенности, аномального в сексуальной сфере, много чего считает нормой, в том числе и весьма «экзотические» вещи. Например, «скорее нормой, чем отклонением от неё» психиатрия признаёт поведение знаменитого поэта, сочинителя нежнейших любовных элегий, предававшегося любимому поэтическому занятию в перерывах между зверскими избиениями своих многочисленных любовниц [17]. Это лишь ещё раз подтверждает существование связи любовь-насилие, но не какую-то там «норму».

Как бы то ни было, несмотря ни на какие «научные» изыски, не может быть никаких сомнений в противоестественности гомосексуализма и, следовательно, в его полной социальной неприемлемости. Даже наличие аналогичного феномена (такого, да не такого же!) у

животных не снимает этой его главной характеристики — противоестественности.

Многими исследователями указывается на то, что гомосексуализм, дескать, существует и у других видов высших животных. Но у этих «других» подобное явление не имеет столь ярко выраженных извращённых копуляционных форм, и к тому же полностью предпочтительных естественным. У них — у тех же, скажем, птиц — никогда дружба самцов, образующих «квазисемейную пару», не доходит до половых извращённых отношений. К ним всегда может «присоседиться» самка для отправления нормальных «сексуальных нужд». Подобные отношения описывает К.Лоренц [3].

Если же у животных и возникают гомосексуальные отношения, например, у обезьян (у них гомосексуализм распространён в наибольшей степени, особенно — у павианов), то это всегда связано с полным ограничением доступа «холостяков» к самкам, сбитым в гаремы, бдительно охраняемые их владельцами. Но при малейшей представившейся возможности, зазевайся, скажем, хозяин гарема, одинокие самцы тут же спариваются с самками, так же незамедлительно подставляющимися новым партнёрам. «Холостые» павианы даже развязывают настоящие смертельные войны за обладание самками, в которых, правда, чаще всего гибнут самки, до которых они, наконец-то, дорываются [50]. К слову сказать, подобные взаимоотношения среди стад павианов (иначе: бабуинов), находящихся в неволе, как отмечают исследователи-зоопсихологи, наиболее схожи с сексуальными структурами среди заключённых в тюрьмах.

К наблюдениям учёных следует добавить, что и на воле хищные гоминиды ведут себя не краше. Только лишь у них «дело однополрой дружбы» доходит до анальных форм половых сношений. Хотя и утверждается, что многие гомосексуалисты предпочитают орально-генитальный секс и взаимную, «перекрёстную» мастурбацию. Они, якобы, даже считают перанусные «любовные» отношения низкими, дегенеративными. Сами называют и цифру — насчитывается, якобы, лишь 10% «занимающихся перанусной любовью» среди общего числа гомосексуалистов. Правда, McCary называет совсем иную «анальную» цифру — 50%. Но как бы там ни было, это предпочтение заднему проходу рта и рук ничего не меняет, оно есть не что иное, как лишь функционально облегчённое сексуальное поведение, необходимость полной эрекции при этом отпадает.

И всё равно мужеложство должно признаваться общественным мнением чудовищным в такой же точно мере, как убийство человека человеком. Подобное сопоставление — совершенно правомерная проекция агрессивности человека на плоскость его сексуального поведения. Человек — самое сексуальное животное, человек же — самое агрессивное животное! (Вот это самое — и есть именно та страшная «прилагательная» добавка, которую хищные гоминиды привносят в мир, ставя его на грань гибели!) Следовательно, здесь есть взаимосвязь, проявляющаяся наиболее полно в некросадизме (предельной некрофилии). К нему, чисто логически, непосредственно примыкают «обычное», якобы, немотивированное убийство и «рядовое» изнасилование (либо гетеросексуальное, либо гомосексуальное). Здесь имеются в виду действия мужчин, хотя женский гомосексуализм, как известно, тоже практикует садистские изнасилования, да и женщины-киллеры не такая уж большая редкость. Именно здесь, вырастающие из общего «корешка» некрофилии, «любовь» и «ненависть» как бы разветвляются в параллельные «веточки».

Вся остальная сексуальная чудовищность вкупе с обычно практикуемой (но всё же непомерной!) агрессивностью в жизни человеческого общества представляется, таким образом, как результат «детонации» этих процессов хищными гоминидами. Только лишь «благодаря» именно тлетворному влиянию этих современных адельфофагов на обычных людей чудовищное насилие и, соответственно, махровая сексуальная извращённость в обществе не «затухают», нелюди постоянно подкручивают этот страшный «сдвоенный» маховик.

Очень важно было бы количественно соотнести аномальные проявления извращённости среди нехищных людей со случаями перверсий, возникших в результате органических изменений мозга, олигофрении, гормонального воздействия на эмбриональной стадии развития, условнорефлекторного закрепления сексуальной ориентации в детстве и т.п. факторов. К сожалению, подобной статистики нам не известно. Но так или иначе, это тоже есть несомненное уродство. Следовательно, как и всякое уродство иного плана, по отношению к

нему в первую очередь должен ставиться вопрос не о преследовании, а о не выпячивании этого неизлечимого психофизиологического уродства. Именно среди таких гомосексуалистов могут быть и нравственные люди, и им должно быть, по очевидной логике, очень и очень трудно пребывать там, куда они поневоле попадают, где всё против них. Это — нравственно невыносимая ноша.

В то же самое время, гомо— и бисексуализм, которые практикуются хищной частью человечества, мало признать самым страшным уродством. Здесь недостаточно пьяных обличительных слов героя повести Ю.К.Олеши «Зависть»: «Урод номер один — встаньте! Покажитесь всем!» Это — гиперуродство, оно — сущностное, ибо профанирует самое важное в человеческой жизни, этически и эстетически снижает самую хрупкую и одновременно самую важную область человеческих чувств и взаимоотношений. Ведь всё в этом мире делается нормальными мужчинами ради женщин, ради их любви и благосклонности, ради продолжения и благополучия рода. Другими словами, вся романтичность, возвышенность взаимоотношений мужчины и женщины, всё то, что называется в психологии казённым секс-канцеляризмом — «переоценка сексуального объекта», а по-людски — обожествление любимой женщины, всё это становится невозможным рядом с гомосексуализмом, по праву делящим «пальму первенства» монструозности с садистической некрофилией.

Не случайно гонения и унижения тюремных «опущенных» со стороны тамошнего «актива» структурально полностью совпадают с точно таким же отношением хищных мужчин к женщинам, когда после сексуальной «победы» следует психологическое её подавление, унижение и подчинение. Криминалистов всегда поражал этот факт ненависти к «опущенным». «С точки зрения нормального человека, ненависть и гонения, которым подвергаются эти парни, совершенно необъяснимы: ведь мучители сами сделали их „петухами“ и благодаря им получают какое-никакое удовольствие. Но для зоны, где уважают только силу, всё естественно: не сумел отстоять себя — значит ничего кроме презрения не заслуживаешь» [30].

Вряд ли такое объяснение можно посчитать достаточным. Умение постоять за себя тут чаще всего ни при чём. Людей «опускают» по приговору воров за разные грехи: стукачество, неуплату карточного долга, неподчинение «авторитету», за то, что на следствии «сдал» подельников, что имеет родственников в правоохранительных органах. Чаще других подвергаются насилию те, кто сам совершил изнасилование, — в этом выражается своеобразное представление о справедливости. «Намеченную жертву обычно жестоко избивают, затем накидывают на шею полотенце, скрученное жгутом, и в полузадушенном состоянии „опускают“. Есть и другие способы „опетухения“ — облить мочой, заставить поцеловать парашу. Клеймо „петуха“ — на всю жизнь. Численность этих отверженных в ИТУ составляет около 35 тысяч человек. От такой жизни они, если не кончают с собой, то превращаются в совершенно забытые существа, полностью лишённые чувства собственного достоинства» [30].

И положение здесь не может быть изменено никаким «культурным просвещением», ибо это предельное подавление, унижение — как женщин, так и «опущенных» мужчин — есть этологическое следствие тергорового рефлекса хищника, глубоко присущего хищным гоминидам, и потому — неустранимого. Единственный выход — вырваться из-под хищного воздействия во всех областях, «зонах» их влияния, в том числе и сексуальной. Нормальному (нехищному) мужчине должно быть стыдно за существование мужчин-гомиков, бисексуалов, которые дискредитируют и оскверняют и без того весьма уязвимую область человеческих чувств. Как, например, люди стыдятся своих гнусно «прославившихся» однофамильцев или своего внешнего сходства с подобными «орёликами». Достаточно привести отрывок из Диона Хриосома, чтобы увидеть до каких мерзостных форм может докатываться этот порок, и сколь масштабно он способен заразить других людей.

«Небезынтересно будет упомянуть о следующем важном обстоятельстве: очень многие подверглись болезни, которая раньше, кажется, встречалась гораздо чаще у других народов, чем у нас... Но не думайте, что я говорю о чём-то таком, что держат в тайне, скрывают: нет факты сами говорят за себя... я не могу выразиться яснее, если хочу остаться приличным. Этот порок клеймит и покрывает позором весь наш город. Эти люди — самое тяжкое бесчестие для отечества и вы должны были бы изгнать их из страны, как следовало бы изгнать их отовсюду.

Закон грозит им всевозможными карами, отдает их всеобщему презрению и тем не менее, их встречаешь везде и всюду. Этим пороком заразились и мальчики и юноши. Они ещё не потеряли целомудрия, но приучились смотреть на этот порок, как на вещь почти обыкновенную: и хотя они ещё удерживаются от поступков, но уже сильно желают их. Во всём городе раздаются стоны, на прогулке везде слышишь скорбь и жалобы. Обыкновенно стон есть выражение горя, но это не тот стон, о котором я говорю, это нечто другое, — это результат самого ужасного бесстыдства. Если слушать постоянно игру на флейте невозможно, если жить на скале, оглашаемой пением сирен, невыносимо, то что должен испытывать честный человек, находясь постоянно в атмосфере уродливых хриплых стонов? Человек, который проходя мимо дома, услышал бы эти звуки, подумал бы, конечно, что это дом терпимости, но что сказать о городе, где эти звуки раздаются повсюду каждый час, каждую минуту? Педерастией занимаются на улицах, в домах, публичных местах, театрах и гимназиях. Мне ещё ни разу не пришлось слышать, чтобы флейтист с самого утра начинал играть на инструменте, меж тем как страшная музыка педерастов начинается уже с рассветом» [32].

Филон, философ школы Платона, говорит: «Другое зло распространилось в разных государствах; это зло — педерастия. Мы должны строго поступать с этими людьми, если хотим следовать естественным законам природы; их нельзя более оставить существовать ни одного дня, ни одного часу, потому что они не только позорят самих себя, но всю свою семью, отечество и весь человеческий род» [32].

Таким образом, уже в древности люди понимали всю пагубность сексуальной извращённости. Какое-либо более страшное уродство человеческой психики было бы уже фантастично: психологически — это есть не что иное, как «сексуальная проказа», и никак не меньше. Тем не менее сексуальная извращённость претендует на признание для себя равноправия в обществе. Хотя по своей «значимости» в шкале неприятия общественным мнением, активный мужской гомосексуализм должен заслуженно занимать своё истинное место рядом с остальными махровостями и монструозностями, такими как каннибализм, садистическая некрофилия, убийство ради убийства (эти убийства у криминалистов проходят по статье «немотивированные», — но их «тергоровые» мотивы прекрасно чувствуются и осознаются всеми их совершившими).

Более того, это заболевание, как и лепру, необходимо признать ещё и заразным. (Понятно, что этим сравнением мы никак не осуждаем прокажённых, просто взята прискорбная иллюстративность их страшного несчастья.) Во-первых, физиологически — инверсное сексуальное поведение, как уже указывалось, в силу ряда психосоматических причин, в итоге нередко вытесняет и замещает естественное гетеросексуальное влечение. Во-вторых, — и социально, ибо эта зараза передаётся путём втягивания, растления и принуждения в коллективах, характеризующихся «однополостью»: в первую очередь, это — пенитенциарные заведения.

Да и не «воле» существует целая «школа» по разъяснению, убеждению и вовлечению в гомосексуализм. Мужчина, мол, не только имеет право на один-два гомосексуальных контакта, но и попросту обязан попробовать. Точно так же втягивают в наркотики, убеждают новичка «побаловаться», а там — как получится. Из «Лексикона прописных (изысканных) истин» Гюстава Флобера: «Педерастия — болезнь, которой страдают в известном возрасте все мужчины». Постоянно и назойливо при всяком удобном случае в СМИ, в книгах приводятся примеры великих людей, подверженных гомосексуальности. Ну кто не слышал, что Александр Македонский, Цезарь — гомосексуалисты? Не говоря уже о талантах в других сферах — Микеланджело, Шекспир, Оскар Уайльд, Чайковский... Тем самым гомосексуальность пытаются увязать с гениальностью. А в архивах КГБ, якобы, нашли переписку Ленина, из которой явствует, что Ильич — пассивный педераст, сожительствовавший с Зиновьевым и Троцким. Существует целое исследовательское «теологическое» направление, доказывающее, что Иисус Христос, якобы, был гомосексуалистом. «Само распространение христианства в XX-ом веке говорит о том, что сексуальные меньшинства планеты превратились в сексуальное большинство», — пишет упоминавшийся ранее Бхагаван Шри Раджниш (Ошо). Этот знаменитый «секс-гуру» предлагает всем «преодолевать» всяческие сексуальные преграды. «Если вы гомосексуалист, вы должны выйти за пределы гомосексуальности, если вы

гетеросексуальны, вы должны выйти за пределы гетеросексуальности». (Примерно так же «логично» телеведущий В.Познер в одной из своих передач убеждал телеаудиторию в том, что нельзя, дескать, судить о наркотиках, не попробовав их. На это последовал вопрос из зала: так что, значит, и осуждать убийц нельзя, не поубивав людей некоторое время? Познеру пришлось отработанными ужимками типичного суггестора-манипулятора всё «замять для ясности».)

Правда, сейчас неким тормозом для сексуального растления, препятствием на этом пути становится СПИД. В тюрьмах, например, Испании около половины заключенных — гомосексуалисты, а 40% больны СПИДом. Попасть в тюрьму почти равносильно смертному приговору (от СПИДа умер человек, приговорённый к месяцу тюрьмы за нарушение правил движения) [34]. Но понятно, что СПИД — не выход. В Камбодже, например, уже 10% населения больны этой «чумой XX-го века», причём ВИЧ-инфекция передаётся через гетеросексуальную проституцию и грозит вскоре охватить всю нацию.

Всех таких злостных распространителей «инфекции» сексуальной извращённости, по логике здравого смысла, необходимо каким-то образом социально изолировать от нормального общества. Например, путём организации для них специальных поселений, по типу тех же лепрозориев («гомозориев»). К тому же, существуют и прецеденты изоляции подобной публики: это колонии немецких гомосексуалистов в Южной Америке, куда их «сосватал» в середине 1930-х годов Адольф Гитлер. Как и всякая инфекционная болезнь, так и эта сексуальная зараза в первую очередь страшна тем, что воздействует на детей: представители «достославных» сексуальных меньшинств всегда способны на сексуальные эксцессы с детьми. Любой из этих извращенцев в обязательном порядке ещё и — реальный или потенциальный — педофил, что лишний раз подтверждает предельную, сущностную патологичность сексуальности хищных гоминид. Это полностью перечёркивает все досужие разговоры о ситуационном, конвенциональном характере выработки полового самосознания и самоидентификации, распространяющемся, якобы, на всех людей. У хищных гоминид сексуальный аномализм — это врождённая стержневая зоопсихологическая установка.

В одном австралийском фильме есть впечатляющая сцена сексуального поведения хищного субъекта (скорее всего, — суперанимала, у которых эти этологические механизмы проявляются наиболее резко и отчётливо, у них сексуальность напрямую связана с непосредственной — «реликтовой» — охотой на человека с целью поедания). Отображено это предельно иллюстративно. Тюремный пахан-суперанимал насилует новичка-заключённого, удерживаемого за руки — за ноги своими «шестёрками». При этом он без умолку приговаривает в порыве жуткой «любовной» страсти: «Мясо, новое мясо! Мясо, новое мясо! Мясо, новое мясо!». Наверняка, эта «мясная» сцена не выдумана режиссёром, а взята из тюремных наблюдений. Реальная жизнь поставляет подобные чудовищные факты гораздо чаще, чем любая авторская фантазия.

Сочетание мужской гомосексуальности с гипертрофированной агрессивностью далеко не случайно. Единственным приемлемым объяснением этого феномена можно считать то, что активный гомосексуализм (как хищное «расширение» гетеросексуальности, т.е. непомерно агрессивной, злобной бисексуальности хищных гоминид) ворвался в жизнь пра-людей одновременно с адельфофагией. Как известно, в обезьяньих стаях, в частности, у шимпанзе, существуют «ритуалы» демонстрации подчинённости и превосходства, при которых используются именно копулятивные позы и движения. Подчиняющийся или, например, проштрафившийся самец «подставляется» более доминантному самцу или вожаку, и тот совершает несколько псевдокопулятивных движений, как некое подобие полового акта, тем самым как бы символически наказывая «подчинённого» или доказывая своё превосходство. Теперь легко представить себе, что творилось в стадах палеоантропов, какие сексуальные эксцессы могли там возникать, когда «доминантные» адельфофаги, троглодиты-каннибалы «доказывали» своё превосходство запуганным — буквально, до смерти — суггерендам. После поедания кого-нибудь (чаще, наверное, приплода, детей), насытившись, они насиловали всех подряд — и самцов и самок.

Аналогичные некрофильские отношения продолжали существовать затем и в человеческих популяциях, в уже таких более «окультуренных» формах, как, например, одна из многочисленных «сексуально-политических» выходок Нерона: перед казнью сенатора Авла

Плавтия он его изнасиловал. При этом он сказал: «Пусть теперь моя мать придёт поцеловать моего преемника!» — собственную мать «страстный» император умертвил незадолго до этого [37].

Подобное поведение и тенденция к таковому в человеческой среде сохраняется, хотя, понятно, проявляется не так уж часто — цивилизацией, к счастью, не выработались соответствующие «этикетки». Мне довелось быть свидетелем чего-то очень схожего. В туберкулёзном диспансере, в котором во времена оны я лечился, пребывал некий Л-н, бывший боксёр. Ему прочили большое спортивное будущее: он провёл все квалификационные и отборочные бои в собственной — не то средней, не то полусредней — весовой категории, оставалось лишь первенство СССР, и серьёзных конкурентов у него совершенно не предвиделось. Незадолго до соревнований его тренер, здоровенный амбал, будучи на тренировке в пьяном виде, вдруг ни с того ни с сего изо всей силы ударил без пяти минут чемпиона СССР голым кулаком в грудь, прямо в область солнечного сплетения. Убить он его не убил, но рёбра ему сломал, вмяв центр грудной клетки внутрь, при этом пострадали и лёгкие. Такова, вот, спортивная жизнь. Неудивительно, что Л-н вскоре спился, окончательно загубив своё здоровье, и, возможно, слегка повредился в уме. И вот, находясь в этом самом туберкулёзном диспансере, он, будучи постоянно слегка пьян, иногда в качестве, как ему казалось, весёлой товарищеской шутки выкидывал такое вот колечко. Зайдя к приятелям в палату, он наваливался на кого-нибудь, лежащего на кровати, и производил с ним то же самое действие, что и упомянутые выше доминантные самцы обезьян: несколько секунд с громким надрывным дыханием дрыгался, изображая половой акт. Затем он вставал и гордо и напыщенно произносил: «Я сильнее тебя как мужчина!» Но однажды он произвёл этот свой символический победный церемониал над новичком — невзрачным, невысоким мужичком, и, как оказалось, лишь недавно отмотавшим тюремный срок, звали его, помнится, Сергей. Так вот этот Серёжа немедленно откусил Л-ну нос и вообще «вырубил» его, после чего стал делать с ним что-то в духе «кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет», но — в сексуальной форме. И если бы его не оттащили, благо было кому, палата была шестиместной, то он, наверняка бы действительно, уже «без шуток», «опустил» незадачливого «сексуального победителя». Дело это потом замаяли, и даже висевший у Л-на на коже кончик носа заботливые советские медики пришили.

Наверное, в таком же «реликтовом» ракурсе можно рассмотреть и некоторые виды мужской спортивной борьбы, такие как «греческая» (классическая), вольная. Видимо, не случайно бытует мнение, что среди борцов подобных — «вязких» — стилей значительная часть — именно гомосексуалисты.

Человечество ещё очень крепко связано с животным миром. Как пишет А.А.Любищев: «Действительно ли человек уже произошёл от обезьяны? Он до сих пор обезьяна без истинного разума. Утешает то, что среди обезьяно-людей есть всё же и разумные люди» [31]. Уточняя, можно сказать, что учёные совершенно напрасно ищут т.н. «промежуточное звено» в горизонтах и пластах археологических раскопок, оно у них на самом виду: таким переходным звеном является само нынешнее человечество, состоящее из людей, нелюдей (суперанималов) и псевдолюдей (суггесторов) и, таким образом, ещё не разорвавшее пуповину с палеоантроповыми гоминидами. Мало того, этот жуткий послед опутал всё человечество, спеленав ему и руки, и ноги, и мерзко свисает даже с головы. Поэтому Человеку Разумному нелегко распрямиться, подняться во весь рост и начать разумный путь в Будущее.

Следует добавить, что агрессивность, необходимая для выживания в тогдашних популяциях палеоантроповых гоминид, оказалась одновременно и достаточной для совершения перехода к внутривидовому хищному поведению, т.е. появлению первоубийц-адельфофагов. Это была сублимация, и именно патологическая сублимация, всё того же либидо, точно так же — повышенного. А повышенная сексуальность троглодитов, даже в сравнении с современными обезьянами, была обязана своим происхождением их «всепогодности», «температурному комфорту» от огня и пещер. Сказалась ещё и оппортунистическая (удобная) стратегия добывания пищи, т.е. относительно лёгким способом — трупоядениём. Крупные кости, оставшиеся от животных (слонов, буйволов, антилоп и т.п.), павших или погибших от клыков настоящих хищников, были «не по зубам» даже гиенам, и только наши предки наловчились

ловко раскалывать их и оскребать своими каменными «орудиями труда» [1]. И подобной пищи у них было более чем достаточно. Один только махайрод (саблезубый тигр) оставлял за собой десятки почти нетронутых трупов (он из-за своих огромных клыков был не в состоянии нормально жевать и потому выедал лишь мягкие части — печень и т.п.). Конкурентов же на эту высококалорийную пищу практически не было. Из-за подобного изобилия пищи произошло не что иное, как «разращение вида». Осуществилась своеобразная domestикация («одомашнивание», точнее бы, «охлевливание») — ещё задолго до появления первых скотных дворов и царских дворцов. Это далеко не случайная аналогия. Царские дворцы, как и все другие жилища знати, «злить!», есть не что иное, как более удобные, «тепличные» места проживания, как и подобает скотным дворам. Они по комфорту на много порядков отличаются от «диких», естественных мест обитания прочего населения. Таким именно образом знать, «элита» сама себя обозначает в качестве обитателей скотных дворов. Особенно это заметно и бросается в глаза сейчас у нас в России: какую вымоину в мозгу нужно иметь вместо совести, чтобы строить роскошные особняки на фоне всеобщей бедности?!

Поэтому при наступлении серьёзного экологического кризиса, когда в страшной «эволюционной игре» на карту было поставлено само существование популяции, доминантная часть её, как наиболее «разращённая» и необузданная, повела себя именно таким, далеко не альтруистическим, чудовищным образом, что в общем совершенно не характерно для стадных животных. Это и был рывок к возникновению внутривидовой хищности, очень быстро приведшей к поведенческому обособлению, резкому размежеванию групп «кормимых» и «кормильцев», что и стало трамплином к образованию человечества.

Таким образом, сексуальность хищных гоминид непосредственным образом сопряжена с активной гомосексуальностью (расширительно — с бисексуальностью) и/или гипертрофированной агрессивностью, столь же неразборчивой, ориентированной «на всех». Именно поэтому гетеросексуальное поведение хищных гоминид всегда сосуществует с сублимацией в доминантность иного рода, как минимум, в «волю к власти» или корыстолюбие, в зависимости от темперамента и других социально-физиологических параметров индивида. Чаще происходит разделение «или то — или это», чем совмещение «и то — и это». Трудно быть слугой двух (тем более трёх) господ, к тому же таких требовательных и суровых, как воля к власти, похоть, тщеславие.

В итоге, хищные гоминиды, «изуродованные» относительно высокоморальной социально-культурной средой, в которой они выросли, и побуждаемые к чисто гетеросексуальному поведению, вынуждены как-то сублимировать свою латентную бисексуальность. Именно об этом постоянно твердили фрейдисты — о том, что скрытая, подавленная гомосексуальность определяет глубинные порывы у людей. Целиком и полностью это положение справедливо только по отношению к хищным гоминидам. Сублимация же возможна лишь в ту или иную форму доминантности, агрессивности. Именно отсюда ведёт своё происхождение вся та гипертрофированная и чудовищно сублимированная социальная агрессивность, которая пронизывает жизнь всего человечества. Иначе говоря, хищный индивид не может «любить» подчинённых и вообще окружающих людей. «заниматься с ними любовью», как ему бы этого хотелось, и поэтому он их «ненавидит», рьяно «занимается с ними ненавистью», в чём всегда может рассчитывать на «взаимность» со стороны всех своих «партнёров». уже безотносительно от видовых различий.

Но даже если удалось бы провести полную бисексуализацию (амбисексуализацию) общества (как это пытаются сделать США, и довольно-таки «успешно»), — ничего, в принципе, не изменилось бы. Хищные гоминиды, утолив страсть, действовали бы по-прежнему в русле подавления, унижения подчинённых, возможно, лишь в несколько иной, более «приятельской», фамильярной форме. Точно так же, как они ведут себя с презираемыми ими женщинами — «официоз ухаживания» отброшен, презрение остаётся. Агрессивные аппетиты хищных гоминид — неутолимы, хотя «манеры приёма пищи», церемониалы и этикеты застолья могут меняться.

У нехищных же, преимущественно гетеросексуальных людей сексуальность — это дружба — нежность — жалость. Это триединство структурно связано с агрессией вынужденной — оборонительной, опосредованной, да и то, чаще всего, потенциальной. Т.е, именно с тем её уровнем, какой и свойствен диффузным людям и неантропам. Кстати, «жалость» — это

фольклорный, т.е. именно народный аналог понятия любовь. В общем случае, у хищных гоминид агрессия и/или, при случае, их «любовь» направлены на всех. У нехищных людей, наоборот, — добродушие, незлобивость распространяется, к сожалению, тоже на всех, в том числе, совершенно незаслуженно, и на хищных, — но это упрощённый, «черно-белый» взгляд на вещи, без учёта конкретных жизненных нюансов, способных взрывать этот идиллический образ нехищного «добротного человека».

Среди животных прослеживается то же самое. Агрессивность нехищных высших животных зачастую в экстремальных условиях может далеко превосходить «изящную», игровую методику умерщвления своих жертв хищниками. Достаточно вспомнить быков корриды. Так и нехищные люди — «хорошие и добрые» лишь в нормальной человеческой обстановке, но если их сильно «растреможить», то результаты совершенно непредсказуемы, ибо им приходится действовать в сфере чуждых им инстинктов, и они, будучи именно выведенными из себя, могут «наломать ещё тех дров». Поэтому-то истинные герои всех войн и иных социальных катаклизмов — это именно нехищные люди, мстящие за близких, предельно озлобленные, не ведающие страха, или, возможно, даже ищущие смерти как выхода из состояния нестерпимого психического дискомфорта. Такова, кстати, и специфика «русских бунтов» — беспощадных, но никак не бессмысленных, точнее, таковыми их делают хищные демагоги, которые результаты народной борьбы всегда умело и своевременно направляют, канализируют в нужное для себя русло: «сливай воду, считай „бабки“ — революция (или там „перестройка“) окончилась».

Таким образом, хищные индивиды являются непосредственными виновниками — инициаторами — как агрессивности непомерного, противоестественного уровня, так и противоестественного же сексуального поведения, с ориентацией либидо на всех, в том числе, и на «своих». Тем самым они и перестают быть своими! Соответствующая этой сексуальности агрессивность вырастает до масштабов чудовищности, превышает нормальный уровень внутривидовой агрессии (а таковой присущ всем видам высших животных) на несколько порядков — если, конечно, вообще есть возможность дать количественную оценку такому жуткому явлению, как человеческое смертоубийство, разве что подсчитывать каждый раз сколько именно смертельных ран наносится и/или засекает точное время мучений жертв в агонии.

О патологии агрессивности, присущей извращенцам, говорят и характер, и формы этого взаимосвязанного с сексуальностью феномена. Один только пример. Это — случай, описанный некогда в газете «МК». Речь шла об убийстве некоего гомосексуалиста — штангиста Н., труп которого был жутчайшим образом — и именно штангой (их юмор или специальный ритуал?) — изуродован. Оказывается, как пишет об этом деле газета, для этой инверсной публики подобное предельное уродование своих жертв весьма характерно, оно для них в порядке вещей, и называется, как они сами именуют это своё летальное «хобби» — «сделать пакет».

Журналисты — «московские комсомольцы», или «сексомольцы», как их называют, — пишут обо всём таком с явным знанием дела, с «чувством локтя», имеют, знать, «нужный» опыт. Возможно, именно отсюда и следует «жёлтая», она же «голубая», а точнее, хищная, суггесторная направленность тематики «МК», и присущая её публикациям откровенная агрессивная безнравственность: высмеивается и профанируется всё подряд, лишь бы было остроумно. В психиатрии это явление квалифицируется как «патологическое остроумие», и присуще оно как раз многим суггесторам — «лицемерного», коварного подвида. Вот характерный для «МК» «выкидыш»: в газете от 18.07.98 г., т.е. на следующий день после похорон в Петербурге останков царской (?) семьи, броский заголовок: «БОЖЕ, ЦАРЯ ХОРОНИ!». Как бы ни относиться к этому, воистину, /при/скорбному событию, но уж ёрничать-то, наверное, не стоило бы...

С видовой точки зрения, эту изошрённую жестокость необходимо признать проявлением всё той же «тонкой» (хотя с точки зрения человека — ещё и чудовищной) методики Природы по выбраковке нежелательной для эволюции сексуально инверсной публики. В данном случае это делается «социально-сексуальным» способом, — используется имеющаяся прямая этологическая связь агрессивности с либидо: извращённость одного параметра неминуемо приводит и к патологии другого.

Существуют, судя по всему, два направления, две составные части гомосексуализма. Одно — женоподобное, как бы имитационное, когда имеет место влечение к женоподобным мужчинам. Многие такие «псевдоженщины» даже рядятся в женское платье, психологически отождествляют себя с женским полом. Это можно было бы признать «правильным» течением — с долей сочувствия к этим несчастным созданиям, у которых, по-видимому, действительно нарушена некая гормональная функция организма, чаще всего по типу трансвестизма, транссексуализма, и им в самом деле следовало бы как можно скорее сменить хирургическим путём свой пол и тем самым решить свои проблемы. Но гомосексуалисты — межвидовые гибриды (и вместе с ними часть бисексуалов из числа чистопородных суперанималов и, реже, суггесторов) — олицетворяют собой существование чёткого влечения именно к «мужественному», маскулинному типу мужчины. Соответственно, есть различные формы мужского гомосексуального поведения. В США, в частности, в столице содомитов Сан-Франциско гомосексуалисты, дабы не путаться, носят «идентификационные» платочки в задних карманах: в левом — только пассивный, в правом — только активный, в обоих — и то и это, «под Цезаря».

Раз есть влечение к мужчине, то это, естественно, — откровенно нечто женское, но эта сниженность, редуцированность к женскому уровню не так видна при маскулинной форме гомосексуального влечения, как при псевдоженском его варианте. То, что женский уровень является неким снижением этико-эстетического уровня, от этого никуда не деться. Женщина объективно красивее мужчин, как носительница набора хромосом XX, она чисто физиологически более «нарядна», как у птиц более красив петух, который тоже имеет симметричные хромосомы. Поэтому требования женщин к физическим (собственно, эстетическим) качествам мужчины, как предмету их любви или позитивной оценки, вынужденно более элементарны, точно так же, как и у петухов к курицам. Для женских критериев в оценке ими мужчин доминантны сила, волевые качества, нередко — физиология, часто — материальная сторона вопроса, являются решающими. В таких явно неравноправных, невыгодных для женщин условиях не может, понятно, не страдать и её этический уровень. Женщине на порядок тяжелее, поэтому ей попросту необходимо иметь сниженный уровень и упрощённую ментальность.

Как-то по ТВ показывали французский фильм «Седьмое небо», повествующий именно об этой стороне гомосексуализма. Если всех тех — переодевающихся женщинами, и даже их партнёров, ещё как-то можно понять, и даже извинить — всё-таки ж болезнь (?!), и к тому же в какой-то мере присутствует элемент женственности, то там — у французов в том фильме — полный мрак! Самые что ни на есть «крутые» мужики (даже без серёжек), — в кожаных куртках, в джинсах, с усами, бородами, лысые, седые и, как и все мужчины, страшенькие, и вдруг — все сохнут от любви друг к другу, с ума буквально сходят. Занятия у них сугубо мужские: бильярд, карты, само собой, выпивка и т.п. И у них клуб специальный для такого времяпрепровождения — «Седьмое небо», где целые толпы гомосексуалистов бродят из зала в зал и, выискивая партнёров, танцуют в обнимку. Смотреть — не то чтобы противно, а как-то голова кругом идёт от осознания того, что подобная жуть существует на самом деле, и что это ещё и показывают не в рубрике, скажем, «в мире животных» или в передаче о буднях психиатрических заведений, а всё это ещё и «охудожествленная» противоестественность! И это показывают по ТВ миллионам (!) людей, докатились и мы: милостиво позволили и нам причаститься «ихним высоким свободным искусством» — испить от пуза из этой, воистину, чаши с мерзостями...

Но, всё-таки, нет худа без добра. Всё же Природа с ними, поганцами, борется. Эти «мужественные» педерасты — суть проявление межвидовой гибридизации, хотя к ним примыкает и определённый процент «радикальных» или пресыщенных суперанималов и суггесторов, с личностным доминированием похоти. И вот таким путём: отвлекая их от процессов размножения. Природа и расправляется с ними, т.е. в следующих поколениях избавляется от их «присутствия» в генофонде человечества. Кроме того, абсолютная, стопроцентная гомосексуальность бывает присуща не только межвидовым гибридным потомкам, сюда же включается и репродуктивный брак диффузного вида, когда в процессе становления и развития организма от эмбрионального уровня до пубертатного периода

происходят некие замысловатые флуктуации (органические или условно-рефлекторные), в результате которых возможно образование инверсного полового самосознания индивида, о чём говорилось выше [6].

Гитлер, уничтожая в своё время сумасшедших и гомосексуалистов (да и с уголовниками он особо не цацкался), с безошибочным инстинктом хищника производил тем самым частичную, в его условиях предельно возможную, но всё же подлинную «видовую санацию», выбраковку именно гибридных особей, действительно нарушавших «видовую чистоту». Хотя саму эту «чистоту» он видел в совершенно ином ракурсе, руководствуясь расистскими принципами, но выводы его оказались, как говорится, «случайно верными». Скорее всего, здесь сработали психологические механизмы квазимазохистского свойства: будучи, мягко говоря, не совсем арийцем, как и не совсем «чистопородным» хищным, а несомненным межвидовым пассионарным (гетерозисным) гибридом, Гитлер направил свою ярость именно по этим руслам, «судя по себе» и всячески не приемля этого, как бы мстя судьбе. Именно линию мести Гитлера — кому-то за что-то — очень часто отмечают, и даже чрезмерно эксплуатируют его биографы.

С учётом множества других «социально обставленных» процессов взаимоистребления хищных гоминид (их смертельная борьба за власть и деньги) и самовыбраковки межвидовых гибридов (их сумасшествие, суициды, неадекватная активность, приводящая к ранней гибели и т.п.), возникает очень интересное обстоятельство. Природа здесь как бы напрямую «сотрудничает» с Разумной Социальностью, с уже чисто человеческой, почти разумной линией общественного развития, по крайней мере, — считающей патологией жестокость и сексуальную извращённость во взаимоотношениях людей. Природа достаточно «хорошо» всё обставляет и на социальном уровне, т.е. у Неё или, возможно, у неких Высших Сил, у Провидения явно «хватает ума» на это. Больше того, раз судьба человечества теперь в руках у него самого, то можно считать, что людям впервые вверены функции Провидения. Как бы некий Высший Экзамен. Отсюда следует ряд очень примечательных выводов о положении и статусе Человечества во Вселенском плане. Но это всё — совершенно особый вопрос...

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

А возможно ли такое общество, в котором бы люди жили счастливо, без чудовищности насилия и мерзости сексуальной извращённости? Неужели построение таких «идеальных» сообществ всегда будет уделом фантастов-утопистов и осуществляться лишь в литературных формах? А всякое реальное построение обречено на всенепременную ГУЛАГизацию?

В человеческих сообществах существуют два уровня «доминирования». У нехищных людей — это «жажда престижа» (правильнее бы сказать, «репутации»), желание быть уважаемым другими людьми. Обычно это завоевывается, точнее, добывается честным трудом, умом, простым образом жизни, добротой (святые). В «классических» деревнях «власть», в хорошем смысле «авторитет» (уважение, почёт, послушание в случае возникшего спора) находится у самых справедливых, честных — у старейшин, аксакалов. Так же точно ухаживают они и за женщинами: доказывают свою порядочность, преданность, стремятся сделать что-то для любимой. У хищных же — это пресловутая «воля к власти», а также «жажда обогащения», доходящие до своих патологических пределов — «власть ради власти», «деньги ради денег». Такова же стратегия у них и в заплучении любым путём «объекта сексуального предпочтения» — одного или чаще сразу нескольких.

При свободе действий между хищными начинается беспощадная борьба за власть. И в итоге человеческие сообщества выстраиваются по стайному принципу «тюремно-камерного социума». Главарь — прихлебатели — исполнители. Тиран — свита — народ. Но борьба наверху никогда не прекращается. И всё это — за власть ради власти. Ну что это, если не «лурьев дефицит префронтальных отделов лобных долей мозга»?

Без постороннего же хищного вмешательства в их жизнь, сообщества нехищных людей очень быстро — за одно или два поколения — вытесняют из своих рядов хищных гоминид. А не то и выбивают их, как волков. И тогда мирная жизнь людей становится достаточно устойчивой. Подобное чаще случается в сельской местности и в небольших городах, а ещё чаще где-то на «краю ойкумены». Там все и всё на виду, хищные здесь не приживаются. Оно и

понятно, — ведь их стесняют в поведении. Они становятся бирюками, бобылями, либо уходят в крупные города. Там для них возможна достаточная анонимность и свобода поведения. Именно поэтому с самых древних времён не прекращается моральное бичевание городов. «Все большие города прокляты».

Но такое вытеснение хищных не всегда возможно, часто хищные гоминиды всё же подавляют общество, навязывая им свои стереотипы поведения, и оно продолжает существовать в той или иной степени охищнения. Этнографы и антропологи при изучении первобытных племён отметили очень важный факт: огромную моральную неоднородность, даже несоизмеримость первобытных культур. Эрих Фромм [42], изучив несколько десятков первобытных культур, выделил среди них три типа, условно объединив их в группы А, В и С.

Группа "А" — это жизнеутверждающие общества, в которых вся культура (т.е. идеалы, обычаи, традиции) направлена на развитие жизни во всех её сферах. Здесь всё минимизировано, нет ни репрессивных институтов, ни наказаний, нет институтов войны. Существует равноправие полов, наций и рас. Дети воспитываются в дружелюбии и уважении. Нет ни зависти, ни жадности, ни тщеславия. Преобладают альтруистические настроения, тяга к коллективизму, сотрудничеству. Личная собственность распространяется лишь на предметы индивидуального обихода. Межличностные отношения строятся на доверии и обязательности. Доброжелательность и уважение распространяются на всё, в том числе и на Природу. В целом, в обществе преобладает жизнерадостное настроение, здесь нет места страху, так как есть потребность в любви — к Природе, к людям, ко всему окружающему миру. Главными ценностями являются жизнь, живая природа. Материальные вещи здесь не ценятся. Потребности в пище, одежде очень скромны, так как духовные ценности занимают главное место в пространстве потребностей. К этой группе относятся общества индейцев зуньи-пуэбло, горных арапешей, батонго, аранда, полярных эскимосов и др. Многие племена — это охотники и скотоводы, но они никогда убивают без нужды, а только для жизненной необходимости. Здесь существует табу на гнев. И хотя есть и бедные, и богатые племена, но нет зависти и вражды. Значительная часть первобытных обществ относится к этой группе. Очевидно, что в этих культурах хищные индивиды в своё время были «выведены под корень». Вот бы и всему человечеству последовать примеру группы "А"!

Вторая группа ("В") — не деструктивные, но всё же агрессивные общества. Группа "В", как это можно понять, характеризуется тем, что хищным (или охищенным?) индивидам предоставлено некое, довольно-таки обширное поле деятельности. Здесь существует соперничество, развит индивидуализм, иерархичность. Агрессивность и войны считаются нормальным явлением, хотя и не занимают центрального места в жизни. Система "В" пронизана духом мужской агрессивности, но нет ярко выраженной жестокости, разрушительности, нет и дружелюбия. К этой группе относятся эскимосы Гренландии, самоанцы, маори и другие племена. Можно вспомнить и древнегреческую Спарту. И тем не менее эту систему Фромм относит к жизнеутверждающей группе, хотя здесь личный успех считается ценностью, в отличие от системы "А", которая свободна от агрессии и где существует тяга к коллективизму. Здесь частная собственность играет большую роль. Главными ценностями в системе "В" считаются личный успех, здоровье, воспитание физически и нравственно (в традиционном именно для этого общества понимании нравственности) здорового потомства. В древней Спарте больных новорождённых детей сбрасывали со скалы. Главными пороками, а вернее преступлениями считаются скабрёзность, сексуальные проступки, клевета, неуплата долгов. Идеальный человек — это результативный труженик, и вся религия направлена на это. Системы "А" и "В" считаются жизнеутверждающими, так как они исключают деструктивность и жестокость. Войны осуждаются, хотя и ведутся, но направлены, в основном, на завоевание женщин. Но для любви времени остаётся очень мало.

И наконец, третья группа, где хищным, как это ясно, удалось осуществить для себя более полное «продвижение». Именно такова система "С". Это — деструктивные, откровенно охищенные общества. Агрессивность, жестокость, разрушительные наклонности как по отношению к чужим, так и своим племенам. Атмосфера в этом обществе — постоянный страх, т.к. коварство, предательство, воинственность и враждебность считаются нормой. Большую роль играет частная собственность, но больше на символы, чем на материальные ценности:

соперничество и постоянный поиск врага и видение его в любом и каждом. Отношения между супругами до крайности враждебны. Верность супружеская не предусматривается. Два признака характерны для этой системы — частная собственность и колдовство. Многие владеют искусством колдовства в совершенстве и насылают порчу, обладая магией болезни. Коварство, хитрость, беззастенчивое продвижение к личному успеху за счёт нанесения ущерба всем соперникам — обычная практика. Главным признаком этой системы является коварство: убить, сделав сначала другом — именно такая месть считается здесь «высшим шиком» (то же самое у современных мафиози, особенно — восточных). Две главные страсти — богатство и секс. Секс здесь присутствует во всех своих извращённых формах. Существует обычай, запрещающий смех, поэтому угрюмость считается доблестью. Быть счастливым категорически запрещается. Любое зло воспринимается как нормальное явление. Вся жизнь — это смертельная борьба с враждебным миром, где зло и жестокость — главное оружие, и где никто не способен на милосердие, и ни от кого нельзя ждать пощады.

Система "С" описана известным этнографом Рут Бенедикт в 1934 году в работе о ставшем знаменитым острове Дабу и его жителях — дабуанцах. Э.Фромм прослеживает аналогию (а она очевидна!) системы "С" с современным западным обществом массового потребления, для которого также не существует никаких ограничений. «Сексуальное непотребство и наркотики — это единственное разнообразие в их мрачном настроении и постоянной депрессии». В современных цивилизациях деструктивная тенденция превалирует над жизнеутверждающей, считает Фромм.

...Подведём краткие итоги. Агрессия и сексуальный аномализм — две основные пересекающиеся «сферы деятельности» хищных гоминид. Часть из них совмещает обе «деятельности». Но для любого из них вероятность того, в каком русле он будет орудовать, равнозначна и также одинаково непредсказуема. После агрессивности, злобности вторым наглядным (хотя и весьма относительно) аспектом проявления человеческой хищности является извращённая сексуальность части человечества. (Третий основной атрибут хищности — коварство, обман наглядным признать ещё сложнее, чаще всего — только задним числом). Но ситуация здесь непростая. При более пристальном рассмотрении этого вопроса, становится ясно, что дело здесь обстоит точно так же, как и вообще с социальным доминированием и асоциальностью — преступностью. Сексуальная извращённость, таким образом, сопутствует хищности, агрессивности, кроме того имеются и процессы «заражения», засасывания нехищных людей в это болото, совращение — по прямой аналогии со втягиванием в преступные круги, а чаще, всё это «хозяйство» совмещается. Все подобные процессы происходят одновременно с духовной деградацией личности. Сюда же, как дополнительный, «рекуррентный» (сопутствующий) процесс, можно включить алкоголизм и наркоманию.

Поэтому существуют в различной степени охищенные общества, как и его слои, некие субструктуры — все они выстраиваются по означенным Фроммом культурным типам "А", "В" и "С". Бесспорно, что в нескольких артистических и балетных труппах любой страны гомосексуалистов на крут выйдет больше, чем во всех её библиотечных коллекторах. Т.е., не всякий извращенец — обязательно хищный, его могли втянуть в аномальную похоть и жизненные обстоятельства. Наоборот же, хищные индивиды — всегда, в обязательном порядке сексуально аномальны, но только очень часто они не имеют возможности проявить себя «во всей красе».

Процессы сублимации широко описаны психиатрами, начиная с Фрейда, но все имеющиеся интерпретации базируются на ложных, надуманных посылах. Вероятно, тот очень широкий спектр сексуальных отклонений (страницы 29-32) и есть проявление некоего «веера возможностей», спектра сублимаций извращённой сексуальности, «выдавливающейся» в самой неожиданной форме при невозможности «заняться» сексуальным делом «по призванию» и «на полную катушку». Какие-нибудь «неладья» с потенцией наверняка могут привести к извращённым — анальным и/или оральным — способам сексуального удовлетворения, как средству замещения естественной формы. Связано это также и с необычайной пластичностью человеческой психики и мощи фантазийного аппарата, часто оказывающего на индивида неодолимое воздействие. Наверняка многие сексуальные (да и не только сексуальные) преступники, будучи слабовольными, к тому же жизненно неудовлетворёнными, оказываются

рабами своей сладострастной фантазии, подпадают под её влияние.

Даже с невинного, на первый взгляд, желания иногда начинается жуткое преступление, если отсутствуют нравственные тормоза. Медицине хорошо известны навязчивые психические состояния. Таковы, например, персеверации — неотступное преследование какой-либо мысли, слова, мелодии. Но они обычно являются редкими, преходящими: маньякам же свойственна стабильная — периодическая или постоянная — обуреваемость собственными «тяжкими думами». О человеке принято судить по его поступкам, что, в принципе, не совсем верно, ибо «человек на самом деле есть то, о чём он думает», просто не всегда создаются внешние условия для претворения в жизнь собственных мечтаний, замыслов, планов.

Мы спокойно жили в СССР, т.к. почти всё имеющееся здесь множество, поголовье хищных гоминид было «благополучно трудоустроено»: они в основном были продавцами, официантами, «творческими интеллигентами», администраторами, партийными функционерами, комсомольскими «вожаками», точнее, составляли там жуликоватую, подлую часть. Лучше всего, конечно, было пристроиться к «номенклатуре». Понятно, что все они исподволь развращали и растлевали общественные структуры. Лишь немногие отваживались воплощать свои «дерзновенные» мечты в жизнь более «полнокровно»: заниматься подпольным бизнесом, быть ярым «диссидентом», вести шпионаж в пользу капиталистических стран и т.п., — это было рискованно, опасно. Была даже изведена под корень уголовная преступность гангстерского типа (организованный, вооруженный бандитизм, которому сейчас открыта «зелёная улица»). И вот, после «перестройки» вся хищная нечисть, которая уже было привыкла жадно, но тихо есть ворованный шоколад под ватным одеялом, получила возможность заняться своим делом, и жрать ананасы и рябчики прилюдно. Всё это можно слышать и лицезреть невооруженным глазом с утра до вечера в радио— и теленовостях. Многомиллиардные финансовые махинации, разборки, заказные убийства, неприкрытая пропаганда извращённого секса, вызывающая, демонстративная роскошь посреди всеобщей нищеты и неблагополучия...

Тождественность, взаимосвязанность сексуальной извращённости (перверсий, девиаций и т.п.) с хищностью, агрессивностью, в общих своих чертах понятна. З.Фрейд, К.Лоренц и многие другие исследователи убедительно доказали прямую связь между сексуальностью и внутривидовой агрессивностью. Это, собственно, в той или иной форме борьба самцов за самку, и ничто иное. Таким образом, предельно возможная агрессивность (убийство) в своём чисто природном проявлении, как борьба за выживание вида, наиболее естественна и совершенно оправдана, как агрессивность межвидовая, как потенция и тенденция к соперничеству, стремление к борьбе с некими иными существами, отличающимися от представителей собственного вида. Это естественная борьба за выживание своих, за себя и за ближних. Агрессия же внутривидовая — это уже некая проекция, «частная производная», как бы инерционный отголосок этой общей борьбы всего вида за своё выживание, благополучие всех членов своего сообщества. Битва за выживание вида ведётся насмерть, до конца, борьба же за самку чаще всего ритуализирована — бьются «по-свойски», до «первой кровянки», по крайней мере, — при естественном ходе вещей.

В нашем «человеческом» случае всё сказанное полностью относится лишь к нехищным людям. Поэтому столь страшная, смертоносная агрессивность, существующая у людей, единственно может объясняться, как именно межвидовая, ибо за самку столь страшно — и хищные и нехищные — высшие животные не дерутся. В этом-то и состоит весь ужас положения. Хищные индивиды совершенно не разбирают «своих — чужих». Их агрессивность направлена на всех без разбору, кажется, вплоть до неодушевлённых предметов: «Александр Македонский, конечно, хороший человек, но зачем же стулья ломать?!»

В этом смысле хищные индивиды проявляют полную неразборчивость: хотя они и ощущают своё отличие от других людей, но у них нет чувства предпочтения для «своих». Они их точно так же любят и/или ненавидят, как и всех других. Они, и впрямь, «лейкартовы» паразиты (это в первую очередь относится к суггесторам): более сильных боятся, приспособливаются, угодничают, но ненавидят их, и при малейшей же представившейся возможности тут же вцепятся им в глотку, всех же равных себе и более слабых давят, притесняют, а если «надо», то и убивают. Нехищные же люди относятся к окружающим добродушно, как к равным, тем более они не обижают слабых. Именно в этом обстоятельстве

проявляется огромное социальное преимущество стадности (коллективизма) нехищных людей, и лишь их охищнение, тлетворное воздействие хищных гоминид («разделяй, ссорь и властвуй») сводит это преимущество практически на нет.

Здесь следует особо выделить т.н. гомофобию, — проявляющуюся у нехищных людей, и почему-то считающуюся сексопатологами иррациональной, подсознательную ненависть к гомосексуализму. В принципе, извращенцы, в том числе и бисексуалисты, тоже должны ненавидеть нормальных людей. И если, как мы полагаем, всякий хищный индивид в своей основе бисексуален, то это легко объясняет совершенно непонятную и кажущуюся иначе беспочвенной ненависть хищных гоминид к нехищным людям, к т.н. быдлу. Для примера можно вспомнить приводимую Аристотелем в его «Политике» «клятву олигархов», в которой античные властители торжественно обещают друг другу неустанно творить всякие пакости эллинскому «простому народу» [21]. И ведь как хорошо «держат паузу» власти предержавшие! — эта гнусная политика «заботы о народе», тождественной геноциду, со стороны властей всё продолжается.

Иррациональной же такую ненависть можно считать лишь в тех случаях, когда она проявляется именно у извращенцев, и именно — к «своим». То есть аристотелевы олигархи, как и все власть имущие должны без всяких клятв, «по умолчанию», но с необходимостью и не меньшей яростью ненавидеть и друг друга, что так же очевидно, как и их ненависть к трудящимся. Подобный — жутковатый — курьёз описан Г.Маркесом в его сумрачной «Осени патриарха».

Некий старший офицер-педераст склонял подчинённых совершать с ним перанусный копулятивный акт, а затем в припадке отвращения к себе и яростной ненависти к партнёру убивал последнего. В конце концов, он не выдержал мук совести и взорвал себя гранатой, вставленной в своё преступное эрогенное место. Неизвестно, был ли у Маркеса реальный прототип или этот отчаянный офицер — плод его неуёмной фантазии, но с видовой точки зрения подобное вполне возможно. Именно так должен был бы повести себя межвидовой гибрид — пассионарий с расщеплённым сознанием: стыдящийся своей безобразной похоти, и в то же время неспособный воздержаться от неё.

В этом механизме можно найти и частичное объяснение повальной ненависти к тюремным «опущенным», в том числе и со стороны нехищных людей, — «мужиков», пользующихся их услугами. Им тоже, по-видимому, «стыдно», и они вымещают это презрение к самим себе на несчастных опущенных. Наверняка, те заключённые, которые в услугах опущенных не нуждаются (например, «пробавляются» онанизмом), подобной ненависти к тюремным изгоям не испытывают, возможно, — лишь отвращение, смешанное с жалостью, что вполне естественно.

Следовательно, хищные гоминиды должны и способны проявлять чувства любви-ненависти ко всем индивидам своего окружения. Но проявление этой их направленности далеко не однородно, т.к. они ярче реагируют на острые возбудители: опасный, сопротивляющийся противник, красивая, неуступчивая женщина. Они при этом возбуждаются сильнее, чем в случаях обыденной тирании над зачуханным безропотным быдлом или заведомой сексуальной «победы» — послеобеденного овладения на офисной мебели приевшейся, пропахшей «Бленд-а-медом» и «Шанелью N5» секретаршей.

Это по традиции именуется эгоизмом, или отсутствием альтруизма. На самом же деле — это полное само-обособление от остальных индивидов (независимость), необходимое следствие инстинкта хищности. Тем не менее хищные стаи всё же образуются, но они всегда ненадёжны, чреватые непременно взаимостреблением в случае возникновения неблагоприятных условий. Например, бандиты очень согласованно, «дружно» грабят банк, а затем — уже «бессистемно» — «мочат» друг друга, дабы увеличить свою долю «трудовой прибыли».

Нехищный индивид тоже и с такой же необходимостью выявляет, высвобождает свою потенциальную агрессивность в форме сексуальных устремлений на неких иных особей, но — всегда очевидным образом физиологически от него отличных. В первую очередь это — женщина. Любая зрелая женщина. Хорошая, отзывчивая, хорошо понимающая мужчин женщина! — хотелось бы добавить, но, к сожалению, это не всегда так: хищный мир психологически уродует наших милых подруг.

Именно такое «разборчивое» поведение нехищных людей является основой социальных форм человеческой жизни: коллективизм, альтруизм, гуманизм. Потенциальная агрессивность «растворяется в женщине» без остатка. Это — теоретически, но реально такого остатка хватает, и с лихвой — на все те преступления, которые совершаются нехищными людьми. В идеальном же случае, при нормальной социальности, т.е. в сообществах типа "А", вся эта мужская энергия целиком и полностью должна уходить на женщин и творческую, в широком смысле, созидательную деятельность.

Существуют два «встречных» потока межвидовой гибридизации. Для хищных мужчин она является, как указывалось, естественной, у них сексуальная направленность неопределённая, они неразборчивы. Да и нехищные женщины с удовольствием (поначалу) им «подмахивают». К тому же, под влиянием сильного сексуального влечения к нехищной нравственной женщине, дабы добиться её благосклонности, хищный мужчина иногда способен на добрые дела. Он, якобы, становится на сторону нехищных людей, но использует при этом всё те же свои насильственные методы (для женщин он — герой). Это явление породило ложный, но живучий миф о благотворной способности любви преобразить самого злого человека. Подобная «перековка» хищника может носить только временный характер — до наступления пресыщенности «добытым в борьбе объектом любви», после чего всё возвращается на страшные «круги своя».

Что же касается нехищных мужчин, то их связи с хищными женщинами должны расцениваться, как противоестественные, во всяком случае, казаться в не меньшей степени странными, чем эксцессы зоофилии. Это, понятно, полностью относится и нехищным женщинам, им тоже следовало бы быть предельно разборчивыми, но к сожалению, как уже говорилось, их позиции весьма уязвимы. И если бы не эти процессы межвидовой гибридизации, в дополнение к социальному охищнению, то действительно тогда было бы «всё прекрасно в этом прекраснейшем из миров». Нехищному большинству тогда легко было бы справиться с хищным, «сильным» меньшинством, которое в таком случае выделялось бы более рельефно в составе человечества. Это и было бы — истинно гуманное — общество типа "А"! Хотя, возможно, — с небольшой, легко контролируемой периферийной бахромой «свободных зон» типа "В" и немногочисленными вкраплениями межвидовых гибридных, социально неадекватных личностей, находящихся под неназойливым присмотром медиков.

Общеизвестен факт, что в пенитенциарных заведениях все попытки борьбы с гомосексуализмом путём устранения его активного ядра оказываются бесполезными. Гомосексуальные иерархии быстро восстанавливаются, вместо старых структур сексуальной «субординации» возникают новые. Это следует понимать таким образом, что сексуальной извращённости, как одному из проявлений хищности, способствует хищная, противоестественная среда, в частности, тюремная обстановка. Это как бы некая «глубокая колея», из которой уже никому «не выехать».

В других случаях сексуального голода (в экспедициях, на флоте) гомосексуальные отношения среди нехищных людей возникают в качестве заместительной формы, запредельного варианта онанизма, как бы на уровне «греха», «сексуального хулиганства», по типу «кавказской шутки». Сопровождается это всякого рода прибаутками, столь же смешными, как и похабными. Это способствует выработке усечённых, нравственно редуцированных стереотипов поведения. За такое поведение людям потом, после возвращения в нормальные условия, становится стыдно. И, конечно же, нормальные гетеросексуальные отношения восстанавливаются полностью, хотя всё же отмечаются и случаи втягивания в противоестественные отношения окончательно, но, по большей части, — это уже явление чисто органического плана, связанное с некими психофизиологическими расстройствами в сексуальной сфере.

Характерно наблюдение Гарнье, взятое из книги Крафт-Эбинга [73]: «Мне известно об эпидемии перекрёстного онанизма в одной берлинской школе, куда она была занесена одним актёром. Хотя в настоящее время я знаю в Берлине очень многих из лиц, страдающих половым извращением, однако не могу среди бывших учеников этой школы указать хотя бы одного, который впоследствии обнаружил извращение полового чувства: напротив, относительно многих из них мне доподлинно известно, что они в настоящее время совершают нормальные

половые сношения и обладают нормальными половыми ощущениями».

Это справедливо и по отношению к женскому гомосексуализму. Тюремные активные лесбиянки совращают в большинстве случаев и обычных в сексуальном плане женщин, которые затем практически всегда возвращаются к полностью нормальной семейной жизни. Активные же лесбиянки способны на жуткие эксцессы ревности (так же, как и гомосексуальные мужчины), как по отношению к сопернику (сопернице), так и к объекту своей страсти, вплоть до убийства. И, конечно же, гетеросексуальные отношения им противны, хотя есть среди них и бисексуалистки — все они, как правило, хищные.

Хищные гоминиды, таким образом, должны, по идее, быть бисексуалами, точнее, «пансексуалами». Последнее медиками трактуется как «неразличение объекта сексуального предпочтения». «Всё, что шевелится...» — этот далеко не шуточный девиз иных «сексуальных гигантов» имеет, в принципе, вполне реалистическую основу. Гомосексуализм, точно так же, как и инцест, и педофилия — это как раз и есть проявление (сексуальная проекция) именно патологической агрессивности, нарушение её нормы. Патологическая агрессивность хищных гоминид, как их психофизиологическая основа, так же проявляет себя и в сексуальной сфере.

Следует отметить, что в человечестве (и даже ещё раньше — в семействе гоминид, предков человека) правила и правит бал патология. Не говоря уже о том, что человек — это «сошедшее с ума животное», т.е. создание патологически невротическое, многие другие аспекты его физиологии тоже как бы с «очевидными пунктиками». Отсутствие волосяного покрова: уникальнейший способ терморегуляции среди млекопитающих, оправданный лишь в условиях солнцепёка, но каково это для обитателя приполярных зон — далеко не райских кущ? Прямохождение, начиная от австралопитеков, — также абсолютно противоестественно для позвоночных животных. Все самые жизненно важные органы — шея, живот, половые органы — никак не защищены, всё выставлено вперёд, наружу! В руках находится 14. а в ногах 16 капиллярных клапанов-насосов, предназначенных для подачи крови вверх. Больше их нигде в туловище человека нет — Природа рассчитывала на «самотек», т.е. на четвереньки, таким образом. Прямохождение — откровенная патология. Медики утверждают, что если бы люди ходили на четвереньках, то 99% т.н. женских болезней попросту не возникало. Все болезни позвоночника тоже напрямую проистекают от двуногости. Во всём человеческом гнездится патология!

Поэтому когда здесь, по отношению к сексуальной извращённости, постоянно употребляется выражение «патологическая», то это говорится как бы «по полемической инерции», т.е. не совсем корректно. Ведь имеется в виду неестественность её по отношению к виду, в человечестве же наличествуют и сосуществуют виды-двойники. Мало того, они поведенчески диаметрально противоположны (хищные и нехищные), т.е. они по самой своей сути совершенно разные виды. Поэтому понятие «патологичность» здесь как бы расщепляется. С одной стороны, агрессивность по отношению к ближнему своему хотя и считается нормальными людьми патологичной, но для хищных гоминид она совершенно естественна. С другой стороны, патологией необходимо признать внутривидовую агрессивность хищных гоминид (их внутренние «разборки»), ибо она возникла именно в форме патологии, т.е. агрессии, направленной на представителей своего же, тогда ещё единого, вида палеоантроповых гоминид (троглодитов), и таковую, т.е. патологической, она осталась и поныне.

Но эта взаимоистребительная, патологическая (для хищных гоминид) активность оказалась необычайно выгодной для выживания нехищных людей. Извечная и неустраняемая разобщённость хищных гоминид оказывается и по сейчас практически единственно спасительным фактором для человечества. До сих пор все оппозиции возглавлялись тоже хищными, единственная цель которых — стремление к власти. Нехищные лидеры всегда «успешно» устранялись, хотя иногда они всё же добивались великих побед (Иисус Христос, Махатма Ганди). Всё же обольщаться в этом плане не стоит: хищники способны во многом договариваться друг с другом (звери-то они как-никак говорящие), в частности, делить сферы влияния и т.п. Если они найдут некий приемлемый для себя и достаточно устойчивый баланс сил в глобальном масштабе, то нехищным людям — хана, из рабского состояния им не вырваться, либо сделать это придётся такой большой кровью, что в ней запросто смогут

утонуть все.

Так что к термину «патология» нужно относиться двойственно: и в конкретном психиатрическом смысле, и в образном, больше — эмоциональном, нежели строго медицинском. Кроме того, думается, что чудовищность проявлений всего этого сексуально-политического «хозяйства» отодвигает вопросы внешней корректности на самый дальний план. Это очень сложный комплекс вопросов, поэтому даже понять главное, уловить суть и смысл всей этой огромной важности проблемы — уже большое дело. Ведь то, с чем человечеству приходится иметь дело, с чем постоянно сталкиваться, воистину, чудовищно! Взять лишь одно: в «хищных генах». т.е. в некоем, присущем хищным гоминидам, структурно устойчивом супергенном комплексе, заложено, имеется и сохраняется в потомстве свойство, обеспечивающее им потенцию к поеданию детей, безо всяких на то угрызений совести, — как предмета, заведомо отсутствующего! Изнасилование ими детей — всего лишь «блажь и нега» этих чудовищ, уже то хорошо, что хоть не сожрали.

Второй анализируемый нами аспект — не менее важный момент в отмеченной взаимосвязанности сексуальности и агрессивности. Это — буквальное «заражение» хищностью, в том числе и полидевиантной сексуальностью, совращение и растление наиболее морально неустойчивой части диффузных людей хищными гоминидами, что называется, личным примером. Значительная часть преступников (во многом, так же обстоит дело и с извращенцами) представляют из себя вовсе не хищных гоминид, а обычных людей, но они заражены — буквально — хищностью. Это — охищенные диффузные люди. Они либо воспитаны с детства в таком духе асоциальноеГ и безнравственности, либо их «повязали» позже (в случае втягивания в преступность). Все они составляют «исполнительные группы» нехищных людей, находящихся в распоряжении хищных гоминид и/или состоящих у них на довольствии. Т.е. диффузный вид включает в себя и скопище потенциальных новобранцев для хищной армии: «необученные годные» — в военкомовской формулировке, которые очень быстро, хотя и не всегда охотно (бывает, вынуждено) проходят «курс молодого бойца» в разного рода и весьма своеобразных «учебках». Это не кто иные, как предатели стада. К счастью, большинство нехищных людей всё же как-то избегают попадаться в лапы к хищным гоминидам, «стадо» (нехищный социум) в общем и целом держится пока ещё уверенно.

Многочисленные случаи благополучного ухода жертв от преступников после уговоров, «отпрашивания» или «пощады» со стороны тех — это всё как раз и есть случаи встречи с такими вот «обработанными» диффузными людьми. Истинный хищник вряд ли отпустит (= упустит) свою жертву. Суггестор — этот точно, ни за что не упустит, но вот суперанимал, тот может — он редко, но всё же способен на великодушие, у него иногда может прорваться что-то типа игривого, «доброе» настроения. Но чаще эта игривость (особенно у суггесторов) проявляется в форме «шутейного», издевательского отпускания жертвы, и когда человек уходит успокоенный и обрадованный избавлением от явной смерти, следует меткий выстрел ему в спину.

В самом общем виде процессы хищного заражения сравнимы с описанной Л.Н.Гумилёвым «психической индукцией», заражением людей «пассионарностью». Это — героическое воодушевление, вызванное подражанием, возникшее под воздействием неодолимого психического давления со стороны пассионария, как, например, в бою исходит воздействие от отважного бойца, «соседа слева». В таком отчаянно бесшабашном состоянии можно совершить немало действительных подвигов, но этот боевой азарт, задор достаточно быстро проходит. К сожалению, его «сухой остаток» — лёгкое отношение к насилию, а то и возникшая привычка к убийству остаются надолго. Это — тоже охищение. По такой же психологической схеме, хирург не может долго пребывать без выполнения операций, он ощущает психический дискомфорт.

Но большинство нехищных людей не могут перенести спокойно и легко подобное психологическое потрясение, их психика оказывается искорёженной. Врачами-психиатрами этот феномен отмечен как различного рода послевоенные психопатические комплексы, проявления травмированной психики: «вьетнамский синдром», «чеченский синдром»... В то же время у большинства солдат Великой Отечественной «германского синдрома» не возникало. Когда есть мощное внутреннее самооправдание (как у того же хирурга), то насилие не вызывает

столь негативных последствий, хотя и не может пройти совершенно безболезненно.

Точно так же обстоит дело и с проекцией агрессивности на плоскость сексуальной извращённости. В силу тех или иных условий жизни, воли обстоятельств нехищные люди могут быть втянуты в противоестественные гомосексуальные отношения. Особенно это распространено в изолированных коллективах: тюрьмы, экспедиции, армия, флот и т.п. Схожее поведение наблюдается и у других видов высших млекопитающих. Например, в группах быков, длительное время изолированных от «любовного общения» с коровами, начинаются вспрыгивания быков друг на друга. Но при восстановлении нормальных условий «временные девианты» могут быть возвращены «на путь истинный» — вернуться к гетеросексуальным отношениям. И всё же «педерастический комплекс» у них останется навсегда, даже и при нормальной во всех отношениях дальнейшей жизни, самооправданий у них быть не может, можно только постараться всё забыть.

Но и в период своего гомосексуального существования их фундаментальная тяга к женщине, так или иначе, но прорывается, зачастую, в самых уродливых и неожиданных формах. Так, в тюрьмах на спинах пассивных педерастов, «опущенных» (раньше имевших тюремное звание «козлы», теперь разжалованных в «петухи», «петюни»), татуируются голые женщины в самых недвусмысленных позах. Никакие другие татуировки — «визитные карточки» заключенных опущенным не «выдаются». Им, кстати, обычно дают и женские имена, что находится в том же русле объяснения.

Тот факт, что насильников в тюрьмах в принудительном и обязательном порядке «опускают», делают из них «козлов», «петухов», на первый взгляд, может показаться похвальным, как бы неким вариантом «народной расправы». И это действительно есть некая форма, точнее, отголосок борьбы ненастоящей, наносной хищности с врождённой безнравственностью хищных гоминид. Некое уродливое подобие принципа «добро должно быть с кулаками». Как внешний мир («воля») в лице официальной власти декларирует и кое-что делает в интересах народа, нехищных людей (власть вынуждена делать эти поблажки в целях маскировки своего хищного нутра), так и в лагерных зонах и тюрьмах — происходит внешняя демонстрация, якобы, справедливого возмездия чудовищам (остальные, мол, не такие). Но в этой тюремной «правилке» больше бахвальства и показухи (равно как и на «воле»: обеспечение веры народа властью имущим проходимцам), и ещё больше — заботы о создании для себя достаточного контингента пассивных гомосексуальных партнёров (на «воле» — привлечение пропагандой достаточного электората для победы на очередных выборах). Вот если бы в местах заключения убивали матерых, воистину «злостных» убийц, кастрировали насильников детей, рубили руки тем вора, которые позарились на последнее у бедняков, то тюрьмам бы тогда цены не было! (На «воле» это соответствует стихийным восстаниям, народным революциям и беспощадному «фонарному контролю снизу» над властью имущими мерзавцами).

Есть возможность как-то проследить крупномасштабное распространение хищного (точнее, псевдохищного) поведения. Имеется в виду воспитание т.н. «безфрустрационных» детей по методике некогда знаменитого педиатра, психолога Бенджамина Спока («фрустрация» — психическое состояние, вызываемое препятствиями в достижении цели).

Детей воспитывали таким образом, чтобы ни в малейшей степени «не давить на психику», — не делать никаких замечаний, не наказывать ни за какие проступки до самого их взросления. В результате подобного «не осаживания вовремя» негативного детского поведения в США появилось огромное множество (опять же американский размах!) предельно наглых, вот этих самых «безфрустрационных» детей. Судьбы многих из них сложились ужасно, в чём-то напомнив участь «опущенных» в тюрьмах. Они, повзрослев и столкнувшись с настоящей жизнью, бывали в большинстве случаев психологически сломленными, ибо оказались не готовы ни к какому отпору. Для собственной защиты от агрессии со стороны окружающих у них ничего не было кроме вызывающей, вздорной наглости, за которой не существовало никакого психически обеспеченного «тыла». Это, и впрямь, похоже на то, как если бы избалованному, капризному юноше в одночасье оказаться в лагерной зоне. Ведь в США практика третирования и преследования более слабых членов всех общественных групп, в особенности производственных коллективов, очень развита, и имеет самые беспощадные формы [26]. Другими словами, у «споковских» ребяташек не был в детстве выработан (привит)

«социальный иммунитет». Понятно, что лишь те из них, которые были хищными, пошли дальше по жизни уверенно, имея подобный иммунитет и так — он у них врождённый. И они на отпор со стороны нового (взрослого) хищного окружения ответили ещё большей степенью наглости и изошрённой жестокости. Они вели бы себя почти так же и без воспитания «по Споку». Такое воспитание (без сдерживания) наиболее полно подходит именно хищным детям, они как бы сразу наставляются «на путь истинный». А вот нехищным оно оказывается «не в жилу». Их следует, если уж приходится охищнять, наоборот, натаскивать, приучать постепенно к отпору, и затем — нападению. Для этого надо уничтожить или как-то подавить нехищные, добрые стереотипы поведения.

Нечто подобное существует у японцев, у которых практикуется та же самая вседозволенность детям, попустительство их шалостям, но только — до семи лет. Затем следует резкая смена курса — дисциплина и неукоснительная ответственность. Именно эта методика, видимо, и определяет национальный характер японских диффузных мужчин — суровых, настойчивых, безжалостных, т.е. характер этот достаточно охищен. Хотя, возможно, существует некая, в нынешних условиях совершенно необходимая, воспитательная «золотая середина».

Но американцам, понятно, подавай размах! И всё же янки-педагоги не «дотянули» — для полного ажюра надо было как-то поднатужиться и постараться ничего не запрещать людям с детства до самой смерти. Впрочем, в США где-то так оно и есть, там существует полнейшая безнаказанность «де-факто» для тех, у кого есть очень большие деньги. Пойди, арестуй миллиардера — «наркобизнесмена», хоть бы на том и «висели» десятки жутких преступлений. Поимка колумбийского наркобарона Эскобаро, как и арест панамского диктатора Нараньеги — всё это лишь разборки между властью имущими, кто-то кому-то чего-то недодал или не так выразился.

Предел в проекции агрессивности на сексуальную «плоскость» у нехищных людей — это т.н. «мужская дружба», при которой нет ни малейшего сексуального колорита в отношениях, но есть доброе отношение, тёплая радость при встрече, «роскошь истинно человеческого общения». Даже пьяные объятия и поцелуи у нехищных мужчин не есть форма прорыва скрытого, глубинного гомосексуализма, как утверждают апологеты повальной бисексуальности, якобы, присущей всем людям. Физиологическая сторона при подобных «контактах» достаточно неприятна в сексуальном аспекте, она сохраняет свою отталкивающую форму, охранительную функцию. Всё — как в отношениях с близким родственником: братом, отцом, сыном. Даже больше и лучше, ибо нет той «квази-субординации», некоторой стеснённости, которая всё же существует в отношениях между родственниками. Чувство симпатии, возникающее при этом, ближе к всеобщему альтруизму, желанию проявить доброту ко всему вселенскому.

ВОЙНА МИРОВ

Публицист, геополитик и «конспиролог» А.Г.Дугин в своей концепции «консервативной революции» отмечает одну невероятно важную вещь [39]. Об этом же, но в другой терминологии, пишет и социолог, аналитик С.Г. Кара-Мурза [34]. Поднята же эта тема ещё в прошлом веке, в частности, российскими мыслителями — евразийцами, славянофилами. Дело вот в чём.

Повсюду в мире происходит борьба «геополитических типов»: глобальное противостояние двух глубинных, архетипических моделей поведения людей. Их этика, психология, мотивация поступков совершенно различны. Имеются для них многочисленные определения. Патриоты и космополиты, почвенники и западники, традиционалисты-фундаменталисты и прогрессисты-демократы, «евразийцы» и «атлантисты» и т.д. И всё это противоборство, как утверждает А.Дугин, обязано своим происхождением, якобы, географии, т.е. определяется в чистом виде ландшафтом, в которых живёт тот или иной народ. Морская цивилизация, «талассократия», с одной стороны, и земная, «теллурократия», с другой. Море и Суша. Поле битвы «народов моря» и «сынов земли» — не только политика, экономика и т.п., но вся культура, весь быт, уклад жизни.

Атлантисты — это Запад, во главе с США. Основная характеристика Запада — это индивидуализм, персональная независимость, эгоцентризм, отсюда и «права человека», как предельное социально возможное воплощение эгоизма. Народы же, населяющие «глубинку» материков, создают «традиционные» общества, консервативные. Именно такова, в частности, и Россия, создавшая уникальную, самобытную цивилизацию — интеллектуально и духовно — всемирного звучания и значимости. С. Г. Кара-Мурза, развивая эту тему противостояния диаметрально противоположных ценностных ориентации, говорит о неустранимых различиях между «традиционным» обществом и «обществом потребления». Личность (и взаимопомощь) — или индивидуум (и конкуренция).

Всё вроде бы правильно и неоспоримо, но вот одна заковка: почему в «теллурической», консервативной, традиционной России, многовековом оплоте справедливости («правды»), совести, сострадания, и вдруг — все эти «атлантисты» появляются — гайдары, ельцины, собчаки, станкевичи, чубайсы? В семье не без урода, что ли? А на Западе, даже в Америке существует масса собственных «почвенников», отрицающих саму идею современного капитализма — как торжества хищного (паразитарного) ростовщического капитала. Тот же Гитлер, пусть больше на словах, но всё же был приверженцем идеи честного трудового капитала, в отличие от жульнического биржевого. Как это объяснить? Человек человеку — «волк» или же «товарищ и брат»? Или то и то?

Знаменитый анархист, князь П.А.Кропоткин в своё время ответил на этот вопрос достаточно оптимистично. «Взаимопомощь, справедливость, мораль — таковы последовательные этапы, которые мы наблюдаем при изучении мира животных и человека. Они составляют органическую необходимость, которая содержит в самой себе своё оправдание и подтверждается всем тем, что мы видим в животном мире... Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов — инстинкт Взаимопомощи — является наиболее сильным» [45]. «Его устами бы да мёд пить», как говорится. Но...

Но отсюда следует прямой и однозначный вывод: не все человеки-то обладают некими «первейшими» инстинктами, не все, значит. «последовательные этапы» развития от животного к человеку они прошли. Именно «хищные» животные, по определению Ницше, и есть «независимые», лишённые чувств стадности. Осталось лишь констатировать имманентную, врождённую хищность части представителей человечества, и всё окончательно становится на свои места. Т.е. люди — человеки и человечины — не такие уж братья и сестры друг другу выходят.

Всё дело в том, какую модель поведения, линию развития (или регресса) задают (навязывают) тому или иному обществу его власти предрешающие, то бишь, хищные олигархи, и как они преуспевают в этой своей борьбе с нехищными людьми, считай, с собственным народом. Другими словами, в мире, во всех человеческих сообществах происходит постоянная борьба человеческих хищных и нехищных видов, и всё зависит от того, на чьей стороне перевес сил в тот или иной момент истории, и от этого зависит степень охищнения общества. Именно они, хищные гоминиды, их количество и степень влияния на общественное сознание (т.е. уровень охищнения менталитета общества) определяют духовный вектор государства, общества, социальной группы, вырабатывают для рядового человека того или иного сообщества «идеологический» стереотип — что считать для себя морально приемлемым: грабить соседей (набегами или постоянно их обманывая) или честно трудиться на своём клочке земли (отдавая значительную часть плодов своего труда хищным паразитам), т.е. быть ограбленным или обманутым.

На «земле», в общине, в трудовом коллективе «стадные» соседи не дают развернуться всем этим «пассионарным индивидуалам», и те, проворовавшись или заскучав, а то и зарубив кого-то в пароксизме жажды обогащения или власти, чаще всего, — руки в ноги, на корабль и — фьют! — за моря-океаны. И если им удастся, то они и создают такие вот «талассократические» общества с откровенно пиратской психологией. Вспомним официальные государства корсаров — Тунис, Алжир XVII века, эти бесспорные «духовные» предтечи США. А с другой стороны, контрастно — реликтовые общества типа "А", по принципу которых несомненно всегда пыталась выстроиться Россия, точнее, русский и многие (к сожалению, не

все!) другие народы этой страны. И кто знает, может быть и выстроили бы, в конце концов, что-нибудь путное на 1/6 части суши. Но не дали, — «атлантисты» вновь, как и в 1917 году, сбили Россию с курса. Хотя, скорее всего, без этого страшного псевдосоциалистического эксперимента та Россия, с её инородческими правителями, всё равно в итоге стала бы сырьевым придатком Запада, что доказывают и нынешние события.

И за что нужно ненавидеть «коммунистов» СССР, так это главным образом за то, что они, имея всё: богатейшую страну, неприхотливый народ, и не смогли построить это светлое нехищное общество всечеловеческой мечты людей труда. И не только не сумели этого сделать, хотя и могли, но и ещё, как последние олухи, позволили своим генеральным предателям «сдать» страну «атлантистам».

Стало уже неким безоговорочным стереотипом то утверждение, что Реформация воспитала некий особый тип «фабричного» человека, или, в терминологии А.А.Зиновьева, «западоида» — эгоцентричного индивида, стремящегося к богатству, обуреваемого «трудоголизмом». в отличие от «католических», «православных», «буддистских» и т.п. людей, у которых обогащение и трудовая рьяность не стояли так остро «на повестке дня».

Можно сказать одно: если бы у Лютера и Кальвина не было «под рукой» достаточного количества хищных гоминид, то ничего бы у них не вышло. Не Реформация сотворила современного корыстно-злонравного «западоида», а совершенно наоборот: хищные гоминиды Средневековья победили в отдельных местах планеты Земля, в сильной степени охищнив ряд обществ и государств, что и получило для себя название Реформации. Буржуазные же западноевропейские революции — это окончательный «юридический» приход к власти «новых суггесторов». более деловитых, коварных, расчётливых и изворотливых, нежели прежние пресыщенные, обленившиеся королевско-аристократические круги в своих по-дурацки роскошных, попугайских нарядах.

Доказательство сказанному есть то, что провозглашённое тогда Церковью «разрешение на обогащение» путём честного труда легко и совершенно безболезненно, безо всяких на то нравственных мук переросло на Западе в оправдание идеи приобретения богатства любым путём. Другими словами, одним честным трудом, без колонизации, грабежа других народов, рабовладения и т.п. хищнических «экономических» мер, «золотой миллиард» нынешнего благополучия не достиг бы никогда. До сих пор в странах Западной Европы и Америки многие рантье живут на дивиденды от капиталов прежних, колониальных — «золотых и пряных» — времён.

Традиционные же общества, в том числе и российское (во всяком случае, большинство людей, составляющих эти общества) так и остались при своём «особом» мнении: «трудом праведным не наживёшь палат каменных», что есть не что иное, как социальная аксиома хищного мира. И вот теперь Россия, раздетая догола и с пустым желудком (как и полагается при хирургическом вмешательстве), брошена бесовскими алхимиками в реторту нового, скорее всего, последнего с её участием социального эксперимента. Самое же обидное во всём этом то, что народ так просто обвели вокруг пальца, что все те социальные завоевания (право на труд, бесплатная медицина и многое другое), по выражению того же А.А.Зиновьева, мы именно «прошляпили», никто из нас не ожидал такого лихого разворота событий, несомненно хорошо отрежиссированных и щедро оплаченных.

Недавно по ТВ во второй (!) раз прошёл великолепно поставленный сериал «Гангстерские хроники. Американская история». Облагороженное описание «трудового процесса» и личной жизни, быта великих гангстеров Америки: Аль Капоне, Чарли Лучиано и др. Необычайно характерен один их доверительный разговор между собой, этакая «задушевная» беседа в купе поезда этих, разоткровенничавшихся, благодумствующих после удачно провёрнутого дельца, бандитов и убийц. Мол, они — в прошлом всего лишь жалкие, необразованные оборванцы, мелкие воришки, поднявшиеся с самого дна общества, и вот, добились теперь всего, достигли социальных вершин! Где такое возможно?! — спрашивают они друг у друга. И сами же отвечают: только здесь, только в США — в стране великих возможностей! Действительно эта страна — идеальный плацдарм для процветания хищных гоминид. Правильнее было бы назвать этот фильм несколько иначе: «Американская история = гангстерские хроники».

Но чего, спрашивается, они всего такого там достигли? Продавали подпольное виски во

времена сухого закона, грабили при помощи рэкета рабочий люд, и вот — имеют деньги, живут в роскоши и в постоянной опасности быть убитыми конкурентами, которых они пока что убирают удачнее, несколько быстрее, но потом уберут и их. Всё! Капец! Нет у них больше ничего за душой! Совершенно ничего! Да и души, поди, нет! Но вот жизнь трудовому народу они портят основательно.

И вот теперь эти «достиженцы» нагрянули к нам, в Россию. Русский народ, имея в виду весь восточнославянский суперэтнос, характеризуется именно обесхищенностью, практически полным отсутствием хищных — «чубайсообразных» и «гайдароподобных» — чудовищ, которых здесь не больше 1-2%. В других же странах их количество может достигать до 15%, а в иных общностях и нациях — и больше. И если бы их не было в России столь мало, то капитализм здесь давно бы уже торжествовал свою окончательную победу, никаких колхозов-совхозов уже и в помине не было, новоявленные помещики и латифундисты давно бы скупили все российские земли. Поэтому и требуется дополнительное западное хищное влияние и непосредственное участие в «холодных» военных действиях. Ведь в России идут, безо всяких преувеличений, две войны: холодная гражданская война и плюс международная интервенция! Но народ пока держится, правда, из последних сил, а надолго ли их хватит? Русскому народу предстоит очередная борьба не на жизнь, а на смерть. Все нравственные, традиционные ценности русского народа подвергаются беспощадному антиморальному хищному нападению.

Сейчас у нас — на дворе России — стоит суровое ненастье ноября 1941 года, с той «лишь» разницей, что в Кремле не Сталин и Жуков, а доморожденные представители «Гесс, Геббельс и К°», лихорадочно готовящие пышную встречу Гитлеру, апогеем которой явится затопление Москвы под аккорды интермеццо Вагнера «Полёт Валькирии».

Этой смертельной борьбой — быть России Россией или не быть вообще — захвачены, в том числе, и интимные отношения людей. Патриоты — символизируют закомплексованность, стыдливость, морализаторство. Естественно, что на таком фундаменте легко возрастает и некоторое ошутимое ханжество, что, в принципе, не должно осуждаться, оно является как бы издержками, оборотной стороной медали (очень ценной).

Западники же — это полная сексуальная расторможенность, бесстыдство, распущенность, «плейбойство», сексуальный либерализм (= безграничная разнузданность). На этом уровне если и возможно ханжеское (т.е. лишь внешне пристойное) поведение, то потребовалась бы огромная доза артистизма (скрыть подобное, кажется, невозможно!), это больше похоже на попытки всучить банковскому автомату фальшивые, плохо сделанные деньги. Действительно, многие /про/западные политики имеют ярко выраженную порочную внешность, фальшивые наигранные манеры. Несмотря на то, что на них вкалывают целые отряды имиджмейкеров (специалистов по выделке овечьих шкур для волков и гиен), внешним образом «окультуривающих и очеловечивающих» это гнусное зверьё. Достоевский, как в воду глядел, когда пророчествовал: «Если кто и погубит Россию, то это будут не коммунисты или анархисты, а проклятые либералы!»

Отмеченная «эротическая спецификация» соответствует глубинным архетипическим импульсам. Юлиус Эвола [39] определяет это как «метафизика секса», — пусть громковато, вычурно, но главное — суть проблемы, а она ухвачена верно. В нашем ракурсе — это «сексуальные производные» нехищности и хищности, соответственно. Ю. Эвола утверждает: сугубо мужской, вирильный, фаллический эротизм характеризуется стыдливостью, стремлением к интериоризации секса. Другими словами, это — скромность, сдерживание нехищных людей.

На Западе же общий тонус эротического напряжения становится всё более и более феминистическим, и даже матриархальным. Т.е. хищные гоминиды бьются «о женский потолок нравственности», из под которого им не вырваться. (Женщинам, в силу своих психофизиологических свойств и тяжкой социальной роли, попросту необходимо иметь определённую этическую сниженность). И нужно сказать, что буквально все житейские аспекты охвачены этой борьбой сексуального непотребства с традиционностью, консерватизмом. Это действительно совершенно разные модели отношения людей к интимной жизни.

«Легализация эротизма — это первый шаг к кастрации мужчины, к вырождению секса до

уровня ментальной энтропии, к снятию великого напряжения» [39]. «Конспиролог» А.Г. Дугин отмечает в этой связи, что среди «перестроечных» политиков очень много «женственных» типов. Точнее было бы сказать прямо, «без конспирации» — педерастических. Западная модель поведения — более «лёгкая», свободная, ведь действительно гораздо легче вести себя разнузданно, не сдерживаясь, не тормозя себя нравственными установками.

Именно к такой вседозволенности и вседоступности призывают западные секс-культуртрегеры Россию. Даже — к большей: вообще без всяких ограничений. Стоит открыть на любом месте газету соответствующей направленности, которых теперь не счесть — имя этим изданиям легион — и это становится очевидным. «5-24. Молодой человек 30 лет познакомится с женщиной-мазохисткой или транссексуалкой 18-60 лет для выполнения её приказаний и любых сексуальных фантазий». «24-33. Отдых со стройными и нежными юношами, обаятельными трансвеститами, необыкновенными транссексуалами, мужественными атлетами, покорными рабами или просто классными ребятами и девушками». «24-88. Молодой, симпатичный, высокий, стройный юноша с очень большим мужским достоинством познакомится с состоятельным господином. Возможно участие девушки. Приглашаю к сотрудничеству девушку» («Частная Жизнь», N5, 1993, N24, 1997). Комментарии здесь, как говорится, излишни...

Консервативная же модель требует от индивида постоянного контроля и оценки своих действий. Если моральный уровень человека высок, то для него это не составляет труда. Мораль в обществе, понятно, со временем меняется, но основой нравственного прогресса является человеческая совесть, которая, как уже говорилось, во многом такое же чувство, как и другие: слух, зрение. Это, можно сказать, шестое чувство, и не у всех оно есть. Хищные гоминиды — неизлечимо «нравственно слепоглухие» от рождения. Совесть можно выявлять (и это уже худо-бедно делается!) путём специального тестирования и градуировать её по некой, например, десятибалльной шкале: нет совести — 0, очень низкий уровень — 1, низкий уровень — 3, уровень ниже среднего — 5, средний уровень — 6, уровень выше среднего — 7, высокий уровень — 9, очень высокий уровень — 10.

Весьма показательны исследования генетических оснований этики, проведённые советским учёным В.П.Эфроимсоном. «Естественно до сих пор не вмешивалось в проблемы этики и морали. Между тем этика и альтруизм являются столь же несомненным продуктом естественного отбора, как и его нервная или эндокринная системы... Эволюционно-генетический анализ показывает, что на самом деле тысячекратно осмеянные и оплёванные софистами этические нормы и альтруизм имеют также и прочные биологические основы, созданные долгим и упорным, направленным индивидуальным и групповым естественным отбором» [31].

Нехищные люди диффузного вида, в принципе, способны «настроить», усилить нравственное чувство позитивным /само/воспитанием. Но значительная часть диффузных людей бывают не в силах совладать с собой, тем более, если на них ещё и оказывается мощное разлагающее хищное воздействие негативной социальной обстановки. За нравственное поведение «воздается», но — позже, после того, как человек, уже умудрённый жизненным опытом, понимает, что он вёл себя правильно, по достаточно высокому критерию. Аморальное же поведение не выдерживает анализа, критики, требуется именно неспособность оценивать собственные действия по шкале «хорошо-плохо». Это и есть моральная неменяемость, или, в других терминах, «лишённость морального сознания», «отсутствие третьей сигнальной системы» у человеческой особи. Понятно, что для таких «слепоглухих» — морально неменяемых хищных гоминид — этот этический оценочный процесс проходит «мимо» и потому их не затрагивает. Некоторые из них «хорошо» всё понимают, точнее, знают (владеют информацией) о том, что их поведение предосудительно, но их изворотливо-угодливое сознание вырабатывает некие оправдательные стереотипы весьма широкого интеллектуально-эмоционального диапазона. Широкого, — если иметь в виду коллективное «духовное наследие» хищных гоминид в целом, но взятые по отдельности их самооправдания часто поражают своей убогой ограниченностью и примитивизмом. Нехищные же люди, ступившие на путь служения злу, вынуждены всячески — чисто физиологически (например, алкоголем) — глушить остатки совести, поэтому им приходится не так уж и сладко, но винить в

этом они должны только себя.

«Кризис сексуальности отражает более общий кризис современной культуры, и на уровне секса лишь проявляются более общие и более глубокие процессы человеческой и социальной деградации. Параллельно тому, как сам кризис является следствием разрыва с Традицией, так и эротические проблемы современных людей проистекают из утраты традиционного отношения к полу и половой реальности человека. Подлинная сексуальная революция, революция мужчин должна вначале снести до основания подлую социальную постройку и возродить верность национальным и религиозным традициям во всём их объёме» [39].

В самом общем виде, противостояние, точнее, война этих двух этических миров, трагически сосуществующих на одной планете, нравственная битва сатанистов и гуманистов (атлантистов и евразийцев), всё это полностью, хотя и в миниатюре, подобно тому, как прибывающие время от времени из дальнего плавания изголодавшиеся по сексу и алкоголю морячки (особенно — пираты) вытворяют в портах такое, что «мирному» жителю кажется чудовищным. Оргии, драки, пьянство, поножовщина; в общем, — полная разнузданность.

И вот, стоит образно представить себе теперь, что всё это непотребство творилось и творится ныне в глобальном масштабе, и перед нами тогда окажется геополитическая всемирная история. Всепланетное нашествие разнузданных пиратов, дорвавшихся до береговых утех. А их здесь уже ждёт с распростертыми объятиями континентальное криминальное и извращённое отребье. Но разница состоит в том, что если «гуляющим» морякам в реальных портах отводят обычно некую улицу или квартал «красных фонарей», то здесь — на этом метафорическом, но тоже не менее реальном «геополитическом берегу» — они обрели полную для себя свободу и оккупировали почти весь город. Они — и втягивают жителей в свой разгул, и уговаривают ласково, и грубо заставляют, и насилуют. Всё идёт в ход: и кнут, и пряник, и топор: уговоры, угрозы, избиения и даже убийства людей, упорно отказывающихся от навязываемых им «сатанинско-атлантических радостей жизни».

История прямо-таки нашпигована фактами массового охищнения обществ. Примеров тому — превеликое множество. Достаточно будет вспомнить древнегреческие да древнеримские массовые оргии. Всякие там вакханалии, сатурналии и прочий пьяный блуд. Многотысячные «сексуальные заплывы» в Риме: в огромных бассейнах смешивались в сексуальных клубках всевозрастная и всеполая публика — без разбору [32]. «Дурной пример», и вправду, заразителен. Безудержное, бесконтрольное (в том числе, без самоконтроля) поведение, разнузданность крайнего толка. Это неадекватное «раскрепощение» является для диффузного вида крайне привлекательным занятием, лишь затем людей будут поджидать нравственные, а не то и физиологические — «венерические» — муки. Для хищных же подобное распутство в порядке вещей, это даже их идеал, а всякие запреты к его достижению для них — как кость в горле и в ещё одном месте.

Сейчас положение несколько не улучшилось. Запад докатился до того, что снизил даже само понятие «любовь». Выражение «заниматься любовью» — что может более профанировать тот смысл, который миллионы и миллионы людей вкладывают в слово любовь, в понимание этого романтического чувства? В этом напрямую прослеживается именно животность, зоологичность Запада. В США — этом авангарде «сексуального нового мирового порядка» практически уничтожен культ романтической любви: групповой, извращённый секс стал скотским уделом «средних американцев» — уже без разбора пола, вспомним вышеописанный «культурный отдых американских трудящихся масс» на спец-курортах, где предаются свинству под названием «swinging». Половое «воспитание» детей, брачные договоры взрослых — документы, подтверждающие предельную корыстность и взаимную боязнь «любовных компаньонов» обмана, — сменили романтику прежних отношений мужчин и женщин.

А беспредел проституции в странах Третьего мира, в частности, в Азии (Таиланд, Шри Ланка)?! В проституцию втянуты и сотни тысяч детей — в сексуальное обслуживание приезжающих западных туристов плюс экспорт этого живого секс-товара на Запад. Снимаются порнофильмы с участием детей для утех хищных и охищненных мерзавцев Запада. Да и на родине у них не краше — в тех же США сотни тысяч малолетних проституток торгуют собой, дабы заработать себе на кусок хлеба и «папе на героин». Жизнь «золотого миллиарда» должна изучать не созданная пока наука — «социальная зоопсихология».

А пока наступление на Россию идёт полным ходом. На одном из «горячих участков» передовой линии фронта этого наступления — растление детей. Памятна шумиха 1997 года вокруг т.н. законопроекта «О репродуктивных правах граждан». Государственная Дума и правительство проявили заботу о правах (ох, уж эти права!) граждан России на рождение и воспитание детей. Как будто без этого законопроекта люди прекратят все свои «репродуктивные занятия»! Суть законопроекта очевидна: во-первых, усугубить снижение рождаемости в и без того вымирающей России, даже специально финансировать этот депопуляционный процесс и, во-вторых, ввести в школах обязательный курс «полового воспитания», т.е. детей уже в начальных классах предполагается обучать «грамотному сексу». Очевидно, что всё это будет «наилучшим» образом способствовать истреблению и нравственной деградации населения России.

ВОЙНА МИРОВ — 2

Некогда футурологами предрекалась будущая война, уже, наконец-то, война последняя, и состоится она, якобы, между мужчинами и женщинами. Предполагалось, что все общественные антагонизмы исчезнут, остальные противоречия как-то разрешатся, в обществе останется одно-единственное размежевание — половое. Между полами начнётся противоборство. Похоже на то, что реально вести такую войну способны именно хищные гоминиды. Оставшись вдруг без врагов, уничтожив нехищных людей, они, понятно, примутся друг за друга, не разбирая пола и возраста. Конечно, это может показаться фантазией, но она имеет свои реальные корни. Можно даже сказать, что эта война — хищный геноцид в отношении нехищных людей — уже давно идёт, и закончиться она может только всеобщим крахом человечества, в «лучшем случае» — грандиозной социально-экологической катастрофой.

При победе же нехищных людей, что единственно спасительно для человечества, события развернутся по-иному. Останутся противоречивые, но неантагонистические, т.е. в меру враждебные отношения между мужчинами и женщинами. Консенсус здесь невозможен, чаще — в двух третях случаев будет чья-то победа, в одной паре — на стороне женской, в другой — мужской. Примерно — поровну. Треть же пар будет распадаться или пребывать в перманентной борьбе с частыми перемириями. Всё это — из статистики быта семейных пар со средним уровнем «благополучия» во всех смыслах, т.е. однозначно — нехищных. Хищные же отношения приводят к крайностям по всей «линии фронта». Неантагонистические противоречия между полами всегда были и будут, они проистекают из биологической сущности человека. Система «ненависть-любовь» останется, но лишь в форме вспышек семейных ссор как психологической разрядки, с последующим сексуальным («постельным») примирением, и затем с достаточно длительным дружеским «плато» взаимоотношений хорошей семьи, воспитания дружных детей. Понятно, что не у всех это получится, будут и «неудачные» браки. Противоборство здесь неизбежно.

Раз сексуальность напрямую связана с агрессивностью, то гетеросексуальность и есть предельная проекция человеческой агрессивности, нормальной для нехищного человека. «Мужчины, в половом отношении, обладают потребностью наступать (в прямом и переносном смысле), женщины — стать объектом наступления» [4]. Полная аналогия ухаживания за женщиной с «военным искусством». Люди воевали почти исключительно «по рыцарским правилам» где-то до начала XX-го века, т.е. до появления отравляющих газов и динамита, пулемётов и гранат, напалма и гербицидов, а также ядерного, психотронного и информационного оружия. Раньше же всё было чинно и благородно (если, конечно, здесь применимы эти слова, прости господи, смертоубийство ж всё-таки). Разведка, осада, призывы сдаться мирно, без боя — это наиболее гуманное завершение боевых операций. По этой воинской аналогии в отношении женщины — «сдастся — не сдастся», победа или поражение (отступление)!

Но женщина сопротивляется, не соглашается. У животных подобные механизмы также существуют, инициатива поисков партнёра принадлежит самцу, нередко наблюдается мнимое или действительное бегство самки. Тогда налицо такое же соотношение, как между хищным животным и его жертвой. У иных народов, особенно в былые времена, любовное

домогательство заменялось грубым насилием, похищением, даже приведением женщины в беспомощное состояние нанесением ударов. Видимо, самка убегает от самца, чтобы вызвать у него «спортивную» злость (аналогичную раздражению от потери, раздосаде при уходе добычи) и, следовательно, усилить сексуальное влечение, да и просто — проверить самца «на вшивость», вдруг он совсем никудышный, и догнать-то неспособен. У людей прослеживается почти то же самое. При «подставлении» женщины без сопротивления сексуальность очень часто угнетается. Вот он — тот самый корень провокационности, исходящей от женщин! Отмеченный Марксом «женский фермент» присутствует во всех социальных процессах. Но и без него нельзя, так что определённый уровень агрессивности не только необходим, но, выходит, и неизбежен. И это не страшно: возможно, в будущем это и будет последняя война на Земле, война миров — женского и мужского. Война — нескончаемая и сладострастная...

Соперничество между мужчинами из-за одной и той же женщины будет решаться в неких «творческих поединках» претендентов, без «турнирных» битв. В этом будущем наверняка будет царить матриархат. По крайней мере, он будет востребован на самых высших уровнях власти. Верховная власть — у женщин, всё прочее руководство общественными делами осуществляют мужчины. Для остальных здоровых женщин фертильного возраста занятия, рекомендованные некогда Гитлером, — дети, кухня, одежда, церковь, но если хотят — то, пожалуйста, они могут пытаться заниматься чем угодно. Кстати, отсюда следует, что обучение и воспитание полов должно непременно вестись раздельно. Требуется возродить женские и мужские школы. Совместное воспитание профанирует эти отношения. Конечно же, ещё более насущно — это воспитание хищных индивидов отдельно от других детей, в неких спец-интернатах и затем — принудительное трудоустройство. Всё — без жестокости, но достаточно настойчиво и неукоснительно.

При согласии женщины без сопротивления, без «виляния бёдрами», сексуальность действительно угнетается, это происходит и при активном (неестественном) поведении женщины. Но вот в публичных домах, и вообще проститутками, парадоксально используется контрастный по отношению к процессу «благородного» ухаживания за женщинами, но тоже действенный способ, — полная доступность, при этом половое влечение тоже резко возрастает. В такой же сильной степени при этом происходит профанация, опошление высокой, чистой стороны отношений мужчины и женщины. Но пользуются услугами таких заведений регулярно в основном аморальные личности, т.е. хищные (или охищненные, часто — просто пьяные). В этом обстоятельстве ощутима некая связь с упомянутой ранее ущербностью многих хищных гоминид, связанной с давнишним отсутствием в их популяциях естественного отбора (то, что они убивают друг друга — это лишь бессистемное — кому повезет — «прореживание»). Поэтому они, подобно беззубым волкам, приходят «на готовенькое», к сексуальной кормушке. Не все они способны на длительное, упорное преследование «объекта сексуального предпочтения» (как сексологи, напомним, называют предмет любви), по типу любовного неистовства Рогожина в отношении Настасьи Филипповны (персонажи романа Ф.М.Достоевского «Идиот»).

Проституция имеет и ещё одну важную сторону, которую нужно осветить. Эротичность, как эмоциональная сила, совмещающаяся с агрессивностью, доминированием, естественно накладывает ограничения на эти взаимоотношения. Если индивид не имеет духовно-психических сил доминировать над партнёром, то соответственно должна угнетаться и чувственность. Именно здесь коренится множество внутрисемейных «постельных» проблем. Тут же, в частности, проявляется тот интеллектуально-психологический принцип, согласно которому равный не имеет внутреннего права управлять равным, поэтому требуется иерархия во всех таких «субординационных» случаях. Всё это находит своё «продолжение», естественно, и в сексуальных отношениях. Наиболее кратко его сформулировала французская писательница Саган (наверняка — «всезнайка» в области секса): «нельзя любить того, кого уважаешь». Хотя в большей степени здесь выражена именно мужская физиологическая позиция. Женщины же могут любить, в принципе, кого угодно, они как бы обнимают всю мужскую половину человечества. Им необходимо на кого-то «сбросить» мощь своего инстинкта («любовь — зла, полюбишь...»). В связи с отмеченной связью с агрессивностью, легко понять, в чём тут дело.

Неуважение к объекту «сексуального предпочтения» усиливает сексуальное влечение,

возбуждает похоть. И наоборот, уважение к человеку, пиетет перед ним, снижает половое чувство, переводит его в «платоническую» плоскость. Вот почему мужчины так «любят» проституток, нехищные мужчины к тому же и жалеют их (можно вспомнить обширную русскую литературу на эту тему). Хищные же мужчины одновременно презирают их, как, впрочем, и остальных женщин. А женщины, в свою очередь, следуя своей знаменитой «логике», с ума сходят от всяких гадов, просто недостойных даже жить на Земле. Наверное, они считают их «падшими ангелами». Диффузные женщины сохнут по всяким знаменитостям, обожествляют объекты своего сексуального предпочтения, как правило, оказывающиеся хищными и извращёнными. Любовь этих глупых девчушек к кумирам и идолам — это продолжение наивной «девичьей мечты о принце». У хищных же «принцесс» этого безоглядного чувства не бывает, они предельно расчётливы и потому чаще захватывают этих идолов, тем более, что присущая им извращённость их нисколько не смущает, ибо они тоже не промах и «сами с усами».

Самое страшное в этой «суммарной» патологии то, что её наличие одновременно означает и отсутствие истинной нравственности. Точнее, всё это нужно понимать так, что именно тот самый «женский потолок» в нравственности хищных гоминид и значительной части межвидовых гибридов (рожденных от хищных отцов) становится основным фактором, определяющим и направляющим их сексуальность. Ведь и «тщеславие», и «лицемерие», как стержневые психологические черты хищных мужчин, в особенности, суггесторов, — это типично женские черты. Мужское тщеславие соответствует женскому кокетству, а сексопатологический его аналог это — эксгибиционизм.

«Слабому», прекрасному полу нужно «показывать» себя, кокетничать, постоянно ловчить, хитрить в отношениях с соперницами, прибегать к всевозможному коварству, пусть и относительно, в мелочах, но всё равно это показательно. Именно об этом говорит О.Вейнингер, сливая политика и проститутку в единый «бессмысленный, бездельный для человеческой мудрости» феномен, не оставляющий «по себе ничего неизменного, ничего вечного». «Антоний и Клеопатра — весьма похожи друг на друга... Поэтому трибун и проститутка получили название „бичей Божьих“, они рассматриваются, как явления глубоко антиморальные» [4]. Известное выражение «политическая проститутка» не должно быть обвинением для отдельных политиков, это констатация всеобщего, «космополитического» факта и очень удачное конкретное определение для официальных («фасадных») власть имущих как таковых.

Очень часто кардинальный, видовой бисексуализм у хищных гоминид, как уже отмечалось, сублимируется в почти не замечаемую форму женоненавистничества. Действительно, это почти никогда не интерпретируется как именно женоненавистничество, а представляется чем-то иным, например, «серийным» обольщением. Это — гипертрофированная «охота» на прекрасный пол, неуёмное стремление соблазнить всё новых и новых женщин. Правда, сделаны многочисленные попытки психологически интерпретировать классический образ Дон-Жуана именно в таком плане — как некоего патологического субъекта, недалеко ушедшего от женщин по своему духовному развитию. Подспудная ненависть хищных «обольстителей» к женщинам проявляется в том, как они относятся к ним в дальнейшем, после «победы» (удачной охоты). Они их подавляют, третируют, используют в своих целях, в лучшем случае, сразу же бросают. И, «естественно», — совершенно не уважают, а лишь «любят», после чего обливают ушатом презрения [74].

Точно так же, практически неотличимо (разве что в «эrogenных деталях») относятся в тюрьмах и лагерях к «опущенным», к пассивным педерастам. Наиболее же отчётливо подобное презрительное и жестокое отношение к женскому полу демонстрируют сутенёры — самые гадкие из всех суггесторов. Ничем иным невозможно объяснить это сексуальное негативное «последствие» — полное, часто нескрываемое неуважение хищных мужчин к «побеждённым» женщинам.

Наиболее «продвинутый» в этом направлении «воин» — это знаменитый, но так и не пойманный, Джек Потрошитель — печально знаменитый лондонский ночной убийца уличных проституток. Именно он является как бы идейным, или «духовным» (именно такова «духовность» в применении к хищным гоминидам) вождём хищных гоминид в «женском вопросе». Почему же он убивал только проституток?! Дело в том, что проститутки — это оплот

хищных женщин, похоть — их форма и поле борьбы с мужчинами, а вагина и прочие «прелести» — их оружие. «Меня не убудет, а ты — ещё и плати!» Термин проститутка здесь нужно понимать более общо — как все те женщины, которые на первый план в своей жизни ставят сексуальные и тщеславные утехы, а не продолжение рода, как это делают нехищные женщины-матери. Т.е. не все проститутки — хищные, но все хищные женщины — в обязательном порядке проститутки, в своих связях с мужчинами преследующие только — физиологическую или материальную — выгоду. Правда, наивный Джек воевал не совсем с истинным врагом. Тогдашние уличные лондонские проститутки — это наверняка, по большей части, люмпенизированные крестьянки, но, вероятно, интеллектуальный уровень Потрошителя не позволил ему выйти на нужный уровень в его борьбе. Так дебил-революционер убивает мелкую должностную сошку, бесправного многодетного полицейского вместо подлинного мерзавца — политической акулы, на «анти-совести» которого множество преступлений.

Возможно, именно в этом обстоятельстве (сублимации хищности) заключается причина неудач, подстерегавших все некогда создававшиеся коммуны. В этих изолированных от общества объединениях резко возрастала агрессивность, и в особенности жестокость проявлялась по отношению к детям и женщинам. Наверняка, во всех таких коммунах процент хищных гоминид превышал «допустимые» нормы, ведь нехищным людям пойти на такое дело самостоятельно вряд ли удастся. Все социальные проблемы в человечестве возникают только из-за того, что нехищное большинство (как и его практически любая часть, за исключением разве что небольших дружеских компаний) неспособно самоорганизоваться и дать отпор хищным гоминидам. А спасение человечества именно в этом — смогут ли нехищные люди построить самоорганизующуюся (разумную) общественную систему. Станет ли всё человечество огромной дружеской, творческой, созидательной семьёй (все люди братья и сестры) или так и останется — в таком случае до уже скорого своего конца — сборищем грызущихся насмерть звериных стай хищных гоминид и запуганного, панически шарахающегося во все стороны, человеческого стада.

Все имеющиеся видовые различия проявляются и в семейных отношениях, вообще — в «серьёзных» отношениях между полами. Диффузники и неантропы ошибочно «хорошо» относятся к женщинам, они считают их равными себе, ведут себя соответственно, ну и получают, в итоге, от такой «ровни» себе «по мордасам», со скандалами и воплями вдогонку: «Тряпка, а не мужчина!».

Хищные же гоминиды, наоборот, ведут себя с женщинами как полубоги, ставят себя выше их, подавляют и притесняют их, вызывая у тех на первых порах восторг. Если партнёрша — их вида, т.е. такая же негодяйка, то всё в итоге как-то образуется — сволочная, на всё способная гиеновая парочка оформлена. Либо, наоборот, они становятся смертельными врагами, разойдясь, в принципе, в мелочах, что называется, «не сойдясь в характерах», действительно как-то не состыковавшись психологически или физиологически. Но если женщина оказывается нехищной, т.е. наивной и порядочной, то после прозрения, всегда наступающего как хмурое, ненастное утро, она оказывается в очень затруднительном положении, жизнь обычно уже исковеркана.

Самое правильное поэтому отношение к женщинам со стороны нехищных людей (хищные гоминиды на подобное органически неспособны) — это очень бережное, но и строгое отношение к ним, — как к детям (они таковые и есть). В то же время относиться к ним надо очень серьёзно, как к существам по-настоящему равным, с учётом того, что эти «дети» с очень нелёгкой судьбой (второсортность социального статуса) и непомерной нагрузкой (материнство). Талантливые педагоги именно так ведут себя даже с малолетними детьми — «по-взрослому».

Некоторой «социальной» компенсацией для женщин является тот факт, что к старости очень многие из них становятся истинно мудрыми, даже при ярко выраженной наивности и недалёкости в нередкой бурной молодости. В то время как большинство мужчин, даже из самых что ни на есть вундеркиндов и талантов, дожив до седых волос, остаются такими же вздорными и непутёвыми мальчишками, как и были. До мудрости они «дотягивают» очень редко. Вот почему так много убелённых благородными сединами или украшенных великолепными лысынами старцев с ясным непогрешимым взором, несущих откровенную ахинею, да и ещё — с

апломбом, чего нельзя никак сказать о пожилых женщинах (разница, во всяком случае — на порядок). Поэтому-то так желателен и, возможно, единственно спасителен для человечества — верховный матриархат. В дополнение к разумной самоорганизации будущего общества это дало бы ему и необходимую степень консервативности, социальной устойчивости.

...На Западе, видимо, не понимая полностью, а действуя на основе анализа горьких ошибок «социально-сексуального опыта в государственном строительстве», поступают совершенно правильно, когда самым тщательным образом следят за нравственностью представителей всех эшелонов власти, и особенно беспощадно отстраняются от власти именно гомосексуалисты. Не менее похвально и то, как, например, общественность США яростно сопротивляется принятию закона о свободном допущении гомосексуалистов к службе в армии.

Правда, что-то не очень верится в тамошнюю искренность власть имущих в их намерениях, скорее всего, — это есть проявление политической борьбы, как ещё одно из обширного набора средств убрать неугодного деятеля. Но позитив, в любом случае, здесь ощутим.

В этом плане, утверждая, что большинство политиков — суть хищники, нельзя обойти знаменитое, подчёркнуто добропорядочное поведение известных политиков. Но тут, во-первых, присутствует настоятельная необходимость демонстрации оной добропорядочности — до нарочитости. А во-вторых, наверняка, у многих из них наличествует скрытая (латентная), форма бисексуальности, столь ярко воспетая фрейдистами.

Как отмечалось, существует некая альтернативность в выборе и реализации хищным индивидом сублимации собственной агрессивности. Т.е, она может вылиться непосредственно в сексуальную извращённость, совмещённую со злобным отношением (нередко замаскированным внешней елейно-приторной «добротой») к партнёрам и окружающим, либо «перетечь» в политическое русло, в котором ощущение собственной значимости затормаживает аномальные сексуальные импульсы, или же удаётся вести «полнокровную», но тайную порочную жизнь.

Поэтому никого не должны шокировать газетные откровения московского «проститута» о его любовниках, о том, что они женаты, имеют детей, занимают к тому же видные финансово-политические посты, так что могут позволить себе даже раскошелиться на подарок в виде «Тойоты». Так же не должны быть удивительны и формы сексуального общения подобных аномальных созданий. «Он угостил меня фруктами, предложил хороший коньяк. Пришли в спальню. Он надел роликовые коньки, попросил взять его за член. И я, как дурак, два часа катал его вокруг огромной кровати»... Таких курьёзных историй существует несчетное множество. Так, некий офицер-бисексуал, в целях вызова возбуждения, заставлял своих партнёрш надевать на голое тело португепю с кобурой и маршировать перед ним...

Для полного «колорита» можно привести одно из наблюдений Крафт-Эбинга. «Я знал оригинала, который в ярко освещённой комнате укладывал на низкий диван женщину, наряженную в декольтированное бальное платье. Сам он, находясь у двери другой тёмной комнаты, некоторое время всматривался в женщину и с силой кидал ей за пазуху экскременты. Это вызывало у него семяизвержение» [73]. Существует невидимый обычным людям целый мир подобных проявлений хищной сексуальности, такой же причудливый и страшный, как и родственный ему, тесно переплетающийся с ним мир — чудовищно феерическая (для стороннего наблюдателя) юдоль шизофрении и паранойи.

Человек, как в силу социальных условий, так и чисто физиологически, не способен полно проявлять себя одновременно во многих областях, это относится и к сексу. Чаще происходит сублимация сексуальной энергии в некое определённое русло: политика, творчество и т.д. Хотя и бывают подтверждающие правило исключения — случаи необычайной разносторонности политика, совмещающейся с великолепной артистичностью и яркой, «запоминающейся» сексуальностью (как тот же Нерон). Политики Америки, как и всего Запада, пытающиеся играть роли добропорядочных семьянинов-однолюбов, «а la, аки лебеди», наверняка имеют латентную гомосексуальную тенденцию. Именно о таких писали и продолжают писать психиатры и психологи, начиная с Фрейда. Достаточно будет примера Джона Кеннеди, который, как выяснилось, был крайне распущенным, сексуально расторможенным типом.

Отстранение и дискриминация женщин в этом «властном направлении» имеет

совершенно иной характер, но в дальнейшем наверняка обе эти дискриминационные санкции обретут схожесть: то есть ни гомосексуалисты (ни в коем случае), ни женщины (с оговорками) не должны будут занимать командные позиции в обществе. В этом плане, кстати, тоже создан был провидческий прецедент всё тем же Адольфом Гитлером: его знаменитые «четыре К» для женщин: «Kinder, Kuchen, Kleider, Kirchen», упомянутые выше в русском переводе. К тому же эти «запреты на посты» (это касается только низких и не очень значительных постов) должны распространяться лишь на относительно ещё молодых женщин (дабы не отвлекать их от более важных К-дел). Недопущение же гомосексуалистов к любым властным должностям не должно иметь «возрастного ценза» — их безнравственность с возрастом лишь «закаляется», другими словами, их «префронтальная брешь» в мозгу, наверняка, расширяется.

В то же самое время очень высокие государственные посты (в том числе, пост главы правительства — обязательно!) могут и должны принадлежать женщинам неоантропического (!) вида. Лишь пост министра обороны, если таковой, сохранится в будущем, всегда должен принадлежать мужчине: драка любого масштаба — не женское дело.

Это в значительной степени можно считать реставрацией и реабилитацией матриархата. В будущем эта нескончаемая (слава Богу!) война между мужчинами и женщинами должна будет остаться единственным проявлением агрессивности, милитаристского духа в человечестве. В этом, воистину, светлом будущем (без хищных гоминид, оттеснённых в олигофранные слои общества, уже юридически приравненных к прочим невменяемым субъектам с ограниченной дееспособностью) станет возможным возведение разумно-строгого, романтически-морального общества, в котором ЖЕНЩИНА будет предельно возвышена, идеализирована. Для этого необходимо будет обеспечить все требующиеся условия.

Конечно же, это не будет иметь ничего общего с нынешними потугами феминисток и суфражисток — этих хищных особ, как правило, лесбиянок и садисток. Наоборот, так же, как женщину мужчины галантно пропускают вперёд, так же точно будет и «там». Пусть себе занимаются, чем только им угодно будет, а затем всё образуется. Представители же и представительницы суперанимального и суггесторного видов будут «взяты на заметку» в обязательном — «добровольно-принудительном» — порядке. Понятно, что процесс «обуздания хищного потока» должен будет начаться с суперанималов и суггесторов — мужчин, а лишь затем уже распространён и на женщин-хищниц.

Для восстановления и поддержания романтического отношения к женщине необходимо раздельное воспитание и образование. Конечно же, совершенно иначе поставленное, нежели прежние раздельные системы, — уже с учётом хищного компонента, его изолирования, — во избежание сексуальных перверсий. Избежать же некоторых девиаций, видимо, не удастся. Всё остальное времяпрепровождение должно быть предельно свободно от изоляции полов.

В общем ракурсе к женщинам нужно относиться, и впрямь, как к детям. В этом ни в каком случае не содержится ничего обидного. Это означает лишь, что нужно относиться к ним бережно, трепетно и нежно. Ведь всё в этих существах создано для мужчин. Не существует никакой противоположности мужчины и женщины, а есть дополнительность. Уже одна только эта их «комплементарность» (дополнительность), то, что у них другие половые органы, идеально подходящие для мужских, иное на ощупь, более приятное тело, иной, возбуждающий запах — всё это должно восприниматься мужчинами как величайшая ценность. И это — не просто позитивная данность нашего мира, это — соприкосновение с другим, более высоким миром, равноправное сотрудничество с которым обогащает обе стороны, но всё же больше удовольствия приносит «мужской половине» — уже за одно это мужчинам необходимо быть крайне признательными женщинам. Как тут не вспомнить благодарственную молитву евреев, в которой они славят Иегову за то и за это, но в особенности за то, что родились мужчиной, а не женщиной.

Этот женский мир как бы снизошёл к мужчинам, он ему прощает авансом, загодя, ничего не требуя взамен, кроме мало-мальски дружеского участия, ну и немного (и почаще бы) секса — для здоровья. Даже иная логика, женское мышление должны восприниматься адекватно, как воспринимается детская наивная филологическая гениальность (в возрасте «от двух до пяти»). И мужчинам необходимо своим созидательным, упорным трудом отрабатывать эти «авансы».

Эти милые существа любят нас, мужчин, они любят нас — гадких, вредных, подлых,

эгоистичных существ. Женщины созданы именно для этого. Вспомним чеховскую Душечку — это же идеал женщины! И то, что не все они такие ласковые и всепрощающие, виноваты не кто иные, как хищные гоминиды, предельно озлобившие земной мир, превратившие его для кого в юдоль печали, для кого в бедлам, для кого в ад крошечный. Как же можно обижать женщин? Их покорили, овладели ими, и хищные гоминиды-самцы гордятся этим, как неким подвигом! Ну чем тут можно гордиться?! Ведь женщины именно для этого и созданы! Это — их предназначение! Как можно ругать солнце за тепло? Как можно утолить жажду водой из колодца и после этого плевать в него?! Но именно это и вытворяют хищные гоминиды-самцы и со своими самками и с нехищными женщинами. И эти последние оказываются социально-психологически изуродованными хищным миром. Их теперь надобно лечить, выхаживать.

Нехищные женщины, любя мужчин, вынуждены для этого жуткого занятия быть и эстетически, и этически сниженными, обязаны иметь некий потолок в нравственности (хищные женщины, правильнее, самки хищных гоминид попросту не имеют таковой). Иначе попросту невозможно любить и даже терпеть рядом этих некрасивых, лысых или седых, неопрятных, противных существ, да ещё заносчивых и драчливых, каковыми являются мужчины. Женщины (в том числе и хищные) в таком ракурсе, — воистину, как врачи, которые тоже должны быть циничными и небрезгливыми, иначе невозможно спокойно ковыряться в вонючих внутренностях и гнойных ранах больных людей.

Связь с медициной здесь даже более глубокая, чем это может показаться. Врачевание — «технически» хищное дело, медицина сильно охищнена, в степени не меньшей, чем вынужденная охищенность женской «профессии». Медицина является одной из самых подходящих просоциальных форм деятельности для хищных гоминид и она поэтому стала одним из облюбованных ими пристанищ. Именно поэтому в медицине так много всяческой моральной «нечистоплотности», не говоря уже об откровенных «врачах»-садистах. Вспомним, с какой лёгкостью набирался штат, «медицинский персонал» в фашистских — германских и японских — концлагерях для проведения изуверских экспериментов на людях, как, например, японский «Отряд N731». Но и без того всем известно, какие потенциальные экспонаты для кунсткамер могут попадаться среди медиков. СМИ постоянно сообщают о торговле врачами не только наркотиками, но и детьми для трансплантации органов. О самом «безобидном» применении гиппократовского принципа «не навреди» рассказал ныне знаменитый хирург Ренат Акчурин. Будучи некогда на стажировке в США, и попав на операцию, проводимую американскими хирургами, он был поражён её откровенной ненужностью, о чём незамедлительно и уведомил американских коллег, подумав, что это какая-то ошибка. Те же в ответ яростно зашикали на будущего «анти-могильщика» Ельцина: «Замолчи! Это — не пациент! Это — денежный мешок!»

Здесь мы вновь вплотную подходим к описанному ещё Отто Вейнингером [4] понятию: «женский потолок» в нравственности. «У женщин нет души, потому не может быть у них и морали». Всё почти как и у животных, для которых тоже не существует этических категорий. Конечно же, здесь «Отто не прав»! Это «бездушие» характерно лишь для самок хищных гоминид. Нехищная же женщина попросту вынуждена придерживаться этически сниженной линии в своём поведении, она оказывается в намного худших условиях по сравнению с мужчинами, ей на порядок труднее, вот и приходится постоянно ловчить, даже в мелочах. Поэтому для нехищных женщин должны создаваться «нравственно щадящие» условия, лучше всего — это тяжёлая и полная занятость очень хорошим и благородным делом. Так, например, отдали свою жизнь полностью служению людям Мать Тереза, Флоренс Нейтингейл и многие другие великие Женщины. Собственно, жизнь большинства диффузных женщин — материнство, забота о семье — это и есть именно такие условия. Плохо лишь то, что даже этот человеческий «прожиточный минимум» им приходится добывать с огромными жертвами, как говорится, потом и кровью.

Многие же женщины-суггесторы из «благородного общества», из кругов правящей «элиты», бесясь с жиру, одурев от сплина, своими показными актами филантропии, благотворительности делают лишь «хорошую мину при плохой игре», имитируют служение «добру», паразитируя на нём, — как, например, приснопамятная принцесса Диана. Так,

скучающие барыньки-туристки бросают в портах с борта корабля монетки в воду, за которыми ныряют местные мальчишки из бедняцких семей, рискуя при этом угодить в зубы акулам.

Здесь следует добавить некое разъяснение — о нравственности человеческих видов, с учётом половых различий. У представителей и представительниц суперанимального вида категория нравственности отсутствует полностью, как и у животных. Но у суггесторов уже возникают некие этические коллизии, хотя до морального внутреннего закона им — как до звёзд из самых дальних галактик, от которых и свет до нас не доходит. И всё же нельзя не отметить, что и на этом практически нулевом «этическом уровне» иные женщины-суггесторы оказываются этически выше суггесторов-мужчин. Для иллюстрации сказанному можно сравнить проститутку (так или иначе дающую некое тепло и радость людям) и — абсолютно антиморальное существо — её сутенёра.

Далее, у диффузного вида — мужчина-труженик, сознательно выбирая для себя нравственное поведение, сторону добра, или же только ведя трудный духовный поиск, именно он оказывается нравственно выше диффузной женщины-матери, которая вся «вложена» в заботу о детях. Эта её любовь к детям — инстинктивна, она любит своего ребёнка безотносительно его действительных качеств, и потому здесь моральные параметры как бы «сняты». Но чисто «технический», т.е. внешний, поведенческий уровень диффузной женщины-матери так высок, что из материнства очень легко было сделать возвышенный идеал, даже создать теологический культ (мадонна, богородица). Наконец, у неоантропического вида такую же однозначно определённую позицию, как и у диффузной женщины, занимает мужчина, с его врождённым, обострённым нравственным чувством, ему тоже, так сказать, «из колеи добра» никуда не деться. Поэтому здесь на большей высоте этического поиска, нежели мужчина-неоантроп, уже оказывается женщина-неоантропичка; точнее, она может оказаться, так как имеет право нравственного выбора для себя.

В общем случае получается, что только диффузные мужчины и неоантропические женщины проводят жизнь (способны проводить) в режиме наиболее напряжённого — для себя — духовного поиска. И если посмотреть на историю мировой цивилизации, то видно, что всё самое нравственно высокое, как и все поиски в этом направлении, пусть и не всегда правильные, имеют прямое отношение лишь именно к ним — диффузным мужчинам и женщинам неоантропического вида. Диффузные женщины и неоантропы-мужчины «проходят по жизни незаметно», что свойственно «истинно великим людям», и именно они обеспечивают общий, «базовый» нравственный прогресс, определяют и удерживают направление вектора в духовном развитии общества. Все же поиски и конкретные — «проводимые на себе» — эксперименты в нравственной сфере — за их «половинами». Здесь имеется в виду выработка и окончательное становление собственного этического уровня, предельно возможного для личности нравственного поведения.

...У хищных мужчин даже отношение к «женским прелестям» своеобразное, оно совсем иное, чем у нехищных. «Я заставил её раскрыть эту штуку и направил туда луч электрического фонарика... Никогда в жизни не рассматривал пизду так внимательно... И чем больше я смотрел, тем менее интересной она мне казалась... Ужасное зрелище! Дело в том, что все они одинаковы. Когда видишь их в одежде, чего только не воображаешь; наделяешь их индивидуальностью, которой у них, конечно же, нет. Только щель между ногами, но ты заводишься от нее, хотя на самом деле и не очень-то на неё смотришь... Но всё это иллюзия. Ты загораешься от ничего... от щели с волосами или без волос... Вся эта тайна пола... а потом ты обнаруживаешь, что это ничто, пустота... И вот это-то и противно». Такова точка зрения суггестора — развратника, потаскуна из романа Генри Миллера «Тропик Рака». Совершенно иное мнение у героя романа Джона Апдайка «Кентавр». Юноша, впервые «добравшийся» до интимных мест любимой девушки — в совершеннейшем восторге от поразительного «наличия отсутствия»: «Чудо! Там ничего не было! Ничего!»

Именно такова стратегическая альтернатива мужчин в их отношении к женщине. Либо (в интерпретации хищных гоминид) — это кусок мяса с обволоченной дыркой, или, в терминологии уголовников, «лохматый сейф». Либо (в понимании нехищных людей) женщина — это жгучая тайна, соприкосновение с иным миром, чудесным и прекрасным, нежным и хрупким, в котором царствуют вечная юность, чистое счастье, детский смех. Это и есть идеал

взаимоотношений мужчин и женщин.

Но этот идеал возможно осуществить лишь при отсутствии тлетворного влияния на всё и вся хищных гоминоид. И людям пора кардинально менять отношение к друг другу, надо учить детей присматриваться с самого раннего возраста: кто вокруг? Собственно, кое-что в этом плане делается, многие родители своим детям советуют «не водиться с нехорошими детишками», но требуется стократно усилить этот нравственный контроль. Понятен вред, который исходит от весьма распространённых призывов безоговорочно любить детей. Ведь, и вправду, неестественно трепетно нежное отношение к сволочам, неважно — уже выросшим или только подрастающим.

Но, к сожалению, дальнейший путь человечества в плане развития «свободы личности» предстает весьма в прискорбном виде, ибо вектор этого пути, задаваемый ныне «золотым миллиардом», трудно назвать высоко духовным. Вот уж, действительно, не всё то золото, что им именуется, или, точнее, всё то — вот уж не золото, так не золото...

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.Ф.Поршнев, «О начале человеческой истории». М., 1974.
2. Б.Ф. Поршнев, «Социальная психология и история», М., 1979.
3. Конрад Лоренц, «Агрессия. Так называемое Зло». М., 1994.
4. Отто Вейнинггер, «Пол и характер». М., 1991.
5. Чарльз Дарвин, «Происхождение человека и половой отбор», М., 1907.
6. «Общая сексопатология», под ред. Г.А.Васильченко, М., 1977.
7. Збигнев Старович, «Судебная сексология», М., 1991.
8. Ричард Докинз, «Эгоистичный ген». М., 1994.
9. Л.Н.Гумилев, «Этногенез и биосфера Земли», Л., 1990.
10. Б.А.Диденко, «Сумма антропологии», М., 1992.
11. Б.А.Диденко, «Цивилизация каннибалов», М., 1996.
12. Б.А.Диденко, «Хищная власть», М.1997.
13. Чезаре Ломброзо, «Гениальность и помешательство», С-П., 1892.
14. Эверетт Шостром, «Анти-Карнеги», М., 1994.
15. Артур Шопенгауэр, «Свобода воли и нравственность», М., 1992.
16. Карен Хорни, «Женская психология», С-П., 1993.
17. А.М.Свядоц, «Женская сексопатология», М., 1974.
18. П.Ф.Лесгафт, «Школьные типы. Антропологический этюд», М., 1971.
19. Л.Меттлер, Т.Грегг, «Генетика популяций и эволюция», М., 1973.
20. Карл Юнг, «Психологические типы», М., 1995.
21. Аристотель, «Политика», (Собр. соч. в 4-х томах, М., 1984).
23. Фридрих Ницше, «Воля к власти», М., 1996.
24. Вильгельм Райх, «Психология масс и фашизм», С-П., 1997.
25. В.М.Кайтуков, «Эволюция диктата», М., 1992.
26. А.А.Зиновьев, «Запад. Феномен западнизма», М., 1995.
27. Мартинас Ичас, «О природе живого: механизмы и смысл», М., 1994.
28. П.М.Хомяков, «Национал-прогрессизм», М., 1994.
29. Поль де Крюи, «Борьба за жизнь», М., 1957.
30. И.С.Кон, «В поисках себя: личность и ее самосознание», М., 1984.
31. В.П.Эфроимсон, «Генетика этики и эстетики», С-П., 1995.
32. Е.Дюбуи, «Проституция в древности и половые болезни», С-П, 1907.
33. Л.Е.Балашов, «Мир глазами философа», М., 1997.
34. С.Г.Кара-Мурза, «Интеллигенция на пепелище России».
35. Ян Линдبلاد, «Человек — ты, я и первозданный», М, 1991.
36. Й.Лангмейер, З.Матейчик, «Психическая депривация в детском возрасте», М., 1987.
37. Гай Светоний Транквилл, «Жизнь двенадцати цезарей», М., 1991.
38. А.Г.Дугин, «Основы геополитики», С-П., 1997.
39. А.Г.Дугин, «Консервативная революция», М., 1995.

40. Гилберт Честертон, «Вечный человек», М., 1991.
41. Эрих Фромм, «Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии», («Вопросы философии», N7, 1992).
42. Эрих Фромм, «Анатомия человеческой деструктивности», М., 1983.
43. Альберт Швейцер, «Благоговение перед Жизнью», М., 1981.
44. Пьер Теияр де Шарден, «Феномен человека», М., 1987.
45. П.А.Кропоткин, «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», С-П, 1907.
46. Джакомо Казанова, «История моей жизни», М., 1990.
47. Иммануил Кант, «Критика практического разума», М., 1977.
48. Карл Ясперс, «Смысл и назначение истории», М., 1989.
49. Дональд Дьюсбери, «Поведение животных», М., 1981.
50. Ян Дембовский, «Психология обезьян», М., 1963.
51. Йохан Хёйзинга, «Homo Ludens», М., 1993.
52. Адольф Гитлер, «Моя борьба», М., 1992.
53. Джеймс Фрезер, «Золотая ветвь», М., 1981.
54. Торстейн Веблен, «Теория праздного класса», М., 1983.
55. Н.Н.Миклухо-Маклай, «Собр. соч. в 6-ти томах», М., 1993.
56. Люсьен Леви-Брюль, «Первобытное мышление», М., 1930.
57. Джоан ван Лавик-Гудолл, «В тени человека», М., 1974.
58. Джозеф Миллер, «Короли и сородичи», М., 1984.
59. К. Леви-Строс, «Печальные тропики», М., 1984.
60. Маргарет Мид, «Культура и мир детства», М.
61. А.А.Меняйлов, «Катарсис: подноготная любви. Психоаналитическая эпопея», М., 1997.
67. Джон Апдайк, «Кентавр», («Иностранная литература», 1965, N2).
68. Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», М., 1979.
69. Секст Эмпирик, (Соч. В 2-х томах, М., 1981).
70. О.А.Платонов, «Почему погибнет Америка», («Русский Вестник», N11-13, 1998).
71. Библия Раджниша, в 4-х тт. М., 1994.
72. Г.П.Климов, «Красная каббала», М., 1996.
73. Рихард фон Крафт-Эбинг, «Половая психопатия», М., 1996.
74. Серен Кьеркегор, «Дневник обольстителя», М., 1994.
75. Бруно Оля, «Боги Тропической Африки». М., 1977.
76. Роберт Бэрн, Дебора Ричардсон, «Агрессия», С-Пб., 1997.

Боже, помилуй нас! Мы поклоняемся ложным богам и называем это культурным разнообразием. Мы узаконили содомитство и называем это терпимостью. Мы убиваем детей во чреве матери и называем это правом на аборт. Мы воспитываем молодёжь в распущенности и разврате и называем это прогрессивным воспитанием. Мы по уши увязли в порнографии и сквернословии и называем это свободой выражения. Мы измываемся над духовным наследием наших предков и называем это просвещением. Боже, взыщи нас, очисти нас от всей этой скверны!

Христианский священник Д.Райт, США